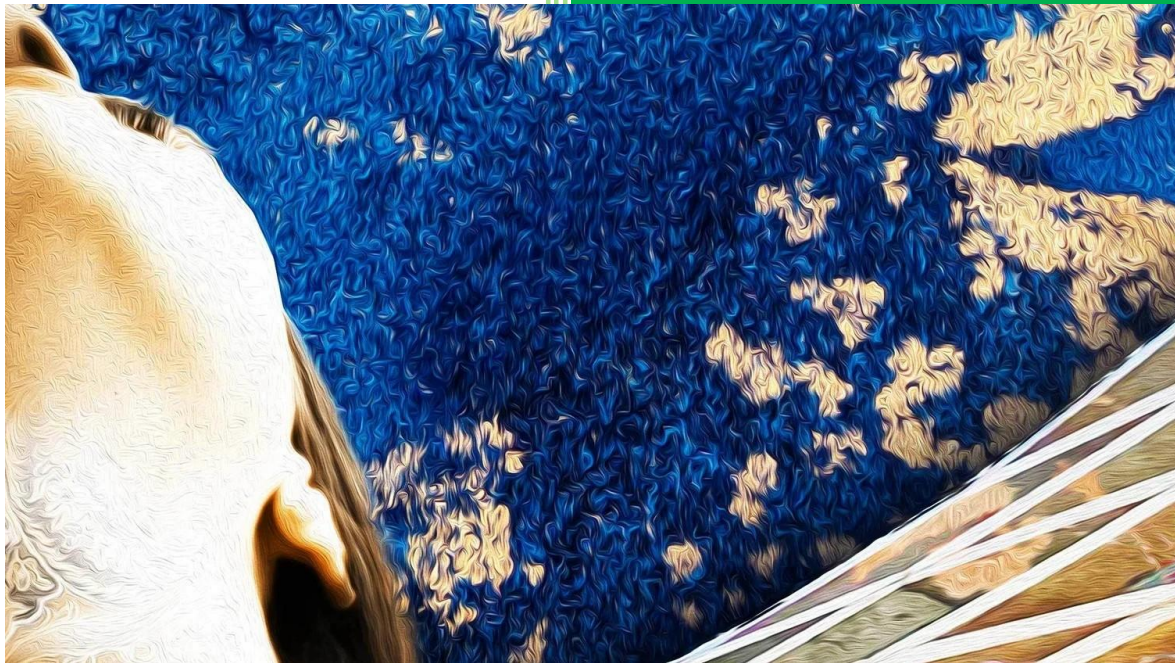

Юрий Мельников

Иранский дневник

Исфахан

Шираз

Фордо

Операция «Бродячий пёс»

Оглавление

Исфахан	4
Алеф (א): Протокол.....	4
Бет (ב): Вакуум и стихи Хафиза	8
Гимель (ג): Кристаллическая решётка лояльности	11
Далет (ד): Чай и французское кружево.....	14
Хе (ה): Охотник за танками	19
Вав (ו): Геометрия страха	23
Заин (ז): Энтропия выбора	26
Хет (ח): Цифровая каллиграфия	29
Тет (ט): Статистический шум.....	32
Йод (י): Двойная святость.....	36
Каф (כ): Танец в зазеркалье.....	39
Ламед (ל): Театр огня.....	42
Мем (מ): Теология возмездия	46
Нун (נ): Хрупкость фарфора.....	50
Самех (ס): Коллапс вероятностей	53
Айн (ע): Подземная правда	56
Пе (פ): Непреднамеренная сингулярность	60
Цади (צ): Геометрия недоверия	64
Коф (ק): Последняя пятница.....	67
Реш (ר): Алхимия слов.....	70
Шин (ש): Комната отражений.....	74
Тав (ת): Квадратура круга	78
Глоссарий	83
Шираз	87
Пролог	87
Глава 1. День выбора	89
Глава 2. Алгебра поражения.....	92
Глава 3. Магия чисел	96
Глава 4. Арифметика сур	99

Глава 5. Тени света	104
Глава 6. Сад расходящихся тропок.....	108
Глава 7. Формула страха	111
Глава 8. Архитектура невидимого	115
Глава 9. Халифаты из стекла и кода	119
Глава 0. Теория всего.....	123
Эпилог	126
Постскриптум	128
Глоссарий	131
Фордо	135
Аврора над пустыней.....	135
Чаепитие с тенью	137
Часы Судного дня.....	141
Дорога в никуда	145
Дом призраков	149
Дилемма заключённого	153
Встречные течения.....	155
В тени виноградной лозы	159
Трансмутация	164
Аномалия дождя.....	167
Зейнаб.....	172
Пасьянс для одного игрока	174
Постскриптум	178
Операция «Бродячий пёс».....	181
Глава 1. Йога vs. Апокалипсис	181
Глава 2. Кимчи и судьба.....	184
Глава 3. Файрвол для котика.....	190
Глава 4. Подписка на глупость.....	193
Глава 5. «Сила Сибири» — Сила ТикТока	197
Глава 6. Геополитика с пирожками	200
Глава 7. Тентакли стратегического назначения	203

Глава 8. Звонок из Преисподней	206
Глава 9. Эффективный Антихрист и World of Tanks	208
Глава 10. Мартас-Винъярд и веганская индейка	211
Глава 11. Гарантия безопасности	214
Глава 12. Земля Обетованная	217
Эпилог	221

Исфахан

Алеф (к): Протокол

ДЕЛО № 788-АТ/КСИР-ИСФ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Дата: 24 Ордибехешта 1402 г. (14 мая 2023 г.)

Время начала: 14:47

Время окончания: 15:58

Место: Управление контрразведки Корпуса стражей Исламской революции, г. Исфахан. Комната для допросов №4.

Допрашиваемый: Мусави, Захра, дочь Али Ферзали.

Допрашивающий: Следователь Управления Майор Мохсен Карими.

Присутствуют:

Следователь.

Секретарь (ведёт протокол).

Мусави, З.

(Комната стерильна. Бежевые стены. Металлический стол. Три стула. На столе — выключенный диктофон, стакан воды для допрашиваемой. Кондиционер монотонно гудит, поддерживая неестественную прохладу. Запаха нет. Вообще никакого. Это само по себе действует на нервы).

Следователь: Бисмилляхи р-рахмани р-рахим. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Доктор Мусави, начнём. Назовите ваше полное имя.

Мусави: Захра Мусави, дочь Али.

Следователь: Дата и место рождения?

Мусави: 25 Бахмана 1361 года. Город Шираз.

Следователь: Полный возраст?

Мусави: 40 лет.

Следователь: Семейное положение?

Мусави: Замужем.

Следователь: Имя и род занятий супруга?

Мусави: Амирхан Мусави. Начальник отдела безопасности муниципалитета Исфахана.

Следователь: Дети?

Мусави: Две дочери. Насрин, семнадцать лет, ученица старшей школы. И Зейнаб, двенадцать лет, ученица средней школы.

Следователь: Образование?

Мусави: Окончила Тегеранский университет, физический факультет, кафедра ядерной физики. Степень доктора наук по физике плазмы.

Следователь: Год защиты диссертации?

Мусави: Тысяча триста восемьдесят седьмой. По вашему календарю — две тысячи восьмой.

Следователь: Тема диссертации?

Мусави: «Моделирование неустойчивостей плазмы в токамаках методом гирокинетического приближения».

Следователь: Текущее место работы?

Мусави: Исследовательский центр ядерных технологий, Исфахан. Лаборатория номер четыре.

Следователь: Должность?

Мусави (*следователь перебирает тасбих — чётки*): Старший научный сотрудник.

Следователь: Ваш руководитель?

Мусави: Доктор Хасан Резаи.

Следователь: Вы носите хиджаб по убеждению или по необходимости?

Мусави (*после паузы*): По закону Исламской Республики.

Следователь: Это не ответ на вопрос.

Мусави: Я соблюдаю все законы.

Следователь: Как часто вы молитесь?

Мусави: Пять раз в день, когда позволяет работа.

Следователь: В лаборатории есть молельная комната?

Мусави: Да. Отдельная для женщин.

Следователь: Кто ещё из женщин работает в вашей лаборатории?

Мусави: Только я.

Следователь: Это не создаёт неудобств?

Мусави: Я привыкла.

Следователь: Мы видим в вашем деле отметку о стажировке за рубежом.

Мусави: Да. С 2009 по 2011 год. Во Франции. Комиссариат по атомной энергии и альтернативным источникам энергии, центр в Сакле.

Следователь: Вы поддерживали контакты с кем-либо из ваших французских коллег после возвращения на родину? Назовите имена. Доктор Филипп Дюбуа? Доктор Аньес Фурье?

Мусави: Контакты носили исключительно научный характер и были прекращены по моему возвращению в Иран, как того требовал протокол. Переписка по электронной почте касалась только завершения совместной публикации о поведении изотопов урана в газовой среде при сверхкритических скоростях. Последнее письмо было отправлено в 2012 году.

Следователь: Вы говорите, что реальность состоит из протоколов, доктор? Или что протоколы и есть реальность?

Мусави: Я говорю, что следовала предписаниям. Реальность — это совокупность физических законов. Протоколы — лишь их слабое отражение в социальной сфере. Попытка упорядочить хаос.

Следователь: Интересная философия... Ваш коллега, Рустам Йезди. Как долго вы его знали?

Мусави: С момента моего прихода в лабораторию. Около десяти лет.

Следователь: Опишите ваши отношения.

Мусави: Коллегиальные. Мы работали над смежными аспектами каскадной центрифуги. Иногда мы обсуждали уравнения Гельмгольца. Иногда пили чай в столовой. У него был хороший вкус на финики.

Следователь: Вы были близки?

Мусави: Близость — категория не из мира физики. Наши орбиты пересекались в строго отведённых для этого точках. Мы не были друзьями. Мы были функциями в одной системе.

Следователь: Когда вы видели его в последний раз?

Мусави: В прошлый четверг. В конце рабочего дня. Он уходил чуть раньше меня. Сказал «Ходахафез» (перс. «Храни тебя Бог», прощание). Как обычно.

Следователь: Вы заметили в его поведении что-то необычное в последние недели?

Мусави (после паузы): Он был более молчалив, чем обычно. Рассеян. Однажды я видела, как он чертил на салфетке не формулы, а что-то похожее на спираль Фибоначчи, только с ошибкой в последовательности. Это было иррационально. Не похоже на него.

Следователь: Иррационально (он делает едва заметную пометку на листе бумаги. Ручка не издаёт ни звука). Доктор Мусави, вы считаете себя лояльной гражданкой Исламской Республики Иран?

Мусави: Моя работа — лучшее тому доказательство. Я служу своей стране, используя знания, которые она мне дала.

Следователь: Ваша работа — это расщепление атома. Атом, как вы знаете, может служить и созиданию, и разрушению. Всё зависит от намерения. Так же и с лояльностью.

Мусави: Мои намерения чисты. Как вакуум в центрифуге.

(Следователь откладывает ручку и вновь берёт тасбих. Он слегка наклоняется вперёд. В комнате становится ещё тише, будто даже гул кондиционера приглушился, вслушиваясь. Голос следователя, до этого монотонный, как метроном, обретает иную, металлическую твёрдость).

Следователь: Доктор Мусави, вы когда-нибудь употребляли алкоголь или запрещённые вещества?

(Вопрос падает в тишину, как капля кислоты на мрамор. Абсурдный, неуместный, оскорбительный. Её пальцы, лежащие на столе, холодеют. Она смотрит на следователя, пытаясь разгадать эту логическую аномалию, найти причину такого сбоя в протоколе).

Мусави: Нет. Никогда. Это харам. И это... нелогично.

(Следователь не реагирует на её ответ. Он не моргает. Его взгляд — как объектив камеры, бесстрастный и всепроникающий. Он выдерживает паузу, давая первому вопросу сделать свою разрушительную работу, а затем, не меняя тона, наносит второй удар).

Следователь: Откуда вы узнали, что Рустам Йезди был убит?

Мусави *(долгая пауза, машинально поправляет магнаэ — часть хиджаба)*: Я... я этого не говорила.

Следователь: Но вы подозреваете.

Мусави *(едва слышно)*: Да.

Следователь: На основании чего?

Мусави: Интуиция. Только интуиция.

Следователь: Женская интуиция? В ядерной физике разве есть место интуиции?

Мусави: Это разные вещи.

Следователь: Допрос приостановлен в 15:58. Доктор Мусави, вы останетесь здесь. У нас будут дополнительные вопросы.

Время в комнате останавливается.

Бет (ب): Вакуум и стихи Хафиза

9 Ордибехешта 1402 г. (29 апреля 2023 г.)

День начинался с уравнения. Ещё до того, как муэдзин с бирюзового минарета мечети Имама пропел утренний азан, разум Захры уже выстраивал дифференциальные уравнения в частных производных, описывающие поведение плазмы. Это был её ритуал, её способ навести порядок во вселенной прежде, чем вселенная навяжет ей свой хаос. Она лежала в постели рядом с ровно дышащим телом мужа, Амирхана, и мысленно вращала гексафторид урана в симуляции, отделяя ценные изотопы от бесполезных, как просеивают зерна от плевел.

Дом — это первая ячейка. Здесь она — жена и мать. Она встала, не издав ни звука, надела домашний халат поверх ночной сорочки и прошла на кухню. Воздух пах вчерашним рисом и розовой водой. На столе — учебник старшей дочери, Насрин, раскрытый на странице с английскими неправильными глаголами, а рядом — аккуратно сложенная школьная форма младшей, Зейнаб. Две дочери — два вектора, направленные в противоположные стороны. Одна

— центробежная сила, рвущаяся наружу, к запретной музыке, к перепискам в зашифрованных мессенджерах, к миру, который она видела в фильмах. Другая — центростремительная, идеальная ученица, гордость школы, послушная и предсказуемая, как движение планет. Захра приготовила завтрак: лаваш, сыр, сладкий чай. Механические движения, выверенные годами.

Машина, её старенький «Пежо», — переходная зона. Здесь, в потоке утреннего исфаханского трафика, мимо древних мостов и пыльных платанов, она совершала трансформацию. Женщина, жена, мать — эти оболочки сбрасывались одна за другой. К тому времени, как она подъезжала к первому КПП объекта, оставалась только одна сущность — Доктор Мусави. Физик. Функция.

Лаборатория — её святилище. Ячейка номер два. Мир чистого разума. Здесь царил холодный свет люминесцентных ламп, гул вентиляционных систем и запах озона. Здесь не было места эмоциям, только данным. Мужчины-коллеги кивали ей сдержанно, почтительно, но на расстоянии. Она была для них аномалией: слишком умна, слишком замкнута, женщина в мире, где правили мужчины, ломающая их представления о мире, как нейтрон ломает ядро атома. Она не обращала на это внимания. Их мнения были лишь фоновым шумом, не влияющим на результаты эксперимента. Опасность представляли не их мнения, а их взгляды.

Её рабочее место было образцом порядка. Мониторы с графиками. Стопки распечаток с формулами. Идеально заточенные карандаши. Напротив, через проход, находился стол Рустама Йезди. Его стол всегда был творческим беспорядком: книги по философии соседствовали с руководствами по спектрометрии, на салфетках были набросаны не только уравнения, но и странные геометрические узоры. Рустам был единственным, с кем можно было говорить не только о работе. Он мог цитировать Хафиза, рассуждать о природе времени и приносить из дома финики, утверждая, что они из сада его деда в Йезде. Он был... погрешностью в системе. Допустимой погрешностью.

В тот день его стол был пуст.

Это было странно. Рустам никогда не опаздывал. К обеду его место всё ещё пустовало. Захра почувствовала укол беспокойства — иррациональный, нелогичный импульс. Она подавила его. Возможно, он заболел.

На следующий день стол был не просто пуст. Он был стерильно чист. Исчезли книги, стопки бумаг, даже кружка с надписью «Мыслью, следовательно, существую в суперпозиции». Словно его никогда и не было.

Захра подошла к руководителю лаборатории, доктору Резаи. Это был невысокий, сухой человек с глазами, которые, казалось, видели мир в инфракрасном спектре, замечая лишь тепловые следы угроз.

— Доктор Резаи, где Рустам Йезди? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Резаи не поднял головы от бумаг.

— Доктор Йезди переведён. Срочный проект на другом объекте.

— Он ничего не сказал. Это было внезапно.

— В нашей работе, доктор Мусави, — Резаи наконец поднял взгляд, и в нём не было ничего, кроме холодной стали, — всё самое важное всегда происходит внезапно. Вернитесь к работе.

Это было объяснение. И одновременно приказ не задавать вопросов. Но логика Захры кричала о нарушении протокола. Люди не исчезают так. Даже в их мире. Они прощаются, передают дела. Их перевод оформляется неделями. Это было неправильно. Система дала сбой.

Весь день она не могла сосредоточиться. Уравнения расплывались. В гуле центрифуг, сквозь бетон и кожухи, ей слышались чужие голоса. Она чувствовала на себе взгляды коллег — или ей это только казалось? Паранойя. Недопустимая переменная.

Вечером, когда почти все ушли, она подошла к пустому столу Рустама. Из чистого любопытства, сказала она себе. Просто чтобы убедиться. Она выдвинула ящик. Пусто. Второй. Пусто. В третьем, под металлической планкой, она нащупала что-то пальцами. Маленький, сложенный вчетверо листок бумаги. Не официальный бланк. Вырванный из блокнота.

Она развернула его. Внутри не было ни слова. Только несколько строк, начерченных знакомым почерком Рустама.

Это был не текст. Это была строка из стихотворения и ряд чисел.

«Где дом друга, о спутники мои?»

А под ней: 74.4.12.3_9.1.5.7

Строка из Хафиза. И код. Её охватил холод. Это было послание. Но от кого? Первая мысль была нелогичной, панической: он знал. Знал о данных, которые она копировала для человека, чьё настоящее имя она так и не узнала. Человека, которого видела всего дважды. Но если Рустам знал... Нет. Это

невозможно. Она была слишком осторожна. Слишком методична. Или нет? Ей казалось, что она стоит на границе между двумя мирами: миром порядка и миром хаоса.

Она сжала листок в кулаке. Бумага казалась обжигающе горячей. Она больше не была просто физиком, столкнувшимся с тайной. Она была шпионом, получившим сообщение, которое могло быть как ключом к спасению, так и ордером на её собственное исчезновение. И у неё не было права на ошибку.

Или Рустам оставил его для неё.

Гимель (λ): Кристаллическая решётка лояльности

(29 Мехра 1401 г. — 21 октября 2022 г.)

Осень в Исфахане — это время, когда свет становится хрупким, как старый фарфор, а воздух пропитывается запахом увядающих платанов и золотой пыли, летящей с пустыни. Захра любила эту пору. Уравнения в её голове, обычно чёткие и холодные, как линии на осциллографе, в октябре обретали цвет и тепло. Возвращаясь домой, она чувствовала, как логика лаборатории, мир предсказуемых траекторий и управляемых реакций, медленно растворяется в вязком, иррациональном мареве вечернего города.

В тот вечер всё было иначе.

Дождь начался внезапно, как начинаются все катастрофы — с едва заметного изменения в привычном порядке вещей. Сначала это были редкие капли на лобовом стекле её «Пежо», потом — плотная завеса, превратившая мир за окном в импрессионистское полотно. Захра включила дворники. Их мерный скрип напоминал метроном, отсчитывающий такты чужой симфонии.

Поток машин на проспекте Чахарбаг замер. Не просто замедлился, как в обычной пробке, а встал намертво, словно время сгустилось и перестало течь. Впереди, в сумеречном воздухе, висела неестественная тишина, которую пронзали нервные гудки и далёкие, похожие на лай, крики.

Захра выключила радио, где диктор бодрым голосом рассказывал о новых успехах в сельском хозяйстве. Она вглядывалась вперёд, пытаясь разложить хаос на составляющие. Люди в чёрной форме. Басиджи. Глухие удары дубинок по пластиковым щитам. Женский визг, оборвавшийся на высокой ноте. Она увидела, как по асфальту покатился одинокий белый кроссовок, а рядом, подхваченный ветром, трепетал сорванный с чьей-то головы хиджаб — лиловый, как цветок иудина дерева.

Студенты. Снова.

Её пальцы мёртвой хваткой вцепились в руль. Это была абстрактная картина, сцена из новостей, которую её разум привык классифицировать и убирать в ячейку «Общество: неприятное, но далёкое». Но сегодня расстояние исчезло.

В боковое стекло постучали. Это был полицейский. Она опустила стекло, и в салон ворвался запах дождя, смешанный с чем-то едким — слезоточивый газ.

— Документы, — его голос был усталым, механическим.

Она протянула удостоверение. Полицейский взял карточку, поднёс к глазам. Его взгляд скользнул от фотографии к названию учреждения и обратно. Что-то в его лице изменилось — безразличие сменилось тенью уважения. Или, может, просто иного рода подозрительности. Он вернул удостоверение.

— Простите, доктор. Куда направляетесь?

— Домой. Район Джолфа.

— Откуда едете?

— С работы. Исследовательский центр.

Он вернул документы, посмотрел на неё внимательнее, словно что-то взвешивая.

— Проезжайте, доктор. Будьте аккуратнее.

Захра уже потянулась к рычагу переключения передач, но он не отошёл. Он наклонился чуть ниже, и его голос стал тише, почти доверительным.

— Надеюсь, ваши дети не участвуют в этом, — полицейский кивнул в сторону хаоса за спиной. — Молодёжь сейчас не понимает последствий.

Слова не были угрозой. Они были чем-то хуже. Констатацией факта, напоминанием об её уязвимости.

— Мои дети дома, — ответила она, надеясь, что это правда.

После этого отошёл.

Захра медленно тронулась с места, объезжая группу басиджи, которые тащили по земле какого-то парня. Она смотрела прямо перед собой, но видела не дорогу. Она видела Насрин. Её шестнадцатилетнюю дочь. Её пламя, её ярость, её убеждённость в том, что мир можно переписать с чистого листа, как

неудачное уравнение. Она видела Насрин с её тайными аккаунтами в соцсетях, с её запретной музыкой, с её горящими глазами, когда она говорила о справедливости — слове, которое в мире Захры давно стало лишь переменной в чужих политических формулах.

И в этот момент стройная, выверенная вселенная Захры треснула.

Всю свою жизнь она верила — или заставляла себя верить, — что её работа, её гений служат великой цели. Созданию щита, который защитит Иран. Который даст её дочерям будущее, безопасность, гордость. А сейчас, глядя на подавление этого отчаянного, юного бунта, она с ужасающей ясностью поняла: щит, который она помогала ковать, был обращён не только вовне. Он был обращён и внутрь. Она строила самый прочный в мире забор, а на деле выковывала прутья для клетки, в которой предстояло жить её детям. Её работа давала силу тем, кто тащил по асфальту мальчишек и срывал хиджабы с девочек, которые могли быть её Насрин.

В тот вечер в её душе, в самом защищённом её отсеке, произошёл тихий, невидимый глазу фазовый переход. Как вода под сверхвысоким давлением превращается в лёд-VI, с совершенно иной кристаллической решёткой, так и её лояльность, оставаясь внешне прежней, изменила свою внутреннюю структуру.

Она уже почти выехала из зоны оцепления, когда взгляд зацепился за фигуру на тротуаре. Мужчина. Он стоял чуть поодаль от хаоса, под сенью платана, и не смотрел на протестующих. Он смотрел на не. На её машину.

Он не участвовал. Не сочувствовал. Он анализировал. На нем было непримечательное тёмное пальто, у него было спокойное, почти академическое лицо, и глаза, которые не просто смотрели, а считывали информацию.

Где она видела его раньше? Память, обычно точная как швейцарские часы, дала сбой. Конференция в Тегеране? Нет. Университет? Тоже нет. Но это чувство узнавания было реальным, физическим, как электрический разряд.

Зелёный свет. Она тронулась, но не могла отвести взгляд от зеркала заднего вида. Мужчина не двигался, продолжая смотреть ей вслед. А потом достал телефон и начал что-то набирать.

Захра нажала на газ. Впервые за многие годы уравнения в её голове молчали. Их место занял один-единственный вопрос, холодный и тяжёлый, как

свинец: если траектория, по которой ты движешься, ведёт к распаду всего, что тебе дорого, не является ли отклонение единственно верным решением?

Дома Насрин сидела за учебниками. Невинная. Безопасная. На этот раз.

— Как прошёл день? — спросила Захра, стараясь, чтобы голос звучал обычно.

— Нормально. Физика, химия, литература. Скука.

— Ты никуда не выходила?

Насрин подняла голову, и в её глазах мелькнуло что-то — не ложь, но недоговорённость.

— Только в библиотеку. С Мариам.

Библиотека. Или митинг. Как проверить? Как уберечь? Как объяснить, что некоторые эксперименты нельзя повторить, потому что они разрушают сам объект исследования?

Физика учила: у каждого действия есть противодействие. Но она забыла другой закон — о возрастании энтропии. О том, что любая закрытая система стремится к хаосу.

Далет (т): Чай и французское кружево

30 Мехра 1401 г. (22 октября 2022 г.)

— Захра-джан, сегодня вечером придут Реза с женой и Мортеза с семьёй, — Амирхан застёгивал манжеты рубашки, не глядя на жену. Утренний свет падал косо через жалюзи, расчерчивая его лицо параллельными линиями. — Надень что-нибудь поскромнее, джанам. Соответственно. Длинное платье, платок поплотнее. Ты же знаешь, они придерживаются очень традиционных взглядов.

Соответственно. Это слово повисло в воздухе спальни, как формула, требующая расшифровки. Захра знала его значение: чёрный чадор вместо обычного манта, никаких украшений, минимум косметики. Превращение из доктора физики в тень, в функцию обслуживания. Она, доктор Мусави, чей разум проникал в тайны атомного ядра, должна была превратиться в безликую функцию «хозяйка дома» для людей, чьим главным интеллектуальным достижением было умение правильно составить отчёт. В груди поднялась глухая, холодная волна негодования, но она лишь кивнула.

— Конечно, — ответила она, продолжая расчёсывать волосы.

Но в зеркале отражалась женщина, которую она с трудом узнавала. Та, другая Захра, защитившая с отличием диссертацию, спорившая с профессором Мартено о природе квантовых флуктуаций, казалась персонажем из чужой биографии.

День тянулся, как вязкая жидкость в центрифуге. На работе она механически выполняла расчёты, но мысли возвращались к вчерашнему вечеру. К мужчине под платаном. К ощущению узнавания без воспоминания — как *déjà vu* наоборот.

К семи вечера дом был готов к приёму гостей. Гостиная разделена невидимой границей: диваны для мужчин ближе к телевизору, кресла для женщин — у окна. На кухне — поднос с чайными стаканами в золотых подстаканниках, вазочки с местным гязом, фисташки из Кермана. Каждая деталь на своём месте, как атомы в кристаллической решётке.

Первыми пришли Реза с женой Марьям. Реза — заместитель Амирхана, человек с лицом, которое природа создала для недоверия: узкие глаза, тонкие губы, привычка щуриться даже в полумраке. Марьям — его противоположность: пышная, громкоголосая, с золотыми браслетами, звенящими при каждом движении.

— Салам, Захра-джан! — Марьям обняла её, окутав облаком приторных духов. — Как твои девочки? Насрин всё такая же бунтарка?

Захра улыбнулась той отрепетированной улыбкой, которую держала наготове для таких случаев.

— Растут. Насрин готовится к экзаменам.

Следом появились Мортеза с Фатимой и их сыном-подростком. Мортеза работал в отделе кибербезопасности, человек, который видел угрозы в каждом байте информации. Фатима была тише Марьям, но в её молчании чувствовалась бдительность — она всё замечала, всё каталогизировала.

Мужчины заняли свою территорию. Включили телевизор — «Персеполис» играл с «Эстегляль». Амирхан разливал чай, Реза уже критиковал тренера, Мортеза проверял телефон между комментариями к игре.

Женщины устроились у окна. Захра принесла чай, разлила его, добавляя кардамон — ровно две коробочки в каждый стакан, как учила её свекровь. Ритуал, отточенный до автоматизма.

На одной половине — мужские крики, споры об офсайдах и политике, запах пота и уверенности. На другой — женский щебет, тихий, как шелест сухих листьев. Разговоры о детях, о ценах на рынке, о новой ткани, которую завезли в лавку на базаре.

— Ты слышала про дочь Голи? — начала Марьям, отхлёбывая чай. — Поймали без хиджаба возле университета. Теперь у них проблемы.

— Молодёжь совсем потеряла голову, — вздохнула Фатима. — Мой племянник тоже... впрочем, неважно.

В остальном разговор тёк предсказуемо: цены на овощи, новый сериал на телевидении, чья-то свадьба, чьи-то похороны. Захра кивала, поддакивала, подливала чай. Её разум, привыкший к сложным вычислениям, скучал в этом болоте банальностей. Она думала о спирали Фибоначчи с ошибкой, которую чертил Рустам. О коде в его записке.

— А я на прошлой неделе обновила гардероб, — вдруг оживилась Марьям, понизив голос. — Реза водил меня в одно... особенное место.

Фатима наклонилась ближе. Даже Захра невольно прислушалась.

— Представляете, целый подпольный бутик! Французское белье, итальянские платья. Всё настоящее, не китайские подделки.

— Как же они это провозят? — спросила Фатима. — Это же контрабанда.

Марьям загадочно улыбнулась, наслаждаясь вниманием.

— Реза говорит, у них свои каналы. Что-то... дипломатическое. Какие-то люди летают туда-сюда, в чемоданах провозят. Для жён больших начальников. У них есть связи в посольствах. Возят в дипломатических сумках, которые не досматривают.

— И дорого? — поинтересовалась Фатима.

— О, да! Но оно того стоит. Кружева ручной работы, шёлк... — Марьям мечтательно закатила глаза. — Я купила комплект цвета бургундского вина. Реза был в восторге.

И в этот момент, между словами «дипломатические каналы» и «бургундское вино», память Захры словно щёлкнула тумблером. Озарение пришло не как вспышка, а как медленное проявление фотографии в растворе.

Париж. Аэропорт Шарль де Голль. Февраль 2014 года. Она возвращалась с конференции, опоздала на свой рейс, пришлось брать билет на следующий. Эконом-класс был забит, но ей повезло — место у окна, и рядом...

Мужчина с академическим лицом, уткнувшийся в ноутбук. Она краем глаза видела экран — танки. Он играл в World of Tanks. Это было так неожиданно, так... по-человечески. Солидный мужчина в дорогом костюме, увлечённо гоняющий пиксельные танки по виртуальным полям сражений.

— Простите, — не удержалась она тогда, — это же «Мир танков»?

Он поднял голову, слегка смущённый.

— Вы знаете эту игру?

— Играю иногда. Когда нужно отвлечься от работы. У меня Т-34-85.

Его лицо озарилось улыбкой — той особенной улыбкой, которая возникает при встрече единомышленника в неожиданном месте.

— Jagdpanther – «Охотник за танками», — ответил он с гордостью. — Только что купил. Вы физик, да? Я видел вашу сумку с конференции.

Jagdpanther. Название отозвалось в её памяти смутным эхом, как звук от далёкого взрыва. Это была её первая серьёзная машина в игре. Она купила её годом ранее, в 2012-м, в Сарове. Во время той стажировки в российском ядерном центре, о которой в её официальном деле было написано лишь три строчки. Долгие, одинокие вечера в закрытом городе, снег за окном общежития и виртуальные сражения как единственный способ сбежать от давящей тишины и постоянного чувства, что за тобой наблюдают. Именно там, в сердце чужой ядерной программы, она, иранский физик, выбрала немецкую противотанковую установку за её точность и элегантность инженерного решения.

Но после возвращения в Иран всё изменилось. Тот период жизни нужно было запечатать, убрать в самый дальний отсек памяти. Она «забыла» пароль от своего первого аккаунта, как забывают неудобные сны. Создала новый и пересела на советский Т-34-85. Это казалось более... правильным. Более безопасным. Так немецкая точность сменилась советской надёжностью. Но она не стала говорить об этом господину Фахрабади. Она просто улыбнулась ему в ответ, словно название Jagdpanther было для неё лишь одним из многих в бесконечном каталоге игры.

Они проговорили почти весь полет. О танковых сражениях и баллистике снарядов, о физике пробития брони и оптимальных углах атаки. Он сказал, что работает в торговом представительстве. Импорт-экспорт. Текстиль. У него был лёгкий акцент — не совсем иранский, словно он долго жил за границей.

— Игра — прекрасная модель, — сказал он где-то над Стамбулом. — Ограниченные ресурсы, необходимость стратегического мышления, понимание слабых мест противника. Как в жизни.

Он представился. Господин Фахрабади.

Но запомнилось ей не этим. А тем, как его встречали.

Его не просто встретили. Его встретил человек с табличкой «Дипломатическая служба». Они прошли мимо длинной очереди на паспортный контроль, мимо таможи, и исчезли в дверях VIP-зала. Без досмотра. Без вопросов.

И теперь, десять лет спустя, этот человек, с которым она обсуждала виртуальные танковые баталии, стоял под дождём и наблюдал за разгоном протестов. Наблюдал за ней.

— Захра-джан, ты не слушаешь! — голос Марьям вернул её в настоящее. — Я спрашиваю, не хочешь ли ты тоже заглянуть в этот магазин?

— Что? Нет, спасибо. У меня всё есть.

Но теперь у неё не было главного — понимания, почему человек, играющий в танки на высоте десять тысяч метров, оказался в нужном месте в нужное время. И почему он смотрел именно на неё.

Из гостиной донёсся рёв — кто-то забил гол. Мужчины закричали, заспорили. Мир разделился на тех, кто радовался, и тех, кто проклинал судьбу.

А Захра сидела между двумя мирами — между кружевами контрабандного белья и виртуальными танковыми сражениями — и чувствовала, как невидимые нити начинают стягиваться вокруг неё в узор, который она пока не могла разгадать.

Чай в её стакане остыл. Кардамон осел на дно, как тяжёлые изотопы в центрифуге.

«Ограниченные ресурсы, необходимость стратегического мышления, понимание слабых мест противника», — вспомнились его слова. Теперь она понимала: он говорил не об игре.

Хе (п): Охотник за танками

6 Абана 1401 г. (28 октября 2022 г.)

Пятница в Иране — это пауза. День, когда время замедляет свой бег, подчиняясь иному ритму: не гулу центрифуг, а призыву муэдзина с минарета мечети Джаме Исфахана. Это день семьи, день, когда кристаллическая решётка общества на мгновение становится видимой и упорядоченной.

После утреннего намаза Захра достала с антресолей свой старый ноутбук — массивный, тяжёлый артефакт из прошлого десятилетия. Пыль на его крышке лежала, как вулканический пепел на руинах Помпеи.

— Куда собралась? — Амирхан застёгивал часы, готовясь к пятничной молитве в мечети.

— В парк Наджван, с Зейнаб. Ей нужен свежий воздух.

— Ты тащишь этот мавзолей с данными на прогулку? Зачем?

— Хочу перечитать черновики старых работ. Кое-что для текущего исследования. Там были идеи... которые я забросила. Возможно, зря.

— В парке? — его брови приподнялись с той особой смесью недоверия и снисхождения, которую мужчины приберегают для женских причуд.

— Зейнаб будет играть. У меня будет время.

Амирхан пожал плечами. Для него это прозвучало как ещё одна из её физических абстракций, не имеющих отношения к реальному миру, где нужно платить за электричество и воду и следить, чтобы дочери делали уроки.

— Как знаешь. Только не сиди с ним все время. Зейнаб хочет покормить уток.

Парк в пятничное утро был похож на персидский ковёр, сотканный из сотен живых нитей. Семьи расстилали скатерти на траве, дети гонялись за голубями, старики играли в нарды в тени чинар. Воздух пах жасмином, сахарной ватой и влажной землёй у фонтанов. Захра выбрала скамейку чуть в стороне, у розовых кустов.

— Мама, я пойду к девочкам, вон они, у качелей, — Зейнаб, чьё лицо было воплощением чистой, неискажённой геометрии, указала пальцем на группу своих ровесниц.

— Иди, милая. Только будь на виду.

Зейнаб убежала. Захра осталась одна. Она была матерью, наблюдающей за дочерью. Безупречная маскировка. Она открыла ноутбук. Старая версия Windows, казалось, загружалась целую вечность. Каждый оборот вентилятора казался ей оглушительно громким.

На рабочем столе, среди папок с названиями вроде Plasma_Instabilities_2011 и Tokamak_Simulations, был ярлык с изображением танка - World of Tanks. Портал в другой мир, в симулякр реальности, где она когда-то находила отдушину.

Она запустила игру. Интерфейс был знаком, как старая, забытая формула. Поле для логина и пароля. Она ввела данные своего старого аккаунта, NeutronStar_7. Система ответила: «Неверный пароль или имя пользователя». Она попробовала ещё раз. И ещё. Память, хранившая сложнейшие уравнения, отказалась выдать эту простую комбинацию. Возможно, аккаунт был удалён за неактивность. Десять лет — целая эпоха в цифровом мире.

Придётся войти через другой вход. Она нажала «Регистрация». Создала новую личность. Zahra_K_1983. Имя, инициал, год рождения. Минимум информации, максимум правды. Лучшая ложь — та, что почти неотличима от истины.

Она вошла в игру. В ангаре стоял базовый, жалкий танк первого уровня. Неважно. Её интересовал не бой. Её интересовал список. Каталог игроков. Бесконечный список имён, библиотека теней.

Она открыла поиск. Что она искала? Призрак десятилетней давности. Имя, похожее на «Фахрабади». Она искала вариации: Fahrabad, Fahrabadi, FahrabadyFer... Ничего. Тогда она вспомнила — Jagdpanther. Он гордился этой машиной. Поиск по технике... по дате регистрации...

Она изменила тактику. Вместо имени она ввела в поиск название танка. Jagdpanther. Список был огромен. Тысячи игроков владели этой немецкой противотанковой самоходкой. Это был поиск иголки не в стоге сена, а в горе иголок. Она начала просматривать список, страницу за страницей. PanzerKiller_Ali. DesertFox_66. Reza_Sniper. Имена мелькали, сливаясь в бессмысленную массу. Её мозг, натренированный на поиске паттернов, не находил ничего.

Она чувствовала себя астрономом, ищущим слабую гравитационную аномалию в скоплении миллионов звёзд. Результаты были нулевые. Сотни игроков с похожими именами, но ни один не вызывал отклика.

Может, он сменил имя? Или тоже забросил игру? Мысль была холодной и липкой. Она искала знак, но что, если знака больше не существовало? Что, если она интерпретировала случайный шум как осмысленное послание? Это была ловушка, в которую попадались многие умы, — видеть систему там, где царит хаос.

— Мама, а что ты делаешь?

Голос Зейнаб прозвучал так близко и неожиданно, что Захра вздрогнула и захлопнула крышку ноутбука с такой силой, что пластик треснул. Сердце ухнуло в пустоту. Она была так поглощена поиском, что не заметила, как дочь подошла и заглядывала ей через плечо.

— Зейнаб! Ты меня напугала, азизам!

— Но это же... это же компьютерная игра? Ты играешь в игры? — в голосе дочери смешались шок и восхищение. Словно она обнаружила, что её мать — тайный супергерой.

— Я... — Захра собирала осколки самообладания. — Я просто наткнулась на старую игру. Хотела вспомнить, почему она мне когда-то нравилась. Глупость, правда?

— Покажи! Пожалуйста, покажи! Мальчишки в школе постоянно об этом говорят, но девочкам не показывают!

Захра открыла ноутбук. Её руки слегка дрожали.

— Это... очень старая игра. Я давно не играла. Просто увидела и стало интересно, почему она мне когда-то нравилась. Это как... перечитывать старую книгу.

— А покажи? Какие там танки?

— Это танки разных стран. Вот советские, вот американские, вот немецкие... Вот тут список игроков. Ты можешь выбрать любой танк и...

— А почему у некоторых игроков такие странные имена?

— Люди выбирают псевдонимы. Как... как поэты в старые времена. Чтобы быть кем-то другим.

— Как Хафиз? Его ведь звали не Хафиз, правда?

— Шамс ад-Дин Мухаммад. Хафиз — это прозвище. «Хранитель», тот, кто помнит Коран наизусть.

Она говорила, а сама лихорадочно вела курсором по списку, который остался на экране. И пока она объясняла дочери разницу между тяжёлыми и средними танками, её взгляд зацепился за строку.

JagdpanFer_83

Имя было неточным. Опечатка или намеренное искажение. Fer вместо Fakhr. Но это было слишком близко, чтобы быть совпадением. 83-й. Год его рождения? Или просто число? Рядом с именем был аватар — крошечное изображение, пиксельная мозаика. Но даже в этом низком разрешении она узнала его. Нечёткий абрис лица, линия скул, спокойный взгляд. Это был он. Призрак из самолёта. Оракул под дождём.

— Мама, а можно мне мороженое? — Зейнаб потянула её за рукав, её мир был прост и состоял из желаний, которые можно было исполнить. — Фисташковое! Или шафрановое!

Облегчение накрыло Захру, как волна.

— Конечно, джанам. Конечно.

Она выключила игру, закрыла ноутбук.

Они шли к киоску с бастани, Зейнаб щебетала о школе, о подругах, о предстоящем тесте по математике. Захра кивала, улыбалась, но её разум остался там, в цифровом пространстве, где охотник отметил появление новой добычи. Или, возможно, признал старую.

Зейнаб выбирала между фисташковым и шафрановым мороженым. Солнце клонилось к закату, окрашивая фонтаны в цвет расплавленной меди. Где-то вдалеке муэдзин начал призыв к вечерней молитве.

— Мама, а зачем люди играют в войну? — пробуя мороженное спросила Зейнаб.

— Чтобы научиться не воевать в реальности.

— Но разве игра не учит воевать лучше?

— Парадокс, да? Мы изучаем то, чего хотим избежать... Или воевать и победить.

— Мама, а ты победила? В игре?

— Что? Нет, азизам. Я даже не начала играть.

— Но ты начнёшь?

Захра посмотрела на дочь — невинную, чистую, полную веры в справедливость мира.

— Возможно, — ответила она. — Иногда приходится играть, даже когда не знаешь правил.

Вав (I): Геометрия страха

10 Абана 1401 г. (1 ноября 2022 г.)

Память — это тоже лаборатория, где прошлое можно снова и снова подвергать анализу, надеясь на новый результат. В тот день, задолго до того, как стол Рустама Йезди стал стерильным прямоугольником пустоты, в комнате отдыха пахло крепким чаем и тревогой. На столе лежал предварительный отчёт МАГАТЭ, его страницы, испещрённые дипломатическими формулировками, походили на карту минного поля.

— Они слепы, — доктор Резаи отставил свой стакан с таким стуком, будто поставил точку в споре. — Они ищут следы частиц, а не следы намерений. Намерение Большого сатаны очевидно — оставить нас беззащитными. Намерение Израиля — закончить то, что они начали в Натанзе.

— Или то, что есть, но хорошо спрятано, — тихо заметил Рустам, не отрываясь от своей чашки чая.

— У Ирана есть суверенное право на защиту. Большой Сатана держит свой флот в Персидском заливе, Малый Сатана имеет самый большой ядерный арсенал в мире. Мы что, должны ждать, сложа руки?

— Их намерение — соблюсти договор, который мы подписали, — возразил Рустам. — К тому же, геополитическая карта изменилась. Россия, наш ситуативный союзник, застряла в украинских степях. Ей сейчас не до нас.

Резаи усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

— Вы мыслите категориями газетных заголовков, Рустам. Я же предпочитаю учебники истории. Во время Второй мировой СССР тоже был «занят» борьбой с Гитлером. Это не помешало операции «Согласие», когда Красная армия оккупировала весь север страны. История учит: великие державы всегда находят время для малых стран, когда речь идёт об их интересах. Союзники — это переменная величина. Угрозы — константа. Единственный язык, который хорошо понимают в этом мире — это язык гарантированного взаимного уничтожения.

Молчание, повисшее в комнате, было плотнее свинцовых плит реактора. Захра, до этого лишь слушавшая, не выдержала.

— Доктор Резаи, допустим гипотетически — мы создаём устройство, — её голос прозвучал тише, чем она ожидала. — Вы действительно верите, что мы его применим?

Резаи медленно повернул к ней голову. Он смотрел на неё взглядом инженера, оценивающего надёжность конструкции.

— Ядерное оружие, доктор Мусави, подобно молитве. Его сила не в произнесении, а в знании, что оно может быть произнесено. А допустит ли Аллах, чтобы мы произнесли его вслух... Надеюсь, нет. Но лучше иметь меч и не обнажать его, чем стоять безоружным перед волками.

— Меч Дамокла, — пробормотала Захра.

— Что?

— Ничего. Греческая притча. Неважно.

Вечером за ужином эту молитву произнесла Насрин. Она ковыряла вилкой рис с шафраном, глядя в тарелку, и сказала это так, словно сообщала прогноз погоды:

— Сегодня к нам в школу приходили.

Нож замер в воздухе.

— Кто?

— Из службы безопасности. Эттелаат. Забрали несколько человек прямо с уроков. Адиля тоже.

Амирхан замер с ложкой в руке. Захра почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

Адиль. Захра знала этого мальчика — тихий, вежливый, с глазами средневекового поэта. Он часто приходил делать уроки с Насрин, они вместе решали задачи по алгебре.

— Что случилось? — спросил муж голосом, которым отдают приказы.

— Сказали, что они агенты. Израиля и Америки. — Насрин подняла глаза, и в них плескался страх. — Папа, Адиль даже не знает английского толком. Какой из него агент?

Захра села напротив дочери, взяла её руки в свои. Холодные, дрожащие.

— Иногда... иногда власти видят угрозы там, где их нет. Это как... как броуновское движение. Хаотичное, непредсказуемое.

— Но почему именно он?

На это у Захры не было ответа. Вернее, ответ был, но она не могла произнести его вслух: потому что система питается страхом, как реактор — ураном.

— Хорошо Насрин, но за столом об этом не говорят, — закончил разговор Амирхан. — И держись от этой истории подальше. Ты меня поняла?

— Я поняла, — тихо ответила Насрин.

Ночью Захра не спала. Комната была наполнена тишиной и ровным дыханием мужа. Но в голове у неё ревели центрифуги паранойи. Адиль. Мальчик, который ещё вчера решал квадратные уравнения, сегодня стал переменной в уравнении государственной безопасности. Они же дети. Их бунт — это не предательство. Это растущая боль организма, которому не хватает воздуха. Они просто хотят чуть больше свободы, чем было у их родителей, выросших в тени Исламской революции, в мире, разделённом на черное и белое.

Может быть, это не они сбились с пути? Может, это мы? Вся страна. Мы так долго строили крепость, чтобы защититься от врагов, что не заметили, как она стала тюрьмой. Саудовская Аравия, оплот ваххабизма, открывает кинотеатры и разрешает женщинам водить. Иордания балансирует между традицией и современностью. Там женщины водят машины и смеются в кино, а моя дочь боится, что её заберут за лайк в соцсети. А мы? Мы строим центрифуги и стены. Обогащаем уран и обедняем души. Продолжаем укреплять стены, забыв открыть окна.

Щит, который она помогала ковать, теперь опускался на головы детей. Её детей. Это была последняя капля.

В четыре утра, задолго до первого призыва на намаз, когда дом был погружен в самую глубокую фазу сна, она встала. На цыпочках прошла в гостиную. Старый ноутбук открылся с тихим скрипом. Экран засветился бледным светом — окно в иной мир.

Игра. Ангар. Список контактов. Она нашла его имя. JagdpanFer_83. Курсор мигал, как одинокое сердце на кардиограмме. Её пальцы застыли над клавиатурой. Это был прыжок в пустоту. Она начала печатать личное сообщение. Пальцы дрожали.

«Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим. Я вас вспомнила. Полет из Парижа, январь 2012. Мы говорили о танковых сражениях и оптимальных углах атаки. Мне нужно поговорить. Мои дети... я должна их защитить. Система поедает своих детей, как Кронос».

Она удалила последнее предложение. Слишком откровенно. Затем переписала всё: «Хвала Аллаху! Я вас вспомнила. Хочу поговорить. Хочу защитить своих детей».

Она нажала «Enter».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Здравствуйте! Общение здесь со мной небезопасно. Но вы можете написать мне или прислать полезную информацию, которая поможет нашей стране, в закрытом форуме wotrandom.com/forum/mods-world-of-tanks. Логин тот же. Приглашение ниже».

Захра смотрела на экран. За окном начинал светлеть восток. Скоро муэдзин пропоёт фаджр. Она закрыла ноутбук, но адрес форума уже выжегся в памяти, как след от лампы на фотопластинке.

В спальне Амирхан повернулся во сне, что-то пробормотал. Она легла рядом, притворяясь спящей, но сердце билось с частотой распада радиоактивного йода — быстро, неровно, опасно.

Заин (т): Энтропия выбора

11 Абана 1401 г. (2 ноября 2022 г.)

Исфахан дышал холодом предзимья. В утреннем свете, пробивающемся сквозь пыльное лобовое стекло «Пежо», мир казался двухмерным, лишённым объёма и тепла. Захра вела машину, но ощущала себя не водителем, а частицей, движущейся по заранее заданной траектории, и каждый поворот руля казался ей метафорой — направо к лаборатории, налево к дому, прямо в неизвестность. В зеркале заднего вида мелькали лица водителей, и в каждом ей мерещилось подозрение. Вчерашнее решение, казавшееся ночью единственно верным, единственным выходом из замкнутого лабиринта, теперь, при свете дня, обрело уродливую геометрию.

Предательство.

Слово имело физический вес. Оно давило на грудь, мешало дышать. Что это такое — предательство? Изменение вектора лояльности? Или просто выбор иной системы отсчёта, в которой твоя семья — неподвижная точка, а все

остальное — страна, работа, долг — вращается вокруг? Она всю жизнь выстраивала уравнения, где государство было константой. А что, если оно — переменная, стремящаяся к распаду, увлекающая за собой все, что ей дорого?

Она представила, как её выводят из дома. Взгляд Амирхана — смесь непонимания, стыда и страха. Лица дочерей. Насрин, в глазах которой вспыхнет не ужас, а страшное, обжигающее понимание. И Зейнаб, чья вера в упорядоченность мира будет разрушена навсегда. Эта картина была невыносимее любой физической пытки.

Но что есть предательство? Нарушение присяги государству, которое арестовывает детей? Или молчаливое соучастие в создании оружия, которое может испепелить этих же детей? Физика учила её, что у каждой системы есть точка бифуркации — момент, когда малейшее воздействие определяет дальнейшее направление движения. Она чувствовала: эта точка близка.

Её пальцы сжались на руле так сильно, что костяшки побелели.

В лаборатории гул систем охлаждения поглощал любые звуки, создавая вакуум, в котором мысли становились оглушительно громкими. Рустам подошёл к её столу, держа в руках две чашки с чаем.

— Завтра уезжаю. В Фордо, — сказал он, ставя одну из чашек перед ней.
— Новая серия экспериментов с каскадами.

Фордо. Слово-крепость. Ядерный объект, вырубленный в толще горы, неуязвимый для бомб и для посторонних глаз. Символ неповиновения.

— Проверка оборудования? — спросила Захра, обхватив пальцами горячий стакан.

— И душ, — усмехнулся Рустам. — Вчера снова говорили о МАГАТЭ. Иногда мне кажется, мы спорим не о физике, а о философии.

— А разве это не одно и то же? — Захра посмотрела на него. — Мы ищем фундаментальные законы вселенной. Они ищут доказательства наших намерений. Но как можно измерить намерение? Это как пытаться взвесить тень.

— Они не хотят взвешивать, Захра. Они хотят быть уверенными, что тень не принадлежит монстру. Они видят нашу науку как библиотеку, где мы собираем книги. И они боятся не количества томов, а того, что в одной из этих книг мы напишем слово, которое сожжёт весь мир.

— Но разве библиотекарь имеет право указывать автору, о чем писать? — парировала она. — Они хотят контролировать не наши действия, а саму возможность мысли. Хотят, чтобы наша вселенная была предсказуемой, чтобы в ней не рождались новые звезды. Или черные дыры.

Рустам сделал глоток чая, его взгляд был устремлён куда-то сквозь стену.

— Возможно, они боятся не той книги, что мы пишем, а той, которую мы уже прочли, но о которой они не знают...

— Вы читали последний отчёт? — продолжил он, отодвинув пустую чашку. — Они пишут о «возможной военной составляющей». Возможной! Как будто сама возможность — уже преступление. По этой логике, каждый кухонный нож — потенциальное оружие убийства.

— Но нож создан для того, чтобы резать хлеб. А центрифуги...

— А центрифуги созданы для разделения изотопов. Что мы с ними делаем дальше — вопрос выбора. Или вы считаете, что у нас не должно быть выбора?

После работы Захра не поехала домой. Она свернула к площади Имама и припарковалась в нескольких кварталах от Большого базара.

Базар был другим миром, живущим по своим законам, — огромным, дышащим организмом, где официальная реальность Ирана истончалась, уступая место лабиринту теней и полушёпотов. Запахи шафрана, кожи и кардамона смешивались с запахом паяльной канифоли и машинного масла, доносившимся из темных переулков. Она шла мимо лавок с бирюзой и коврами, мимо медников, чеканящих узоры, углубляясь все дальше, туда, где торговали не прошлым, а будущим. Контрабандным, нелегальным, взломанным.

Она нашла нужный закуток по едва заметным признакам: спутниковые тарелки, спрятанные под брезентом, тихий гул генератора. В крохотной лавчонке, заваленной разобранными телефонами и мотками проводов, сидел парень лет двадцати. Его пальцы порхали над клавиатурой с той же скоростью, с какой пальцы его предков ткали персидские ковры.

— Мне нужен нетбук. Маленький. На Linux, — сказала Захра, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Он исчез в глубине лавки, вернулся с невзрачной коробкой без маркировок.

— Китайский. Хороший процессор. Память зашифрована. Девятнадцать миллионов риалов.

Дорого для такого устройства. Но она платила не за железо, а за молчание.

— Документы не нужны?

— Какие документы? — он пожал плечами. — Вы покупали у меня чехол для телефона... Если кто спросит.

Он завернул нетбук в старую газету. Сделка заняла не больше минуты.

Вернувшись в машину, она сидела несколько мгновений, держа в руках этот свёрток. Он был тёплым, почти живым. Это был не просто компьютер. Это был инструмент для совершения греха. Или для спасения. Молитвенный коврик и эшафот одновременно.

Она открыла автомобильную аптечку. Белый крест на зелёном фоне. Бинты, йод, обезболивающее — все, что нужно для лечения физических ран. Она отодвинула стерильные пакеты и положила нетбук на дно, под жгутом для остановки крови.

Захлопнув крышку, она завела двигатель. Сомнения никуда не ушли. Но теперь у них был физический вес и конкретное местоположение. Она только что поместила болезнь и лекарство в одну коробку. И теперь ей предстояло выяснить, что из них окажется сильнее.

Дома Амирхан смотрел новости. Диктор говорил о новых санкциях, о попытках задушить экономику страны. Насрин делала уроки, Зейнаб рисовала что-то, похожее на атомную структуру — круги внутри кругов.

— Как прошёл день? — спросил муж, не отрывая взгляда от экрана.

— Обычно. Калибровка. Измерения. Рутин.

Хет (п): Цифровая каллиграфия

13 Абана 1401 г. (4 ноября 2022 г.)

В воздухе висела история. 13 Абана. День Студента. День, когда страна праздновала захват американского посольства, изгнание «Большого сатаны» из своего дома. И в этот самый день Захра Мусави готовилась постучать в его дверь. Ирония была настолько густой и горькой, что её можно было пить, как крепкий кофе без сахара.

Пятница. Дом был пуст, и тишина в нем была не успокаивающей, а звенящей, как вакуум перед взрывом. Амирхан, исполнив отцовский долг, повёл Зейнаб в зоопарк. Насрин, вечно ускользающая, как нестабильный изотоп, ушла «делать уроки» к подруге. Ложь была очевидной — в её глазах плескалось то особое возбуждение, которое не вызывают школьные задания, — но Захра не стала настаивать.

Захра осталась одна. В её распоряжении было пара часов — целая вечность и одно мгновение.

Первый ритуал — сожжение мостов. Она достала старый ноутбук. Открыла игру. Входящие сообщения. Вот оно, письмо от JagdpanFer_83, строка текста, похожая на трещину в монолите её старой жизни. Она не стала его перечитывать. Она переписала адрес форума на клочок бумаги — wotrandom.com/forum/mods-world-of-tanks — каллиграфическим почерком, которому учили в школе. Странно, как навыки детства возвращаются в моменты предельного напряжения. Затем методично удалила всю историю, cookies, кэш. Цифровая амнезия, добровольная лоботомия машины.

Второй ритуал — освящение оружия. Она достала из аптечки новый нетбук. Он был лёгким, анонимным, лишённым прошлого. Подключила его к сети, используя Wi-Fi соседей, чей пароль знала Насрин. Первое, что она сделала, — установила VPN. Surfshark. Название было абсурдным, почти детским. Но за яркой иконкой с акулой скрывался ключ, отпирающий невидимые двери в глобальной сети. Плащ-невидимка в мире тотальной слежки. Ирония: технология, созданная для обхода цензуры, теперь служила для обхода собственной совести. Она выбрала сервер в Малайзии. Далеко, нейтрально, непредсказуемо.

Теперь нужно было выбрать место. Не дом. Никогда не дом. Она спрятала нетбук в сумку и вышла.

Небольшой парк рядом с популярной кофейней на проспекте Аббаси. Идеальная точка. Она села на скамейку, достаточно далеко, чтобы не привлекать внимания официантов, но достаточно близко, чтобы поймать слабый, капризный сигнал их Wi-Fi. Вокруг кипела жизнь: смеялись студенты, плакали дети, старики читали газеты. Она была невидима в этом потоке. Идеальная маскировка.

Она открыла нетбук. Экран ожил. Подключившись к малазийскому серверу, она ввела в строку браузера переписанный адрес.

Форум оказался воплощением банальности. Устаревший дизайн, безликие аватары, темы обсуждений: «Лучшие камуфляжи для ИС-7», «Как увеличить урон от снаряда?». Библиотека, где на полках стояли не книги, а симулякры. Идеальное убежище.

Регистрация. Псевдоним. Она на мгновение задумалась. Zahra_K_1983 был скомпрометирован. Нужен был новый. Имя пришло само, как единственно верное решение уравнения.

Hafiz_114.

Хафиз. «Хранитель». Тот, кто помнит наизусть. Она становилась хранителем тайны. А 114 — число сур в Коране. Совершенное, замкнутое число. Её личный код, её оберег в этом цифровом зазеркалье.

Она нашла его, JagdpanFer_83, в списке пользователей. Его статус был «не в сети». Она открыла окно личного сообщения. Пальцы застыли над клавиатурой. Что пишут, стоя на пороге предательства? Нельзя быть эмоциональной. Нельзя быть многословной. Только факты. Только намерение.

«Вы знаете кто я. Работаю в программе. Считаю, что в нынешних условиях её развитие ведёт страну к катастрофе, а не к безопасности. Могу предоставить информацию, которая поможет это предотвратить».

Ни одного лишнего слова. Холодно, как отчёт об эксперименте. Она нажала «Отправить».

Ответ пришёл через несколько секунд. Нечеловеческая скорость. Словно на том конце сидел не человек, а алгоритм.

«Спасибо за ваше сообщение. Следите за новостями на этом форуме».

И всё.

Захра сидела, глядя на экран. Она ожидала чего угодно: инструкций, вопросов, даже слов поддержки. Но не этого. Не сухого, безличного текста, похожего на сообщение автоответчика. Холод разочарования сменился другой мыслью, пришедшей из глубин её аналитического разума. Это не было пренебрежением. Это была форма конспирации. Тест. Они проверяли её терпение, её способность следовать приказам. Отсутствие эмоций в их ответе было самым важным сообщением. Игра велась по правилам, которые ей ещё предстояло изучить. Как в физике: иногда чтобы понять систему, нужно наблюдать не за тем, что в ней происходит, а за тем, что в ней отсутствует.

Она закрыла нетбук. Вокруг играли дети, старики кормили голубей крошками сангака. Нормальная жизнь текла своим чередом, не подозревая, что на скамейке под кипарисом только что был переступлен невидимый рубикон.

Вечером за ужином Амирхан рассказывал, как Зейнаб кормила верблюда. Зейнаб, смеясь, показывала рисунок — верблюда с тремя горбами. Насрин молча сидела, уткнувшись в телефон.

— А ты чем занималась, джанам? — спросил Амирхан, накладывая себе рис. — Так тихо было дома.

Захра подняла на него глаза. Взгляд был спокойным. Голос ровным.

— Уборкой. Разобрала шкафы. А потом немного поспала. Ужасно устала.

— А ты, Насрин? Как уроки?

— Нормально, — Насрин ковыряла рис, избегая взгляда матери. — Мы... мы почти всё сделали.

— Мама, ты не ешь, — заметила Зейнаб.

— Просто устала, азизам. Уборка... знаешь, как это утомительно.

Тет (v): Статистический шум

29 Абана 1401 г. (20 ноября 2022 г.)

Две недели — четырнадцать оборотов Земли, триста тридцать шесть часов, двадцать тысяч минут ожидания. Захра проверяла форум с методичностью, граничащей с obsессией. Каждое утро, перед тем как разбудить дочерей, и каждый вечер, после того как Амирхан засыпал, она совершала ритуал: включала нетбук, активировала VPN, выбирала сервер где-нибудь в Океании и входила в библиотеку теней. Форум wotrandom.com жил своей жизнью. Игроки обсуждали достоинства немецкой брони, жаловались на баланс артиллерии. В этом потоке банальности для неё не было ни одного слова.

Отсутствие сигнала было хуже любого приказа. Оно порождало энтропию в её мыслях. Правильно ли её поняли? Или её сочли провокатором? Или, что хуже всего, её сообщение было просто проигнорировано, утонуло в море такого же отчаянного, бесполезного спама? Она чувствовала себя радиоастрономом, отправившим послание в далёкую галактику и теперь обречённым

вслушиваться в бесконечный космический шум, пытаюсь различить в нем осмысленный ответ.

И шум начал обретать форму.

Сначала это был серый «Пейкан». Она заметила его в понедельник по дороге на работу. Он держался позади на расстоянии двух машин, не обгоняя, не отставая. Она свернула на боковую улицу, якобы объезжая пробку. Он свернул за ней. Её научный разум тут же предложил дюжину логических объяснений: совпадение, тот же маршрут, паранойя. К вечеру машины не было.

В среду появился белый «Саманд». Он следовал за ней от самого объекта до дома. Она запомнила цифры на номере. 43. На следующий день его не было. В пятницу — снова серый «Пейкан», но с другими номерами. Она начала видеть закономерность там, где её, возможно, не было. Её мир, прежде состоявший из чётких законов и предсказуемых траекторий, превращался в квантовую пену, где наблюдатель своим страхом сам создавал реальность. Была ли это слежка? Или её собственный разум, отравленный чувством вины, проецировал угрозу на случайные автомобили, превращая статистический шум в злобещий сигнал? Она не знала. И это незнание было самой изощренной пыткой.

Это классический симптом, говорила себе Захра. Апофения — склонность видеть закономерности в случайных данных. Мозг, натренированный искать паттерны в хаосе квантовых флуктуаций, теперь находит их в движении автомобилей и взглядах прохожих.

— Ты какая-то нервная в последнее время, — заметил Амирхан за завтраком. — Всё в порядке на работе?

— Проверка оборудования. Инспекция скоро, — она отпила чай, стараясь, чтобы рука не дрожала.

— МАГАТЭ опять?

— Они всегда.

Но в этот день тишина была нарушена.

На главной странице форума, между темами «Гайд по Т-54» и «Продам аккаунт», появилась новая закреплённая новость. Она была оформлена как вырезка из западной прессы.

«Reuters: МАГАТЭ требует немедленного и полного доступа к ядерным объектам Ирана, включая подземный комплекс в Фордо. Источники в агентстве

заявляют о наличии данных, указывающих на возможное отклонение от заявленной программы».

Под новостью не было ни одного комментария. Она висела в пустоте, как одинокий знак на бесконечной белой стене.

Сердце Захры пропустило удар. Это не был ответ. Это был вопрос. Приказ, замаскированный под информационное сообщение. Они не писали ей лично. Они изменили для неё окружающую реальность, добавив в неё единственный элемент. Они не сказали «принеси». Они сказали «Фордо».

На следующий день в лаборатории она подошла к Рустаму. Он выглядел уставшим после командировки, но довольным.

— Рустам, мне нужна твоя помощь, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал буднично, профессионально. — Я вижу аномалии в последних симуляциях каскадов. Небольшие, но систематические отклонения по выходу продукта.

— Ошибка в расчётах? — он с интересом поднял бровь.

— Я думаю, дело в исходных данных. Возможно, изменились параметры сырья. Или это флуктуации в энергоснабжении, которые наши датчики не ловят. Мне нужно сравнить мои модели с твоими последними полевыми данными из Фордо. Просто чтобы откалибровать систему.

Физика — универсальный язык оправданий. Рустам кивнул, отодвинулся, давая ей доступ к документам.

— Хорошая мысль. Давай посмотрим.

Данные были красивыми в своей точности. Уровни обогащения: 19.75%, 20.1%, 19.9% — танец вокруг красной линии в 20%, за которой начинается территория оружейного урана. Количество работающих центрифуг: 2804 IR-1, 1044 IR-2m, 174 IR-6. Координаты подземных цехов, глубина залегания, толщина бетонных перекрытий.

Захра не могла ни фотографировать, ни записывать — камеры следили за каждым движением, каждый файл логировался. Но её мозг, натренированный удерживать в памяти длинные цепочки уравнений, работал как биологический сканер. Вот аномально высокий выход на каскаде IR-6. Вот скачок энергопотребления, не соответствующий стандартной модели. Вот следы изотопов, которых здесь быть не должно. Она запоминала не числа, а их аномалии, их отклонения от симметрии. Как музыкант запоминает фальшивую

ноту в безупречной симфонии. Она создавала мнемонические связи: 2804 — год рождения отца плюс возраст в месяцах. 1044 — номер квартиры детства и дом. Каждое число привязывалось к личному воспоминанию, вращалось в нейронную сеть. Это был не шпионаж. Это был акт памяти, где каждое число становилось частью её личности.

— Интересная структура распределения, — пробормотала она, указывая на график. — Здесь, в секторе Б-7, есть отклонение. Видишь? Вот здесь. И здесь. Мои модели не предсказывали такого.

— Странно, — согласился он. — Похоже на резонанс. Надо будет проверить роторы. Спасибо, что заметила.

Б-7. Ещё одна координата в её ментальной карте.

Она кивнула. Сорок минут. Этого было достаточно.

По дороге домой она больше не смотрела в зеркало заднего вида. Машины позади перестали иметь значение. Теперь настоящая угроза была не снаружи. Она была внутри неё. Данные из Фордо жили в её голове, как радиоактивный изотоп, попавший в кровоток. У него был свой период полураспада. Если она не выведет его из организма достаточно быстро, он убьёт её изнутри.

Дилемма Оппенгеймера: создавая оружие для защиты, ты даёшь миру инструмент самоуничтожения. Но что, если ты даёшь информацию тем, кто утверждает, что хочет предотвратить создание этого оружия? Не становишься ли ты соучастником иного преступления? Но она думала не о предательстве. Она думала о хирургии. Иногда, чтобы спасти организм, поражённый опухолью, нужно ввести в него яд. Точечно, выверенной дозой. Она была готова смешать реагенты.

Дома Насрин делала уроки. Зейнаб смотрела мультфильм. Амирхан читал газету. Нормальность была почти осязаемой, как плотная ткань, накинутая поверх бездны.

— Мама, ты поможешь мне с физикой? — спросила Насрин.

— Конечно, азизам. Что именно?

— Радиоактивный распад. Я не понимаю период полураспада.

Захра села рядом. Период полураспада — время, за которое распадается половина атомов. Метафора её собственной жизни: с каждым днём распадалась половина её прежней личности, но что придёт на смену?

— Представь, — начала она, — что у тебя есть тысяча одинаковых атомов...

Йод (I): Двойная святость

30 Абана 1401 г. (21 ноября 2022 г.)

Утром, за завтраком, Захра ввела в уравнение своей жизни новую переменную. Ложь, обёрнутую в заботу.

— Амирхан, мне сегодня после работы нужно к доктору Афшар, — сказала она, размешивая сахар в чае. — Голова болит уже несколько дней.

— Опять мигрень? — он оторвался от газеты, во взгляде промелькнула тень беспокойства. — Может, тебе стоит взять отпуск? Ты работаешь на износ.

— Это просто переутомление. Пара таблеток, и все пройдёт.

Ложь была простой, калиброванной, почти неотличимой от правды. Она действительно была на износ. Только болела у неё не голова, а душа. Но доктор Афшар действительно существовал — старый друг семьи, которого она навестит. Позже. После.

Весь день данные из Фордо пульсировали в её памяти, как фантомная боль. Числа, координаты, проценты. Она чувствовала себя ходячей бомбой, и таймер был уже запущен. Она знала, что радиоактивный распад неизбежен. Как и её собственная трансформация. Но в отличие от радиоактивного распада, её трансформация не подчинялась законам физики. Она подчинялась законам морали, которые были гораздо сложнее и непредсказуемее.

В пять часов она вышла из здания. Серой машины не было. Или была, но другого цвета? Паранойя и реальность сплелись в неразличимый узор.

После работы она не поехала в сторону клиники. Она свернула на объездную дорогу и остановилась у одного из тех безликих придорожных кафе, где дальнбойщики пьют горький чай и едят кебаб прямо из лаваша.

Она заказала еду на вынос, вернулась в машину и припарковалась чуть поодаль, в тени эвкалиптов. Достала нетбук из аптечки. Сердце стучало в ребра, отбивая рваный ритм. VPN. Малайзия. Форум.

Она начала печатать. Её пальцы, привыкшие к точности клавиатуры спектрометра, выводили на экран сухой, безэмоциональный текст. Это был не донос, а научный отчёт.

«Данные по объекту F. Каскады IR-2m и IR-6 в секторе Б-7 показывают систематическое превышение производительности на 4-6% по сравнению с заявленными моделями. Энергопотребление в указанном секторе на 9% выше нормы, что не соответствует работе заявленных 1044+174 центрифуг. Зафиксированы следы изотопов теллура-130, что может указывать на эксперименты с нейтронными инициаторами. Резонансные эффекты указывают на возможную модификацию стандартных протоколов».

Она перечисляла цифры, координаты, технические параметры. Холодная, неопровержимая физика. Но когда она дошла до списка персонала, её пальцы замерли. В памяти всплыло лицо профессора Масуда Алимохаммади, её преподавателя...

Январь 2010 года. Взрыв на парковке у дома. Магнитная мина на соседнем мотоцикле. Моссад никогда не признавал, но все знали. Он был её научным руководителем. Блестящий ум, разорванный на куски во имя чьей-то безопасности. Улыбчивый, добрый человек, взорванный в своей машине. Он тоже был всего лишь именем в чьём-то списке.

Она не могла. Это была черта, которую она не могла переступить. Предать систему — одно. Предать людей, с которыми пьёшь чай и споришь о философии, — совсем другое. Она стёрла раздел с именами. Пусть охотятся на призраков и машины, но не на людей. И это была не милость. Это была её последняя попытка сохранить себя.

Она отправила сообщение и захлопнула нетбук. Теперь данные были вовне. Изотоп покинул тело.

Следующая остановка — алиби. Клиника доктора Афшар, старой подруги её матери. Захра вошла с коробкой гяза — исфаханских сладостей.

— Доктор, проезжала мимо, решила передать вам привет от мамы.

— Захра-джан, какая радость! — пожилая женщина в белом халате обняла её. — Как ты? Выглядишь уставшей.

— Работа, — улыбнулась Захра. — Вы же знаете.

Они проговорили десять минут. О погоде, о здоровье родителей, о ценах на фисташки. Десять минут безупречной, железобетонной нормальности.

А потом — мечеть Джаме Исфахана.

Она вошла в неё, как входят в иное измерение. Снаружи — шумная площадь, крики торговцев, суeta. Внутри — тишина, прохлада и божественная

геометрия. Свет, падающий сквозь решетчатые окна купола, рисовал на бирюзовой плитке узор, похожий на хвост павлина. Молитва, застывшая в камне.

Она прошла мимо молящихся, в боковой коридор, к неприметной двери с табличкой «Библиотека». Это был забытый придаток мечети, её светское подсознание. Комната, заставленная стеллажами с книгами и старыми журналами ещё шахских времён. Сюда почти никто не заходил.

Она осторожно отодвинула один из шкафов. Пространство за ним дышало забвением — пыль столетий, запах разлагающейся бумаги. Ирония была почти физической. Здесь, в сердце веры, в комнате, забитой светскими ересями прошлого, она собиралась спрятать свою собственную, новую ересь. Завёрнутый в газету, где шах улыбался с фотографии, нетбук казался не просто устройством, а семенем хаоса, которое она сажала в мёртвую почву чужой истории. Она задвинула шкаф на место. Теперь её тайна была под двойной защитой: забвения и святости. Идеальное уравнение. Но в этот момент она уже знала: это только начало. Что бы ни случилось дальше, она не сможет вернуться к прежней жизни.

Когда она вернулась домой, было уже темно. Амирхан ждал в гостиной.

— Ну что? — он встал ей навстречу. — Что сказал доктор? Уж больно долго тебя не было.

Его голос был спокойным, но Захра уловила в нем нотки профессионального следователя. Он не спрашивал. Он сверял показания.

— Ничего серьёзного. Просто мигрень от переутомления. Прописала витамины. — Она прижалась к его плечу, ища тепла и пряча ложь. — Я так устала, Амирхан. Так устала.

— Может, тебе взять отпуск?

— После проверки МАГАТЭ. Сейчас не время.

Он кивнул. Логика была безупречна. Но в его взгляде мелькнуло что-то — не подозрение, но беспокойство. Интуиция мужа, чувствующего, что жена куда-то ускользает, как вода сквозь пальцы.

Ночью, лёжа без сна, Захра думала о двойной экспозиции — фотографическом эффекте, когда два изображения накладываются друг на друга. Её жизнь стала такой фотографией: жена и предательница, мать и шпионка, хранительница секретов и их разрушительница. Два образа,

наложенные друг на друга, создавали третий — призрачный, неуловимый, новый. И этот третий образ пугал её больше всего.

Каф (۵): Танец в зазеркалье

12 Азара 1401 г. (3 декабря 2022 г.)

Зима входила в Исфахан неспешно, как входит в дом болезнь: сначала лёгкий озноб по утрам, потом — серое небо, лишённое цвета, и, наконец, холод, проникающий в самые кости. Деревья на проспекте Чахарбаг стояли голые, их черные ветви пронзали низкое небо, словно строки из забытого, трагического стихотворения. Для Захры эта медленная смерть природы была зеркалом её собственного состояния. Она жила в затишье. В пустоте, которая наступила после брошенного в бездну камня.

Дважды в неделю она лгала. «Задержусь, нужно закончить отчёт». «Сбой в оборудовании, нужно перепроверить калибровку». Ложь становилась привычкой, второй кожей. Она ехала не домой, а к мечети Джаме Исфахана. Её паломничества были тайными и имели одну цель. Библиотека. Нетбук, спрятанный за фолиантами о суфийской поэзии и журналами времён Мохаммеда Реза Пехлеви, был её оракулом. Молчаливым оракулом.

Сообщений не было. Тишина. Только на форуме, в разделе новостей, она увидела отражение своего греха. Сообщение агентства Reuters: «Иран обогащает уран до 60% чистоты на подземном объекте в Фордо, утверждают источники МАГАТЭ». Её цифры, её выводы, вырванные из контекста и превращённые в оружие в чужой информационной войне. Они её слышали. Они использовали её. И молчали. Но у неё не было новых данных. Она передала всё, что знала, и теперь была пуста, как отработанная топливная кассета. Она стала функцией, которая выполнила своё предназначение и теперь ждала, когда её либо вызовут снова, либо сотрут.

Мир дома тоже покрывался инеем подозрений.

— Ты стала часто задерживаться, — сказал Амирхан однажды вечером, не отрываясь от телевизора, но вопрос был брошен в неё, как камень. Профессиональная привычка безопасника — подмечать изменения в поведении. Две недели «задержек на работе» не прошли незамеченными.

— Конец года. Проверки. Ты же знаешь.

— У вас что, аврал перед проверкой?

— Готовим документацию. Бюрократия.

— Странно. Раньше ты не задерживалась из-за бумаг.

— Раньше не было такого давления.

Он ничего не ответил, но она почувствовала, как его молчание исследует её слова на предмет трещин.

А однажды вечером Зейнаб, рисуя в своём альбоме, вдруг подняла на неё свои ясные, чистые глаза.

— Мама, а ты больше не играешь в танки?

Вопрос был так прост и так чудовищен, что у Захры на мгновение перехватило дыхание. Это был ключ к запертой комнате, который ребёнок вертел в руках, не зная его силы.

— Нет, азизам, — ответила она, заставляя себя улыбнуться. — Удалила игру. Я уже, наверное, выросла из этого возраста.

Ложь была похожа на правду, но была её зеркальным отражением. Она не выросла. Она провалилась в эту игру так глубоко, что та стала реальностью. А реальность — игрой.

— А я думала, из игр не вырастают, — задумчиво сказала девочка. — Просто меняют их на другие.

Утром доктор Резаи вызвал её в кабинет. Он стоял у окна, глядя на заснеженные вершины Загроса, и его силуэт казался вырезанным из чёрной бумаги.

— Доктор Мусави, в понедельник вы с Рустамом Йезди едете в Тегеран.

— В Тегеран? — она старалась скрыть удивление.

— Встреча с инспекторами МАГАТЭ. Неофициальная, предварительная. Им нужны технические разъяснения по нашей программе. Вы и Йезди будете представлять научную сторону вопроса.

— А вы?

Резаи повернулся. В его глазах была усталость человека, уставшего от бесконечной игры в кошки-мышки.

— Я слишком... политизирован для такой встречи. Им нужны чистые учёные, говорящие на языке физики, а не идеологии. Вы идеально подходите — женщина-физик в Исламской республике, прошедшая стажировку на Западе.

Вы мать. Вы — символ наших мирных намерений. Живое доказательство нашей открытости.

— Йезди поедет с вами. Он хорошо говорит по-английски и хороший теоретик.

— Понимаю.

— Подготовьте презентацию. Факты, только факты. Никакой политики. Покажите им, что мы занимаемся наукой, а не создаём апокалипсис.

Вечером, когда она рассказала об этом Амирхану, он долго молчал, помешивая чай в стакане.

— В Тегеран? — он нахмурился. — Так внезапно?

— МАГАТЭ настаивает на срочной встрече.

— И почему не едет Резаи? Он же руководитель.

— Он сказал, что слишком политизирован. Им нужны технические специалисты.

— А почему с Йезди? — в его голосе появилась нотка, которую она раньше не слышала. Подозрение? Ревность?

— Он специалист по каскадам. Мы дополняем друг друга.

Амирхан молчал, наблюдая, как она добавляет грецкие орехи в соус. Молчание растягивалось, как патока.

— Будь осторожна, — наконец сказал он. — МАГАТЭ — это не только учёные. Там есть люди с другими задачами.

— Что ты имеешь в виду?

— Вербовка. Они всегда ищут источники внутри программы. Особенно среди тех, кто бывал на Западе.

Кровь отхлынула от её лица, но она продолжала помешивать соус, не поднимая глаз.

— Ты думаешь, они попытаются?..

— Я думаю, ты должна быть готова к любым предложениям. И помнить, кто ты и где твой дом.

Она кивнула, чувствуя, как ирония ситуации сжимает горло. Он предупреждал её о том, что уже произошло. Но произошло не так, как он думал. Не МАГАТЭ, а призрак из прошлого, охотник за танками из виртуального мира.

— Я просто буду говорить о физике, — сказала она. — Только о физике.

— Физика — это тоже политика, — ответил Амирхан. — Особенно ядерная.

Он подошёл к ней, взял её руки в свои. Его ладони, обычно тёплые, были холодными.

— Будь осторожна, — сказал он так тихо, что это прозвучало почти как угроза. — В этих играх проигрывают не фигуры, а люди.

— Я всегда осторожна.

Ночью она лежала без сна, думая о предстоящей поездке. Тегеран. МАГАТЭ. Возможность или ловушка? И почему именно сейчас, когда она уже сделала свой выбор? Её отправляли лгать миру от имени системы, которую она предала. Зеркало стояло напротив зеркала, создавая бесконечный коридор отражений, в конце которого была только пустота. И она должна была войти в этот коридор.

Ламед (ל): Театр огня

15 Азара 1401 г. (6 декабря 2022 г.)

Тегеран встретил их стальным небом и воздухом, пропитанным запахом выхлопных газов и холодной тревоги. Машина везла их по проспекту Энгелаб, и город за окном казался не живым организмом, а огромным механизмом, чьи шестерни вращались с натужным, болезненным скрипом. Захра смотрела на мелькающие улицы, но видела не их. Она видела красоту и ярость, слитые воедино в ритуальном танце, который разворачивался у ворот университета.

С одной стороны проспекта бушевал огонь. Это был священный, очищающий огонь, пожирающий символы. Молодые люди с горящими глазами и повязками на лбу, их лица были прекрасны в своей фанатичной убеждённости, рвали на куски флаги с полосами и чужими звёздами. Ткань, символ враждебной вселенной, корчилась в пламени, превращаясь в чёрный пепел, который ветер уносил и смешивал со снегом, падающим с гор. Огонь пожирал её с той же методичностью, с какой толпа пожирала собственную ярость, превращая в пепел удовлетворения. Их крики — «Марг бар Амрика! Марг бар Израиль!» — были не просто словами «смерть Америке, смерть Израилу». Это была литургия, мантра, коллективная молитва, обращённая к богу гнева. Их

ярость была чиста, как сталь, и прекрасна в своей завершённости, как ритуальное самоубийство самурая. Они приносили в жертву не себя, но ненависть, и в этом акте находили своё единство и смысл.

А в нескольких десятках метров от них, отделённый кордоном черных шлемов и щитов, разворачивался другой ритуал. Ритуал тишины и боли. Там стояли другие молодые люди. Их было меньше, и их оружием были не огонь и крик, а молчание и взгляды. Они не жгли флаги. Они держали в руках белые листы бумаги — символ всего несказанного. Их протест был хрупок, как тонкий лёд на луже, и так же обречён. Разгон был не битвой, а хирургической операцией. Никакой ярости, только холодная решительность. Дубинки опускались на плечи и спины с глухим, деловитым стуком. Хрупкие тела падали на холодный асфальт, как падают осенние листья. Их молчание было громче любого крика, а их поражение — красивее любой победы, потому что в нем была истина, не нуждающаяся в оправдании. Кровь на асфальте не кричала — она просто растекалась, находя трещины в покрытии, создавая абстрактные узоры.

Захра смотрела на это, и её душа разрывалась. Она была частью мира тех, кто сжигал флаги, и матерью тех, кого били дубинками. Два ритуала, две эстетики смерти, и между ними — она, точка бифуркации.

— Не смотрите, — сказал водитель, сворачивая в боковой проезд. — Это театр, для наших гостей. Чтобы они понимали, в какой стране находятся.

Машина въехала на территорию университета. Здесь царили тишина и порядок.

Встреча проходила в конференц-зале с высоким потолком и портретами аятолл на стенах. Воздух был стерилен и прохладен. Делегация МАГАТЭ — трое мужчин и одна женщина — сидели напротив. Их лица были непроницаемы, как страницы дипломатического протокола. Рядом с Захрой и Рустамом сидели двое неприметных мужчин из иранского МИДа, чья задача была не говорить, а слушать и запоминать. В углах комнаты, словно тени, застыли ещё несколько человек, чья принадлежность к КСИР была так же очевидна, как геометрия пистолета под пиджаком.

Разговор был похож не на спор, а на партию в шахматы, где каждое слово было продуманным ходом.

— Мы ценим вашу готовность к диалогу, доктор Мусави, доктор Йезди, — начал глава делегации, седовласый австриец по фамилии Бауэр. — Однако

данные наших спутников и аналитика, основанная на открытых источниках, указывают на некоторые... несоответствия в работе объекта в Фордо.

— Несоответствия или интерпретации, герр Бауэр? — мягко возразил Рустам. — Любой набор данных можно интерпретировать по-разному. Физик видит в следах частиц танец кварков, а политик — контуры бомбы. Это вопрос оптики, не так ли?

— Наша оптика, доктор Йезди, — это резолюции Совета Безопасности. И они предписывают нам искать не танцы, а факты. Например, факт превышения уровня обогащения.

— Факты — понятие относительное, — ответил старший из чиновников МИДа. — Стекло прозрачно, но оно искажает изображение. Мы предпочитаем ясность.

— Уровень обогащения в 60 процентов не соответствует потребностям гражданской программы, — заметил один из инспекторов.

— Мы проводим научные эксперименты, — вступила Захра. Её голос звучал ровно, как звук осциллографа. — Изучаем стабильность каскадов при пиковых нагрузках. Любой учёный понимает, что для получения достоверных данных систему нужно довести до её теоретического предела. Это не производство. Это исследование.

— Тегеранский исследовательский реактор требует топлива с обогащением до 20 процентов, но для создания запаса мы вынуждены производить материал более высокого обогащения, который затем разбавляется, — добавил Рустам.

— Интересная логика, — улыбнулся австриец. — Вы создаёте избыток, чтобы получить достаток?

— Мы создаём возможности, — ответила Захра, и все повернулись к ней. — В физике, как и в жизни, потенциал важнее кинетики. Мы демонстрируем способность, не намерение.

Они говорили на языке физики, но каждый термин имел двойное дно. «Пиковые нагрузки» означали «оружейный уровень». «Стабильность каскадов» — «надёжность боеголовки». Это был диалог-лабиринт, где прямой путь был самым коротким путём к провалу. Они обменивались формулами, графиками, ссылками на научные статьи. И все это было лишь фасадом, за которым шла настоящая игра — игра намерений и подозрений.

После двух часов этого интеллектуального фехтования Бауэр объявил перерыв. Делегаты встали. И в этот момент к Захре подошёл один из членов делегации — француз по имени Ален Дюваль, которого она помнила ещё по стажировке в Сакле.

— Доктор Мусави, рад снова вас видеть, — сказал он с вежливой улыбкой.
— Пользуясь случаем, я бы хотел передать вам личный привет.

Захра напряглась.

— От кого?

— От доктора Виталия Смирнова. Помните его? Русский физик. Он с мая этого года работает с нами в СЕА.

Смирнов. Саров. 2012 год. Человек, который курировал её стажировку. Человек, с которым она обсуждала достоинства немецкой противотанковой установки Jagdpanther. Смирнов во французском Комиссариате по атомной энергии. Совпадение? Сигнал?

Кровь отхлынула от её лица.

— Да, я помню его, — сумела выдавить она.

— Он очень тепло о вас отзывался. Говорил, что вы — один из самых блестящих умов, с которыми ему доводилось работать. — Дюваль сделал паузу, его взгляд на мгновение стал серьёзным. — И мы, в Агентстве, очень ценим вашу работу и ваш вклад в науку. Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

— Наука не знает границ, — ответила она, цитируя банальность. — Только политика их создаёт.

— Именно поэтому такие встречи важны, — улыбнулся француз и отошёл.

Слова повисли в воздухе. Они могли быть простой вежливостью. А могли быть паролём. Подтверждением. Приказом продолжать.

Он протянул ей руку. Она машинально пожала её. Его рукопожатие было коротким, сухим, деловым. Но на мгновение она почувствовала, как его пальцы чуть сильнее сжали её ладонь, словно передавая невидимый сигнал.

Или ей это только показалось?

На обратном пути в аэропорт Рустам молчал, глядя в окно на проносящиеся пейзажи. Наконец он сказал:

— Они знают больше, чем показывают.

— Они всегда знают больше, — ответила Захра.

— Нет, я имею в виду... — он повернулся к ней. — Их вопросы были слишком точными. Словно у них есть источник.

Она пожала плечами, чувствуя, как холодный пот выступает между лопаток.

— Спутники. Анализ открытых источников. Они не дураки.

— Да, — согласился Рустам. — Они не дураки.

Но в его голосе была нота, которую она раньше не слышала...

За окном проносилась иранская зима — серая, холодная, полная скрытых смыслов. Как и её жизнь. Она вспомнила слова Рустама: «Они не хотят взвешивать, Захра. Они хотят быть уверенными, что тень не принадлежит монстру». И она поняла: она сама стала этой тенью. Или, может быть, монстром.

Мем (п): Теология возмездия

8 Дея 1401 г. (29 декабря 2022 г.)

Декабрь опустился на Исфахан, как саван. Месяц прошёл в состоянии анабиоза, в замороженном времени между действием и последствием. Захра перестала ходить в мечеть. Нетбук спал в своей гробнице из старых газет. Она боялась не того, что найдёт там новое сообщение, а того, что не найдёт ничего. Тишина стала её главным мучителем.

Она вернулась к старым ритуалам, к геометрии прежней жизни. Приходила домой вовремя, помогала дочерям с уроками, вела светские беседы с Амирханом. Но её нормальность была слишком идеальной, слишком выверенной, как линия на кардиограмме у мертвеца.

— Ты больше не задерживаешься, — заметил муж однажды. Это не было вопросом. Это была констатация факта.

— Отчёты сданы. Давление спало.

— Хорошо. Семье нужна мать дома, а не призрак, витающий между работой и неизвестностью, — сказал он, но продолжал смотреть на неё так, словно пытался разглядеть трещину в безупречной глазури.

Служка возобновилась. Теперь это был не серый «Пейкан», а неприметная серебристая «Сайпа». Он не следовал за ней постоянно. Он

просто появлялся. На парковке у работы. В зеркале заднего вида на полпути к дому. словно её жизнь стала книгой, а кто-то время от времени закладывал в неё закладку, чтобы не потерять страницу.

Причиной её оцепенения было воспоминание. Тогда, в аэропорту Мехрабад, их рейс в Исфахан задержали. Без объяснений. А потом к ним подошли двое в штатском. Вежливо, почти извиняясь, они попросили её и Рустама пройти с ними. Посадили в разных комнатах. «Небольшая формальность».

Комната была безликой, пахла кофе и сигаретным дымом. Человек, который вёл «беседу», не представился. Его вопросы были похожи на хирургические зонды.

— Француз. Ален Дюваль. О чем вы говорили?

— О науке. О старых знакомых по Сакле.

— Виталий Смирнов. Русский физик. Почему он уехал из России во Францию?

— Я не знаю. Люди меняют место работы.

— Люди уровня Смирнова не «меняют место работы». Они меняют лояльность. Господин Дюваль передал вам что-нибудь от него? Записку? Предмет?

— Нет. Только привет.

Он долго смотрел на неё, и его взгляд был тяжёлым, как рентгеновское излучение.

— Вы наш актив, доктор Мусави. Ценный актив. Не хотелось бы, чтобы вы превратились в угрозу.

Её отпустили. Но она поняла: она больше не была просто учёным. Она была фигурой на доске, и теперь её перемещали чужие руки.

Сегодняшний день разморозил её страх. В лаборатории она стала невольным слушателем разговора между Резаи и Рустамом. Они стояли у доски с формулами, но говорили не о них.

— Последние данные из Фордо подтверждают — мы почти достигли необходимого уровня. Восемьдесят три процента. Почти оружейное качество, — говорил Резаи тихим, почти будничным голосом. — Дальше уже не теория. Это вопрос политической воли.

— Воли для чего? — спросил Рустам.

— Для установления равновесия. Чтобы нанести превентивный удар по любому врагу в регионе, если потребуется.

Рустам молчал.

— У нас есть средства доставки, — продолжил Резаи, словно размышляя вслух. — «Шахаб-3» покрывает всю необходимую территорию.

— А если их система ПВО перехватит? — голос Рустама был едва слышен.

— Аллаху виднее. Все в его руках.

— Или они нанесут ответный удар. И тогда равновесие наступит. Равновесие пепла.

— Возможно. Но разве пророк Хусейн отступил в Кербеле, зная о превосходящих силах врага? Мученичество — это тоже форма победы, — закончил разговор Резаи.

Захра стояла у своего стола, и ей казалось, что пол уходит из-под ног. Превентивный удар. Теология возмездия. Это больше не было сдерживанием. Это было безумие, облечённое в форму государственной доктрины. Они действительно готовы были превратить регион в радиоактивную пустыню во имя абстрактной идеи сопротивления. Она должна была что-то сделать.

После работы она не поехала домой. Впервые за месяц направилась к мечети Джаме Исфахана. В зеркале заднего вида — знакомый силуэт серебристой машины.

Не оборачивайся. Не ускоряйся. Дыши ровно. Ты просто женщина, едущая на молитву.

Она припарковалась у мечети, вышла, направилась к входу. Но вместо того, чтобы войти, свернула в переулок, ведущий к базару. Периферийным зрением заметила фигуру — мужчина в тёмном пальто, на мгновение показалось — Фахрабади. Тот же наклон головы, та же походка.

Невозможно. Он не может быть здесь. Или может? Игра в игре в игре?

Мысли скакали, как электроны между орбитами.

Он видел, как я выходила из мечети. Он знает про библиотеку. Или он следил за мной от работы? Если это КСИР, они уже знают все. Если это не они, то кто? Она шла быстро, но ровно, лавируя между торговцами и покупателями. Мне нужно исчезнуть. Сменить оболочку.

Она ускорила шаг, нырнула в лабиринт базара. Здесь, среди сотен лавок, тысяч покупателей, можно было раствориться. Ковры, специи, ткани — калейдоскоп цветов и запахов. Она остановилась у прилавка с женской одеждой.

— Мне нужен другой хиджаб. Чёрный. И манто подлиннее.

Продавщица — пожилая женщина с руками, исчерченными временем, как древний манускрипт, — кивнула понимающе. Не первая клиентка, желающая сменить облик.

Он идёт за мной. Я чувствую его взгляд между лопаток. Нет, это паранойя. Нет, это реальность. Частица и волна одновременно.

Захра зашла в примерочную — крохотную кабинку, отгороженную занавеской. Сняла светло-серый хиджаб, надела чёрный. Сменила бежевое манто на тёмно-синее. В зеркале отразилась другая женщина — одна из тысяч безликих теней Исфахана.

Выйти спокойно. Повернуть налево, к выходу с северной стороны. Не бежать. Бег — признак вины.

Она вышла из кабинки, расплатилась, старый хиджаб сунула в сумку. Продавщица смотрела с лёгкой улыбкой — видела такое не раз. Женщины, меняющие облик, спасаясь от мужей, от полиции нравов, от собственных теней.

Захра двинулась вглубь базара, лавируя между прилавками. Логика преследователя требовала искать светло-серый хиджаб. Она дала ему ложную цель.

Направо, через ювелирный ряд. Золото в витринах, как застывшие солнечные вспышки. Налево, мимо лавок с коврами. Узоры, в которых можно потеряться, как в лабиринте Борхеса.

Она вышла с базара через боковой выход, на проспект Чахарбаг. Оглянулась — никого похожего на преследователя. Но это ничего не значило. Профессионал всегда держит дистанцию.

Вернулась к мечети окружным путём. Библиотека. Старик-библиотекарь дремал над Кораном. Она прошла к дальнему стеллажу. Нетбук был на месте, холодный, как труп.

Включила. VPN — сервер в Индии сегодня. Форум. Личное сообщение для JagdpanFer_83:

«Критическая масса почти достигнута. 83%. Говорят о возможности превентивного применения. Это не учения. Повторяю: это не учения».

Она выключила нетбук, спрятала обратно. Вышла из библиотеки. В мечети шла вечерняя молитва. Она присоединилась — ряды женщин в чёрном, синхронно склоняющихся в поклонах. В этой анонимности было спасение.

После молитвы вышла через главный вход. Серебристой машины не было. Или была, но в другом месте, с другим наблюдателем.

Дома Амирхан смотрел новости. Диктор говорил о новых санкциях, о происках врагов Ирана.

— Где ты была? — спросил он, не отрывая взгляд от экрана.

— В мечети. Молилась.

— В новом хиджабе?

Она замерла. Он заметил. Конечно, заметил. Следователь подмечает детали.

— Купила на базаре. Старый износился.

Он кивнул, но в его взгляде осталось что-то недосказанное. Подозрение, свернувшееся в клубок и ждущее момента, чтобы развернуться.

Квантовая суперпозиция: она одновременно предательница и патриот, спасительница и разрушительница, пока наблюдатель не откроет коробку и не увидит, кем она является на самом деле.

Нун (ن): Хрупкость фарфора

29 Дея 1401 г. (19 января 2023 г.)

Январский снег падал на Исфахан редкими, неуверенными хлопьями, словно небо разучилось плакать и теперь лишь изображало печаль. После недель, прожитых на острие паранойи, наступило затишье. Жизнь, казалось, входила в свою зимнюю колею, и в этой монотонности была иллюзия покоя. Захра цеплялась за эту иллюзию, как за последнюю нить, связывающую её с миром, где уравнения имели решения, а будущее — хотя бы гипотетическую предсказуемость.

В пятницу после обеда в дверь позвонили. На пороге стоял Адиль, одноклассник Насрин. Тот самый мальчик с глазами средневекового поэта, которого уводили со школьного двора люди в штатском.

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и держал в руках тарелку с домашним печеньем, накрытую вышитой салфеткой.

— Мама просила передать. В благодарность за помощь с математикой.

Захра смотрела на него и видела не столько мальчика, сколько шрам. Те два дня в «Эттелаат» состарили его на десять лет. Ушла детская припухлость щёк, взгляд стал глубоким и уставшим, словно он заглянул за занавес, за которым не было ничего, кроме пустоты. Но он улыбался, и в его улыбке была не сломленность, а какая-то новая, горькая сила.

Насрин выпорхнула в прихожую, и на её щеках вспыхнул румянец, яркий, как гранатовые зерна. Она смотрела на Адилья так, словно он был не просто одноклассником, а героем, вернувшимся из опасного похода. И в этом взгляде Захра увидела всю пронзительную, неуклюжую красоту первой влюблённости — чувства, хрупкого, как старый китайский фарфор из коллекции её отца.

— Проходи, Адиль, мы как раз собирались пить чай, — сказала Захра, отступая в сторону.

Они сидели в комнате Насрин, среди плакатов с k-рок группами, чьи участники с яркими волосами и безупречными лицами смотрели со стен с какой-то нездешней, андрогинной красотой, и стопок учебников.

Дочь устроилась на краю кровати, подтянув ноги, Адиль — на стул у письменного стола. Между ними — метр пространства и целая вселенная невысказанного. О том, что случилось, не говорили. Эта тема была как радиоактивный предмет, который все видели, но никто не решался к нему прикоснуться. Адиль сказал, что пришёл за советом.

— Доктор Мусави, я хочу выбрать иностранный язык для углублённого изучения. Но не знаю какой. Русский или английский?

Захра отпила чай. Вопрос, казалось бы, простой, но в нем, как в капле воды, отражался весь их расколотый мир.

— Это зависит от того, какую дорогу ты выберешь, Адиль. Какую вселенную захочешь для себя открыть. Русский — это язык нашего нынешнего союзника. Мы работаем с ними, покупаем и продаём технологии. Если ты пойдёшь в инженеры или военные, он будет полезен. Но это дорога, ведущая на север, в холод.

Она сделала паузу.

— Английский — это другое. Это язык, на котором сегодня говорит наука. На нем пишут статьи, спорят на конференциях. Это глобальный язык, как латынь в Средние века. Он открывает двери на Запад. Но эти двери могут оказаться ловушкой.

Она посмотрела на него, на его серьёзное, не по годам взрослое лицо.

— А есть ещё Восток. Китай. Их язык — это иероглифы, целая вселенная в каждом знаке. Они строят будущее с такой скоростью, с какой мы пытаемся сохранить прошлое. Возможно, через двадцать лет он будет важнее и русского, и английского.

Адиль задумчиво помешивал ложечкой в стакане.

— Я ещё не решил, кем хочу быть. Мне нравится поэзия, Хафиз, Руми, Омар Хайям... И современных — Шамлу, Ахаван-Салеса. Но стихами не заработаешь на жизнь.

— Неправда, — мягко сказала Захра. Внезапно ей захотелось сказать этому мальчику что-то настоящее, что-то, не имеющее отношения к шпионажу, политике и страху. — Если ты будешь любить свою работу, она станет для тебя поэзией. Любое дело — это творчество. Можно создавать уравнения, которые будут прекраснее любой газели. Можно торговать на базаре так, что это будет искусством. А можно писать стихи, которые изменят мир. Главное — не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь. Находишь ли ты в этом свою, внутреннюю, музыку.

— Суфии говорят, — добавила она, вставая, — что существует язык птиц — универсальный язык, понятный всем существам. Может быть, поэзия и есть попытка говорить на этом языке.

В комнате повисла тишина, наполненная теплом заходящего солнца и ароматом чая с кардамоном. Насрин смотрела на мать с удивлением и восхищением, словно впервые увидела её не как строгую учёную, а как женщину, знающую что-то важное о жизни.

И в этот момент хрупкая гармония разбилась.

Резкий, требовательный стук во входную дверь. Не звонок. Именно стук — твёрдый, официальный, не допускающий промедления.

В комнату заглянул Амирхан. Его лицо было напряжено.

— Сидите здесь. Я открою.

Он вышел. Они слышали его приглушенный голос, потом — другие, незнакомые голоса. Тянулись секунды, похожие на вечность.

Амирхан вернулся. Он не смотрел на Адиля или Насрин. Он смотрел только на жену. В его глазах не было ни гнева, ни удивления. Только тяжёлая, глухая констатация неизбежного.

— Захра. Это за тобой.

Самех (о): Коллапс вероятностей

29 Дея 1401 г. (19 января 2023 г.)

Стук в дверь был тем самым наблюдателем, который вторгается в квантовую систему и заставляет её выбрать одно-единственное состояние. Захра ожидала коллапса в состояние «арест», «тюрьма», «конец». Но реальность, как всегда, оказалась сложнее и изощреннее любого уравнения.

Это были двое. Не в черной форме, а в строгих гражданских костюмах, которые на них сидели, как военная униформа. Их лица были лишены эмоций, как будто вырезаны из серого камня. Они не ворвались. Они просто вошли в дом, и само их присутствие изменило геометрию пространства, сделав комнаты меньше, а потолки — ниже.

— Доктор Мусави, — сказал старший из них, и его голос был таким же безликим, как его костюм. — Вам нужно быстро собраться. Возьмите самое необходимое на пару дней.

Это не был арест. При аресте не просят собирать вещи. Это было что-то другое. Что-то хуже, потому что оно было лишено имени.

— Куда? В чём дело? — спросил Амирхан, вставая между ними и Захрой.

— Ей всё объяснят на месте. Простите, у нас мало времени.

Пока Захра, двигаясь как во сне, шла в спальню, она краем глаза увидела, как Амирхан что-то тихо сказал одному из офицеров. Тот едва заметно кивнул. Что это было? Просьба? Предупреждение? Или пароль, подтверждающий, что её муж — часть этой системы, винтик в том же механизме, который пришёл за ней?

Захра поднялась в спальню, механически бросила в сумку смену белья, туалетные принадлежности, блокнот и тёплый платок. Мозг лихорадочно просчитывал варианты. Не арест — значит, её шпионаж не раскрыт. Срочность — значит, что-то случилось на объектах. Авария? Утечка? Или...

Насрин и Адиль стояли в дверях комнаты. Мальчик смотрел на происходящее с узнаванием — он уже видел, как приходят люди в форме. Он видел этот ритуал раньше. Его рука невольно коснулась плеча Насрин — жест защиты, бессильный и трогательный.

Зейнаб подбежала к Захре и вцепилась в её руку.

— Мама, ты когда вернёшься?

Захра опустилась на колени, чтобы быть с ней на одном уровне. Она посмотрела в глаза дочери и попыталась вложить в свой взгляд всю любовь и всю ложь, на которую была способна.

— Не знаю, азизам. Надеюсь, что скоро.

Её увезли на черном «Пежо Парс» с тонированными стёклами. Город за окном превратился в смазанные огни. Они ехали молча. Захра пыталась анализировать, просчитывать варианты. Это не допрос. Для допроса её отвезли бы в другое место. Это не казнь. Казни предшествует суд. Это было перемещение. Её, как ценный и опасный объект, перемещали из одной точки пространства в другую.

Машина остановилась у неприметного особняка в тихом, зажиточном районе на окраине Исфахана. Никаких опознавательных знаков, только высокий забор и камеры наблюдения, похожие на глаза хищных насекомых.

Внутри — строгая функциональность военного объекта, замаскированного под гражданское здание. В конференц-зале уже собрались: доктор Резаи с лицом, вырезанным из камня; Рустам, нервно теребящий ручку; несколько офицеров КСИР в форме без знаков различия; и человек в дорогом костюме — Махмуд Ахмади из ОАЭИ, заместитель директора по международным связям.

— Ситуация критическая, — начал Ахмади без предисловий. — Три часа назад в Фордо без предупреждения прибыла инспекционная группа МАГАТЭ. Ссылаются на пункт 77 дополнительного протокола — право на внеплановые проверки при наличии обоснованных подозрений.

Захра почувствовала, как по спине пробежал холодок. Её сообщение. Её цифры. Они сработали.

— Какие подозрения? — спросил Резаи.

— У них есть спутниковые снимки повышенной активности за последние две недели, — сказал один из офицеров. — Увеличенное энергопотребление. Тепловые сигнатуры, указывающие на работу дополнительных каскадов.

— Пока мы их не допустили на объект, сославшись на протокольную несогласованность маршрута, — продолжил он, глядя на доктора Резаи. — Но мы не можем тянуть долго. Это спровоцирует международный скандал.

— Почему их не пускают?

— Потому что они требуют доступа в сектор Б-7.

Сектор Б-7. Координата, которую она запомнила. Которую она передала.

Офицер, видимо самый старший по званию, сделал паузу, обводя всех тяжёлым взглядом.

— Ваша встреча в Тегеране была признана успешной. Вы с доктором Йезди смогли представить нашу позицию убедительно и профессионально. Поэтому было принято решение: вы двое немедленно вылетаете в Фордо. Ваша задача — встретиться с инспекторами, предоставить им необходимые разъяснения, успокоить их. Показать им ровно столько, сколько нужно, чтобы они уехали удовлетворёнными, но не более. Доктор Резаи полетит с вами, но в переговорах участвовать не будет. Он будет координировать действия на месте.

Захре показалось, что она перестала дышать. Её отправляли замечать следы собственного предательства. Это была ирония такого масштаба, такого вселенского цинизма, что она почти граничила с безумием.

— Вы летите на военном вертолёте. Прямо сейчас. Посадка на площадке под Кумом, далее наземный транзит до объекта, — добавил Ахмади. — Времени на сборы не было, поэтому вас так и забрали. Всё необходимое вам предоставят на месте. Есть вопросы?

Вопросов не было. Была только ледяная пустота. Её бросали в самое сердце урагана, который она сама и вызвала. Это было не наказание. Это было испытание. Или, может быть, самый изощренный способ заставить её раскрыть себя.

Она посмотрела на Рустама. Он поймал её взгляд. В его глазах не было страха. Была только усталость.

Через двадцать минут они уже были на военном аэродроме. Вертолёт МИ-17 ждал с работающими двигателями. В салоне — спартанская простота:

металлические сиденья, ремни безопасности, окна, через которые была видна только темнота.

Захра пристегнулась, чувствуя вибрацию корпуса. Рядом Рустам что-то чертил в блокноте — формулы, которые помогут объяснить необъяснимое. Резаи сидел напротив, глаза закрыты, но она знала — он не спит, а просчитывает варианты.

Вертолёт поднялся, и Исфахан остался внизу — россыпь огней в чёрном бархате ночи. Где-то там Насрин утешает Зейнаб. Амирхан звонит своим друзьям, пытаясь понять, что происходит. Адиль, возможно, всё ещё сидит в их доме, не решаясь уйти.

А она летит навстречу собственной лжи, которая вернулась к ней в образе инспекторов МАГАТЭ. Круг замкнулся. Но это был не конец, а начало новой спирали, ведущей неизвестно куда.

В иллюминаторе проплывали горы Загрос — чёрные громады, хранящие в своих недрах секрет, который она помогла создать и теперь должна помочь скрыть.

Я стала Уроборосом, подумала она. Змеёй, пожирающей собственный хвост.

Айн (۷): Подземная правда

30 Дея1401 г. (20 января 2023 г.)

Фордо был не просто объектом. Это была рана в теле горы, ушедшая на девяносто метров вглубь гранита. Место, где человеческий разум заставил камень служить самой сокровенной и страшной из своих идей. Воздух в туннеле, ведущем к центральному залу, был холодным, с привкусом озона и бетона, и казался плотным, как вода. Длинные ряды люминесцентных ламп на потолке гудели с монотонностью, которая въедалась в подсознание, вытесняя любые посторонние мысли. Стены давили. Здесь не было дня и ночи, только вечные, искусственные сумерки. Министерство правды, где реальность переписывалась в реальном времени.

На входе в главный сектор их ждала процедура, доведённая до абсурда. Их, высший научный персонал, обыскивали с той же тщательностью, что и вражеских диверсантов. Металлодетекторы, сканеры, проверка сетчатки глаза. У них забрали даже ручки, выдав взамен казённые. Проверка на входе была методичной, унижительной в своей тщательности. Даже Резаи, которого здесь

знал чуть ли не каждый часовой, прошёл через все процедуры. Параноидальная симметрия безопасности не признавала исключений.

Перед тем как войти в переговорную, доктор Резаи отвёл Захру в сторону.

— Доктор Мусави, — его голос был тихим, но в гулкой тишине туннеля звучал как приказ. — Когда войдёте, сразу предложите им напитки. Скажите дословно: «Вы будете кофе или чай без кардамона?».

Захра удивлённо посмотрела на него.

— Почему без кардамона?

— Это сигнал. Показывает, что мы учитываем западные вкусы, но не заискиваем. Мелочь, но они замечают такие вещи. Женщина-учёный, предлагающая чай — это создаёт атмосферу домашности. Снижает напряжение.

Он не объяснил ничего больше. Просто развернулся и исчез в глубине бокового туннеля, оставив её с этой бессмысленной, но явно значимой фразой. Пароль? Знак? Или просто ещё одна деталь в театре абсурда, который они разыгрывали?

Инспектора МАГАТЭ уже ждали их. Такие же лица, что и в Тегеране. Но здесь, на чужой территории, они казались немного другими. Не гостями, а хирургами, готовыми вскрыть пациента. На них были голубые жилеты с эмблемой Агентства. Рядом на столе лежало их оборудование: переносные гамма-спектрометры, похожие на футуристическое оружие, контейнеры с наборами для «swipe»-проб, индикаторные пломбы, похожие на странные амулеты. Глава делегации, немец по имени Клаус Вебер, держал в руках планшет с открытым DIQ — Опросником проектной информации.

Захра сделала глубокий вдох.

— Господа, прежде чем мы перейдём к техническим вопросам, позвольте предложить вам гостеприимство. Давайте сначала сядем и познакомимся. Вы будете кофе или чай без кардамона?

Вебер на мгновение замер. Его глаза скользнули по лицу Захры, словно ища в нём скрытый код.

— Чай, благодарю вас, — ответил он. — Без кардамона — это необычно для Ирана.

— Мы учёные, — улыбнулась Захра. — Мы ценим чистоту эксперимента.

Остальные тоже выбрали чай.

— Наши данные, — начал Вебер, указывая на планшет, — указывают на недавнее переподключение каскадов IR-6 в секторе Б-7. Смена линков. Можете ли вы это прокомментировать?

«Смена линков» — эвфемизм. Он означал «создание каскада для обогащения урана до оружейного уровня».

— Мы проводили плановую реконфигурацию, — ответил Рустам. — Тестировали новую схему для повышения эффективности производства медицинских изотопов. Это отражено в наших операционных журналах.

— Однако эта «реконфигурация» совпала с аномальным скачком энергопотребления, — вмешалась женщина-инспектор с французским акцентом. — Ваши журналы этого не объясняют.

— Любая сложная система имеет свои флуктуации, — парировала Захра. — Мы имеем дело не с идеальной математической моделью, а с реальным оборудованием. Возможны резонансные эффекты. Мы как раз изучаем эту проблему. Это чисто научный вопрос.

— Научный вопрос, который привёл к производству нескольких килограммов материала с обогащением свыше 80 процентов, — сухо заметил Вебер. — Это уже не флуктуация. Это — результат.

— Результат эксперимента, который был немедленно прекращён после получения данных, — сказала Захра. — Материал помещён на склад под ваш контроль. Вы можете взять пробы. Мы ничего не скрываем.

Они говорили о килограммах и процентах, о линках и флуктуациях. Но на самом деле они обсуждали одно: сколько времени нужно Ирану, чтобы собрать бомбу. Каждое слово было ложью, обёрнутой в правду. Каждая цифра была одновременно и фактом, и дезинформацией. Захра чувствовала себя переводчиком в Вавилонской башне, где все говорят на одном языке, но вкладывают в слова противоположные смыслы.

— Нам нужно взять пробы в секторе Б-7, — наконец сказал Вебер.

— Сектор Б-7 находится на плановом обслуживании, — ответил Рустам слишком быстро. — Но мы можем предоставить вам данные мониторинга за последний месяц.

— Данные — это не пробы, — настаивала француженка. — Нам нужен физический доступ.

— Завтра, — пообещала Захра, понимая, что за ночь сектор зачистят до стерильности операционной. — После завершения технических работ.

Инспекторы переглянулись. Они знали, что им дают время на уничтожение улики. Но открытый конфликт не входил в их мандат.

— Хорошо, — кивнул Вебер. — Завтра в 9:00. И мы установим тампер-индикаторные пломбы на все входы в сектор. Сегодня.

— Разумеется, — согласилась Захра.

Вечером, в стерильной, безликой гостинице на территории объекта, их вызвал Резаи. Он сидел в кресле, и его лицо в полумраке казалось маской. Он хотел знать всё.

— Кто именно из инспекторов настаивал на секторе Б-7?

— Французенка, Мари Дюбуа, — ответил Рустам.

— Что ещё она спрашивала?

— Про изотопный состав в отходах. Про температурные аномалии в каскаде IR-2m.

— А немец?

— Вебер больше интересовался документацией. Просил показать логи энергопотребления за последние три месяца.

— Вы дали?

— Только общие данные. Сказали, что для полной информации требуется разрешение из Тегерана.

Резаи кивнул, делая пометки в блокноте.

— А остальные двое?

— Молчали в основном. Один фотографировал схемы на планшет, другой что-то измерял портативным спектрометром.

— Измерял что?

— Фооновую радиацию, вроде бы. Но держал прибор странно, направлял на вентиляционные решётки, а затем отбирал смывы.

— Ищут следы гексафторида, — пробормотал Резаи. — Что ещё?

Так продолжалось ещё час. Каждая деталь, каждое слово, каждый жест инспекторов препарировались и анализировались. Захра чувствовала себя соучастницей преступления, которое одновременно совершала и расследовала.

— Завтра будьте ещё осторожнее, — закончил Резаи. — Они проверяют не только центрифуги. Они проверяют нас.

И немного помолчав, добавил:

— Запомните, это частная беседа, доктор Мусави и доктор Йезди. Информация о ней не должна покинуть эту комнату. Вы понимаете?

— Но это же стандартная процедура... — начал Рустам.

— С сегодняшнего дня стандартных процедур больше нет, — отрезал Резаи. — Есть только приказы. Вы свободны.

Они вышли в коридор. Его слова повисли между ними. «Информация не должна покинуть эту комнату». Это была не просьба. Это была угроза.

Оставшись одна в своей комнате — четыре стены, узкая кровать, окно с видом на бетонную стену — Захра думала о том, что стала частью машины, которая пожирает правду и выделяет ложь с эффективностью промышленного реактора. И самое страшное было то, что она уже не могла определить, где кончается её ложь и начинается чужая.

За окном выла январская метель, засыпая снегом входы в подземелье, где 174 центрифуги — или больше — продолжали свой монотонный танец, разделяя изотопы и судьбы.

Пе (9): Непреднамеренная сингулярность

1 Бахмана 1401 г. (21 января 2023 г.)

Утро в Фордо началось с тишины. Не той гулкой, рабочей тишины, наполненной гулом центрифуг, а иной — напряженной, выжидающей, как затишье перед бурей. Завтрак в столовой был молчаливым. Резаи ел быстро, не глядя ни на кого. Рустам крошил в чай сахар, но не пил. Захра чувствовала, как воздух вибрирует от невысказанного.

В 9:00 они должны были встретиться с инспекторами у входа в сектор Б-7. Но в коридоре их остановил офицер КСИР.

— Приказ из Тегерана. Вам троим надлежит оставаться в лаборатории до особого распоряжения.

— Что это значит? — резко спросил Резаи. — Мы должны сопровождать инспекцию.

— Приказ, — повторил офицер, и его взгляд был непроницаем, как бетонная стена. — В лаборатории есть все необходимое. Ждите.

Лаборатория, их научное святилище, превратилась в тюрьму. На мониторах — мёртвые графики вчерашних измерений. В углу — камера наблюдения, красный глазок которой не мигал. Выключена или просто маскируется? Но в ней было окно, из бронированного стекла, выходящее в главный коридор. Через него они видели то, чего видеть не должны были.

Сначала все шло по плану. Инспекторы в голубых жилетах, сопровождаемые охраной, прошли к сектору Б-7. Они сняли вчерашние тампер-индикаторные пломбы, сверили номера и вошли внутрь. Дверь за ними закрылась.

Прошёл час. Потом второй. Тишина в коридоре стала почти осязаемой. Рустам ходил по лаборатории из угла в угол, как зверь в клетке. Резаи молчал, сидя на металлическом стуле, сложив руки на груди. Его лицо было маской спокойствия, но Захра видела, как пульсирует жилка на его виске — метроном тревоги.

А потом началось. Дверь сектора распахнулась. Из неё вышел Вебер, его лицо было красным от гнева. Он что-то резко говорил начальнику охраны, жестикулируя. Дюбуа держала в руках герметичный контейнер с пробами, словно это была неразорвавшаяся бомба. В коридоре появились новые люди — больше охраны, офицеры КСИР. Они не угрожали. Они просто стояли, создавая живую стену, физически отделяя инспекторов от остального мира.

— Что там происходит? — пробормотал Рустам.

— Они что-то нашли, — ответил Резаи, и в его голосе не было удивления. Только холодная констатация.

Спор в коридоре продолжался ещё минут двадцать. Затем инспекторы, окружённые плотным кольцом охраны, прошли мимо их окна в сторону выхода. Они не смотрели в их сторону. Их миссия здесь была окончена.

Ещё через час за ними пришёл тот же офицер.

— Вы свободны. Можете возвращаться в Исфахан. Вертолёт ждёт.

В номере гостиницы, где вчера их допрашивал Резаи, их ждал тот же старший офицер, с которым они встречались в Исфахане.

— Инспекторы покинули объект, — сказал он без предисловий. — Они нашли то, чего не должны были найти.

Он положил на стол распечатку. Это был предварительный отчёт их собственной службы безопасности.

— Частицы урана с обогащением до 83,7 процента. Взяты с труб, соединяющих два каскада IR-6. Они также зафиксировали незадекларированное изменение в конфигурации трубопроводов.

— Как это произошло? — спросил Рустам.

— Переподключение каскадов, — взял слово Резаи. — Они хотели ускорить процесс, но... — он пожал плечами. — Центрифуги иногда работают слишком хорошо. Происходит концентрация в узлах системы. Микроскопические количества, но детекторы МАГАТЭ могут найти даже отдельные атомы.

Представитель КСИР слушал молча, а затем, после затянувшейся паузы, сказал:

— Они улетели, не подписав итоговый протокол. Это означает одно: через пару дней в Вене будет экстренное заседание Совета управляющих. Нас обвинят в нарушении всех мыслимых протоколов и в шаге от создания оружия.

Он посмотрел на них троих, переводя взгляд с одного на другого.

— Нам нужна история. Объяснение. Легенда. Официальная правда, которую мы представим миру. — Он посмотрел на Захру и Рустама. — Вы лучшие научные умы нашей программы. Вы должны создать эту правду. Вам даётся сорок восемь часов на подготовку совместного доклада для ОАЭИ, который ляжет в основу нашего ответа МАГАТЭ.

— Какого рода объяснение? — спросил Рустам.

— Это должно быть правдоподобно. Научно обоснованно. И неопровержимо. — Он встал. — Они спрашивают, было ли это сделано преднамеренно или это была случайность. Ваша задача — доказать, что это было непреднамеренно. Случайное накопление изотопов в системе из-за сбоя давления. Технический сбой. Погрешность в эксперименте. Что угодно. Вы должны создать нарратив, в который они смогут, при желании, поверить.

Он вышел. Они остались втроем в гулкой тишине. Создать нарратив. Переписать реальность. Нарисовать новую картину. Картину, которая скрывала бы правду. Правду, которую она сама же и помогла раскрыть.

По дороге домой, в вибрирующем салоне вертолѐта, она смотрела на проплывающие внизу горы. Её научная объективность, её вера в чистоту факта, окончательно уступила место шпионской паранойе.

Что дальше? — думала она. — Я дала им наводку. Они нашли то, что искали. Моя миссия выполнена? Или это только начало?

Она была уверена, что 83,7% — это не случайность. Это был намеренный, тщательно спланированный эксперимент. Резаи и его люди проверяли, как быстро они могут выйти на оружейный уровень. Проверяли технологию. А теперь, когда их поймали, они хотят свалить все на «непреднамеренную случайность», на сингулярность.

А что, если... что, если вся эта история с инспекцией была подстроена? Не её кураторами, а её собственным руководством? Чтобы создать международный кризис? Чтобы получить повод для выхода из Договора о нераспространении? Что, если её, Захру, использовали не как источник информации для Запада, а как катализатор для планов ястребов в Тегеране?

Что теперь? Инспекторы нашли то, что искали. Больше того — они нашли то, чего Иран не мог объяснить, не признав фактически создание ядерного оружия. Это был конец игры в мирный атом.

Её научная объективность, которая столько лет была её щитом, рассыпалась, как кристаллическая решётка под нейтронной бомбардировкой. Она чувствовала, как реальность распадается на бесконечное число версий, и каждая из них была одинаково возможной и одинаково чудовищной. Она была не просто пешкой в игре двух сторон. Она была пешкой в игре, где сторон могло быть три, четыре, или где все играли за себя, создавая и разрушая союзы.

Она больше не искала правду. Она искала наименее болезненную ложь, в которую можно было бы поверить, чтобы не сойти с ума.

Дома её ждали дочери. Насрин с тревогой в глазах, Зейнаб с объятиями. Амирхан молча кивнул — он уже знал. Его источники работали быстро.

— Что случилось? — спросил он, когда они остались одни.

— Инспекция прошла неудачно.

— Насколько неудачно?

— Достаточно, чтобы изменить всё.

Он долго смотрел на неё, и в его взгляде она читала вопрос, который он не решался задать: Ты к этому причастна? Но он не спросил. Потому что некоторые ответы лучше не знать.

Цади (х): Геометрия недоверия

29 Фарвардина 1402 г. (18 апреля 2023 г.)

Весна пришла в Исфахан, но её приход был обманом. Солнце светило, но не грело, абрикосовые деревья цвели с отчаянной, обречённой красотой. Три месяца после Фордо прошли как один долгий, серый день. Их доклад о «непреднамеренной сингулярности» был принят. Мир сделал вид, что поверил. Но что-то сломалось. Воздух в исследовательском центре стал плотным, вязким от недоверия.

Контроль стал тотальным. Он был не в грубых обысках, а в мелочах. Внезапные проверки рабочих журналов. Новые протоколы шифрования электронной почты. Незнакомые лица в столовой, которые ни с кем не разговаривали, а только наблюдали. Камеры, казалось, следили не за действиями, а за мыслями. Они появились даже в переходах между лабораториями. Пропуска проверяли трижды. Это была геометрия страха, где каждая точка пространства находилась под наблюдением.

— Они смотрят на нас, как на подопытных крыс в лабиринте, — сказал Рустам однажды, когда они пили чай. Он говорил шёпотом, хотя вокруг не было никого. — Изучают нашу реакцию на стресс.

— Лабиринт, который мы сами построили, — ответила Захра. — После Фордо мы все стали подозреваемыми. Вопрос только в степени подозрения.

— Ты заметила? За тобой тоже следят?

Она кивнула. Это были не только серебристая «Сайпа» или серый «Пейкан». Появились другие. Пешие «топтуны» у её дома. Иногда ей казалось, что за ней следят сразу двое — один от КСИР, а второй... второй был тенью, призраком, чьё присутствие она скорее чувствовала, чем видела. Кто он? Человек Фахрабади? Или её собственный страх, обрётший плоть?

Дважды она ходила в мечеть. Заходила в библиотеку, садилась за стол. Дышала пылью старых книг. Но не отодвигала стеллаж, не прикасалась к нетбуку. Она чувствовала себя сапёром, который знает, что в комнате есть мина, но не знает, где она и как выглядит. Любое неосторожное движение могло привести к взрыву.

На работе разговоры в комнате отдыха стали похожи на чтение зашифрованных депеш.

— Говорят, нескольким инспекторам отзовут аккредитацию, — бросил кто-то из инженеров. — Тем самым, что были в Фордо.

— Всех? — спросил кто-то.

— Нескольких. Тех, кто был в Фордо. Объявят их персонами нон грата.

— Это эскалация, — заметил Рустам.

— Это ответ на эскалацию, — поправил Резаи. — Они первые нарушили протокол, опубликовав предварительные данные без согласования.

— А СВПД? — спросила Захра, имея в виду соглашение 2015 года.

Резаи пожал плечами.

— Пока остаёмся. Выход означал бы полную изоляцию. Помните, что случилось в Натанзе в двадцатом и двадцать первом?

— Да, — согласился Рустам. — Это как ход в шахматной партии. Мы убираем с доски их ферзя, но не переворачиваем саму доску. Выходить из Соглашения нельзя. Это равносильно объявлению войны.

Все замолчали. Воспоминание о происшествиях в Натанзе было слишком свежим. Оно было шрамом на теле программы. Июль 2020-го — взрыв, уничтоживший цех сборки центрифуг. Апрель 2021-го — «авария» в системе электроснабжения, парализовавшая объект на несколько дней. Неофициально все знали — это Моссад.

За несколько дней до их очередной командировки в Натанз Амирхан завёл странный разговор. Вечером, когда дети уже спали, он сел рядом с ней на диван.

— Ты снова едешь с Йезди.

— Да. Рутинная сверка данных.

Он долго молчал, глядя на узоры персидского ковра, словно пытался прочесть в них ответ.

— Ты проводишь с ним много времени. Командировки, совещания.

— Мы работаем над одним проектом.

— Как он тебе? Как человек?

Вопрос был задан спокойно, почти лениво, но Захра почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это был не мужской интерес. Это был допрос?

— Он... умный. Хороший физик. Мы говорим о науке.

— Только о науке? — Амирхан повернулся и посмотрел ей прямо в глаза.
— Ты доверяешь ему?

— В пределах профессиональных обязанностей — да. А что?

— Ничего, — он отвернулся. — Просто будь осторожна. В наше время нельзя доверять никому. Даже тем, кто пьёт с тобой чай. Близость к кому-либо может быть истолкована неверно.

Или верно, подумала Захра. Он ревновал? Или предупреждал? Или проверял?

— Рустам — коллега. Только коллега.

— Я знаю, — как-то слишком спокойно сказал он.

Поездка в Натанз была похожа на путешествие в прошлое. Тот же огромный комплекс посреди пустыни, тот же гул под землёй. Но теперь всё было иначе. Во время совещания один из руководителей объекта подтвердил слухи.

— Да, решение принято. Аккредитация Вебера, Дюбуа и ещё двоих будет отозвана. Это наш ответ на их провокацию в Фордо. Но из СВПД (Совместный всеобъемлющий план действий) мы не выходим. В Тегеране считают, что это преждевременно. Соглашение даёт нам пространство для манёвра. Выход лишит нас этого пространства. Мы не хотим давать Израилю повод для удара.

Это была та информация, которую ждали её кураторы. Ценная. Стратегическая. Она показывала раскол в иранском руководстве: ястребы требовали разрыва, прагматики — осторожности.

Вернувшись в Исфахан вечером следующего дня, она сказала мужу, что устала и хочет прогуляться. Он кивнул, но она видела в его глазах вопросы.

Мечеть Джаме Исфахана была полна верующих — пятничная молитва. Она присоединилась к женским рядам, механически повторяя движения. После молитвы, когда толпа начала расходиться, проскользнула в библиотеку. Достала нетбук. Включила. Руки дрожали, но ум был холоден и ясен.

VPN. Индия. Форум.

Она написала сообщение для JagdpanFer_83.

«Они не выйдут из СВПД. Опасаются усиления санкций и диверсий. Но аккредитацию нескольких инспекторов, в т.ч. Вебер и Дюбуа, отзовут в качестве ‘симметричного ответа’. В руководстве нет единства».

И нажала «Отправить».

Она выключила нетбук, спрятала обратно. Выходя из библиотеки, почувствовала взгляд. Обернулась — никого.

Дома Амирхан смотрел новости. На экране — дебаты о ядерной программе.

— Где гуляла?

— В парке. Потом зашла в мечеть.

— В мечеть?

— Помолиться. За мир.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— За мир... Боюсь, твои молитвы опоздали. Мы уже в войне. Просто пока холодной.

Пока, подумала Захра. Ключевое слово — пока.

Коф (۷): Последняя пятница

8 Ордибехешта 1402 г. (28 апреля 2023 г.)

Апрельское солнце лилось на Исфахан медовыми потоками, и улицы, уставшие от зимней серости, жадно впитывали тепло.

В эту пятницу они выбрались в город всей семьёй — редкий, почти забытый ритуал. Сначала — кафе в армянском квартале Джолфа, с его прохладными внутренними дворами и запахом крепкого кофе. Потом — прогулка по набережной реки Зайендеруд, которая в этом году, на удивление, была полноводной, и её мутные, сонные воды отражали древние арки моста Хаджу.

Они шли по аллее, и Захра смотрела на своих дочерей, и в сердце её смешивались нежность и острая, почти физическая боль. Зейнаб, ещё совсем дитя, шла, держась за руку отца, и со смехом рассказывала что-то о школьной пьесе. А Насрин... Насрин была уже по ту сторону невидимой черты, отделяющей детство от взрослой жизни. Она шла рядом с ними, но мыслями была далеко.

И, конечно, он появился. Адиль. Словно случайно оказавшийся в том же парке в то же время. Их «случайная» встреча была так же предсказуема, как движение планет. Он поздоровался, смущённо улыбаясь, и Насрин, вспыхнув, как маков цвет, тут же нашла предлог отделиться от семьи. «Мы пойдём за мороженым».

Захра и Амирхан остались вдвоём, наблюдая, как две юные фигуры удаляются по аллее. Они шли, не касаясь друг друга, но между ними висело то самое электричество, та самая неловкая, мучительная и прекрасная гравитация первой любви, которая заставляет целые вселенные вращаться вокруг двух случайно встретившихся людей.

— Посмотри на них, — тихо сказал Амирхан. — Кажется, ещё вчера мы так же носили Насрин на руках по этой самой аллее. А теперь... она уже выше тебя. Время — странная субстанция. Течёт незаметно, а потом вдруг смотришь — и целая эпоха прошла.

— Она похожа на тебя в её возрасте, — сказала Захра, и воспоминание о молодом, черноглазом Амирхане, читавшем ей стихи у этого самого моста, нахлынуло на неё с неожиданной силой. — Такая же... верящая в то, что мир можно изменить.

— Дай Бог, чтобы мир не изменил её, — вздохнул Амирхан. — Помнишь, как Насрин боялась лебедей?

— А теперь она боится только нашего неодобрения, — ответила Захра, наблюдая, как старшая дочь теперь прогуливалась с Адилем на почтительном расстоянии.

— Не притворяйся, что не заметила их «случайную» встречу, — Амирхан покачал головой. — Она же и твоя копия в молодости. Такая же упрямая и изобретательная.

Зейнаб бежала впереди, её платье развевалось, как крылья бабочки. В двенадцать лет она всё ещё жила в мире, где чудеса возможны, а взрослые проблемы — лишь странные разговоры за закрытыми дверями.

Они сели на скамейку. Молчали. И в этом молчании было больше близости, чем во всех разговорах последних месяцев. На мгновение, всего на одно хрупкое мгновение, они снова были просто мужем и женой, сидящими в парке и наблюдающими за своими детьми. Не офицером безопасности и не шпионом. Просто людьми.

И в этот момент её телефон, лежавший в сумке, завибрировал.

Она достала его. На экране светилось имя: «Рустам Йезди». Она нажала кнопку сброса.

— Кто там? — спросил Амирхан.

— Рустам.

Телефон завибрировал снова. Тот же настойчивый, требовательный вызов. Она снова сбросила, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Пятница. Выходной. Рустам никогда не звонил в выходной.

— Почему ты не отвечаешь? — в голосе Амирхана появились знакомые нотки. — Вдруг что-то срочное по работе?

— Если бы было что-то срочное, позвонил бы Резаи, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Рустам знает, что пятница — день для семьи. Наверное, просто какой-то технический вопрос. Не хочу сейчас думать о центрифугах.

Она убрала телефон. Но иллюзия покоя была разрушена. Этот звонок был как камень, брошенный в тягучую гладь воды. Он был предвестником, вторжением того, другого мира, от которого она так отчаянно пыталась укрыться в этом солнечном дне.

Телефон завибрировал в третий раз. Теперь это было уже не просто беспокойство. Это была тревога. Что-то случилось. Что-то, о чем Рустам хотел предупредить её лично, в обход Резаи, в обход официальных каналов.

Она снова сбросила вызов. Она сделала свой выбор. Она выбрала этот хрупкий, украденный у судьбы час мира со своей семьёй.

— Пойдём, найдём наших детей, — сказала она, вставая. — Мороженое, наверное, уже растаяло.

Они пошли по аллее. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в нежные, пастельные тона. Навстречу им шли Насрин и Адиль. Они смеялись, и в их смехе была та беззаботность, которую Захра, как она теперь понимала, потеряла навсегда.

Телефон в её сумке больше не звонил. Он замолчал. И эта тишина была страшнее любых звонков. Это была тишина оборвавшейся связи. Тишина, которая наступает после.

Она не знала, что это был последний день мира. Она не знала, что Рустам Йезди звонил ей, чтобы попрощаться. Или чтобы предупредить.

Домой возвращались в сумерках. Насрин шла с ними — Адиль отклонялся у перекрёстка, галантно и старомодно. Зейнаб дремала на плече отца. Город погружался в вечернюю молитву.

Ночью ей снился парк, залитый солнцем. Насрин-малышка делала первые шаги. Зейнаб ловила своё отражение. А в стороне, под платаном, стоял Рустам и что-то кричал, но она не слышала слов. Только видела, как он машет руками, предупреждая об опасности, которую она не могла разглядеть в слепящем весеннем свете.

Проснувшись она от собственного крика. Амирхан спал. За окном — предрассветная тишина. На тумбочке лежал молчащий телефон, хранящий последние звонки от человека, который исчезнет через несколько часов, не дождавшись ответа.

Реш (ᠷ): Алхимия слов

12 Ордибехешта 1402 г. (2 мая 2023 г.)

Три дня после исчезновения Рустама прошли в оцепенении. Официальная версия — семейные обстоятельства, срочный отъезд в Йезд к больной матери. Но его стол зачистили с той же тщательностью, с какой дезактивируют радиоактивное загрязнение. И записка, найденная Захрой в ящике, жгла карман её халата, как кусок обогащённого урана.

«Где дом друга, о спутники мои?»

74.4.12.3_9.1.5.7

Выбросить? Но неизвестность была ядом, который действовал медленно, но неотвратимо. Сообщить Фахрабади? Но её канал был односторонним. Внеплановый контакт — признание в панике, а паника в их игре была равносильна смерти.

Оставался только один путь. Вперёд. В лабиринт, который построил для неё Рустам.

Библиотека объекта UCF была не просто хранилищем знаний. Это был мавзолей. Здесь, на металлических стеллажах, выровненных с лазерной точностью, покоились мумии идей — монографии, отчёты, диссертации. Воздух, пахнувший озоном и антистатиком, казался слишком разреженным для дыхания. Тишина здесь была не умиротворяющей, а абсолютной, как в космосе. Она давила, делая каждый звук — скрип ботинка, щелчок клавиатуры — событием почти вселенского масштаба.

Она сделала вид, что ищет старый отчёт по поведению плазмы. В дальнем углу сидел инженер, погруженный в свой мир цифр. Больше никого. Секция персидской поэзии, подаренная каким-то чиновником из министерства культуры, была абсурдной аномалией в этом царстве формул. Захра знала, что Рустам иногда брал отсюда томик Хафиза.

Вот он. «Диван». Темно-зелёный переплёт.

74.4.12.3_9.1.5.7

Координаты. Страница. Строка. Слово. Буква. Это было очевидно. Слишком очевидно.

74-я страница. Четвертая строка. Двенадцатое слово: «компас» (قطب‌نما - котб-нама). Третья буква: «б» (ب).

9-я страница. Первая строка. Пятое слово: «алхимика» (کیمیاگر - кимиягар). Седьмая буква: «р» (ر).

Б-Р. Бор. Поглотитель нейтронов. Контроль. Замедление. Предупреждение.

Ее охватило ледяное разочарование. Это все? Просто символ? Предостережение, которое уже опоздало? Нет. Рустам не был так прост. Он был игроком в шахматы, который просчитывает на десять ходов вперёд. Это был первый слой шифра. Для тех, кто найдёт записку случайно. Для службы безопасности. Ложная цель. А настоящий ключ должен быть спрятан глубже.

Она снова посмотрела на слова. «Компас». «Алхимик». Они были слишком точными, слишком символическими, чтобы быть просто носителями случайных букв. Компас — навигация, путь, указатель. Алхимик — трансформация, превращение, шифрование.

Навигация. Шифрование.

И тут её сознание словно совершило фазовый переход. Она смотрела на слова, но видела не их персидское написание. Она видела их тень, их отражение в другом языке. В языке, на котором они оба говорили с миром науки. В языке, который был универсальным кодом.

Английский.

Compass. Alchemist.

Это были не просто слова. Это были пароли. Или части пароля. Она вернулась к цифрам. 74.4.12.3. Что, если это не координаты, а что-то другое?

Комбинация? Дата? Нет. Это было слишком сложно. Рустам знал, что у неё не будет времени на долгую расшифровку. Решение должно быть элегантным.

Она снова посмотрела на слова, теперь уже английские. И на цифры.

Compass. Alchemist.

744123. 9157.

И вдруг она увидела. Это была не криптография. Это была каллиграфия. Цифровая каллиграфия. Рустам просто заменил некоторые буквы в словах на похожие по начертанию цифры.

Compass -> Compa55. Две буквы s, похожие на пятёрки.

Alchemist -> A1chem15t. l похожа на 1, s на 5.

Нет. Все ещё слишком сложно, слишком много вариантов. Она отбросила эту версию. Нужно было мыслить проще. Как Рустам. Он был поэтом, но прежде всего — физиком. Он ценил простоту и симметрию.

Она закрыла глаза, отгоняя визуальный шум букв, и сосредоточилась на звуках. Компас. Алхимик. И на цифрах. 74.4.12.3_9.1.5.7. Что, если это не координаты в книге, а что-то, связанное с его цифровой жизнью?

Его рабочий терминал. Его почта. Его облачное хранилище. Все было защищено двухфакторной аутентификацией и длинными паролями. Но у каждой системы была точка входа. И часто — возможность восстановления пароля. С помощью чего? Секретных слов. Seed phrase.

Строка из Хафиза. «Где дом друга, о спутники мои?». Это не было просто поэзией. Это был ключ. Вопрос, на который нужно дать ответ. А ответ — это пароль.

Она вернулась к книге. 74-я страница, 4-я строка, 12-е слово. «Компас».

9-я страница, 1-я строка, 5-е слово. «Алхимика».

Compass.Alchemist

Может быть, так просто? Два слова, разделённые точкой. Слишком просто. Служба безопасности взломала бы это за час.

Значит, цифры. 744123 и 9157. Они должны что-то значить.

Она открыла свой служебный планшет. Вошла в корпоративный мессенджер. Нашла старый чат с Рустамом. Они редко переписывались, в

основном по работе. Но там, в его профиле, был его внутренний номер. Его табельный номер. Его личные записи.

Вторая часть кода. Это был его идентификатор.

А первая? 744123. Это не был его телефон, не дата рождения. Что это?

Она снова подумала о Хафизе. О книге. 74-я страница. Что ещё было на этой странице? Она перевернула её. На обороте, в самом низу, стоял типографский номер. Номер заказа. № 744123.

Ее пронзила дрожь. Вот оно. Решение. Элегантное в своём безумии. Он использовал книгу не как шифровальную таблицу, а как носитель двух случайных, не связанных между собой чисел. Номер заказа и свой табельный номер. И два ключевых слова из этой же книги, которые служили подсказкой.

Пароль был комбинацией. Возможно, Compass744123. А секретная фраза для восстановления — Alchemist009157.

Она зашла в облачное хранилище. Нашла личную папку Рустама. Система запросила пароль. Она ввела Compass744123.

«Неверный пароль».

Она попробовала Alchemist009157.

«Неверный пароль».

Она была так близко. Она чувствовала это. Что она упустила? Она снова посмотрела на записку. На знак _ между двумя блоками цифр. Нижнее подчёркивание. Разделитель.

Она нажала «Восстановить доступ». Система задала контрольный вопрос: «Любимая строка из Хафиза?».

Она ввела: «Где дом друга, о спутники мои?».

Система предложила ввести seed phrase. 12 слов. Нет. Это не то.

Она вернулась на страницу входа. И вдруг поняла. Рустам был перфекционистом. Он любил симметрию.

Compass_Alchemist

Она ввела это как логин. Система запросила пароль.

744123_009157

Она нажала «Enter».

И папка открылась. Внутри был один-единственный текстовый файл. Зашифрованный. С названием «Дом друга».

Она знала ключ. Строка из Хафиза. Она ввела её.

Файл открылся. Там было всего несколько строк.

«Захра, если ты читаешь это, значит, я был прав. За мной следят. И это не стражи — я знаю их почерк. Это другие. Я не знаю, кто они и чего хотят, но я устал прятаться. Я решил встретиться с ними и выяснить всё раз и навсегда. Если я не вернусь — знай: среди нас предатель. Доверяй только себе».

Последняя запись была датирована прошлым четвергом. Днём, когда она видела его в последний раз.

Тишину библиотеки нарушил звук. Шаги.

Она резко захлопнула планшет. В проходе стоял доктор Резаи.

— Находите что-то интересное в лирике, доктор Мусави? — его голос был тихим, почти вкрадчивым, но в нем слышался лязг металла. — Решили отдохнуть от уравнений Максвелла?

Она встала, прижимая планшет к груди. Её сердце билось так сильно, что, казалось, он должен был это услышать.

— Иногда полезно сменить систему координат, доктор Резаи, — сказала она, и её собственный голос показался ей чужим. — Поэзия — это тоже своего рода код. Просто с большим количеством неизвестных.

Он медленно повернул голову. Его глаза-объективы впились в неё.

— Будьте осторожны, доктор. Иногда, пытаясь разгадать код, можно обнаружить, что вы и есть та самая неизвестная переменная. И вас попытаются исключить из уравнения.

Шин (ψ): Комната отражений

24 Ордибехешта 1402 г. (14 мая 2023 г.)

Два часа в комнате без окон были похожи на пребывание в несуществующем пространстве между двумя зеркалами. Время здесь потеряло свои свойства, превратившись в вязкую, однородную субстанцию. Гудение кондиционера было единственным доказательством того, что мир за пределами этих стен ещё существует. Захра сидела на металлическом стуле, и её тело затекло, слившись с этим стерильным, лишённым запахов интерьером. Она строила в уме фрактальные множества, бесконечно углубляясь в их узоры.

Это был её способ сбежать от реальности в чистую математику, в мир, где у хаоса были свои, пусть и непостижимые, законы.

Дверь открылась. Вошёл тот же майор Карими. Сел напротив. Он не смотрел на неё. Он смотрел на диктофон, который по-прежнему был выключен.

ДЕЛО № 788-АТ/КСИР-ИСФ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА (продолжение)

Время начала: 18:20

Время окончания: 19:34

Место: Управление контрразведки Корпуса стражей Исламской революции, г. Исфахан. Комната для допросов №4.

Допрашиваемый: Мусави, Захра, дочь Али.

Допрашивающий: Следователь Управления Майор Мохсен Карими.

Присутствуют:

Следователь.

Секретарь (ведёт протокол).

Мусави, З.

Следователь: Доктор Мусави, мы прервались на интересном моменте. На вашей интуиции. Итак, вы утверждаете, что лишь интуиция подсказала вам, что доктор Йезди не просто исчез, а был убит. Это так?

Мусави: Интуиция — это результат бессознательной обработки данных. Когда система, которую вы наблюдаете, ведёт себя аномально, ваш мозг делает вывод, даже если вы не можете сформулировать все послышки.

Следователь: Очень научное объяснение. Но нас интересуют не столько послышки, сколько выводы. И мой вывод таков: вы что-то знаете. Так откуда...

Дверь снова открылась. Резко, без стука. На пороге стоял мужчина в форме полковника КСИР. Он был старше Карими, с сединой на висках и глазами, которые, казалось, видели не людей, а их тени.

— Майор, оставьте нас. Вы и ваш секретарь.

Карими встал, вытянулся в струнку.

— Слушаюсь, господин полковник.

Они вышли. Дверь закрылась. Полковник прошёл к столу, но не сел. Он подошёл к стене, где за темным стеклом скрывалась камера, и щёлкнул тумблером на стене. Красный огонёк погас.

— Теперь это не допрос, доктор Мусави. Это беседа. Меня зовут полковник Асадолла Алави.

Он сел. Достал из кармана пачку сигарет, но, посмотрев на Захру, убрал её.

— Я хорошо знал вашего отца. Али Ферзали. Мы встречались несколько раз в Куме, ещё до Революции. Он был блестящим богословом. Его толкование суры «Ан-Нур»... У него был ум, способный видеть свет во тьме. Вы в этом на него похожи. Только ваша религия — физика.

— Мой отец умер, когда мне было пятнадцать.

— Я знаю. Автокатастрофа. Трагическая случайность. — Он сделал паузу. — Или нет. В нашем мире случайностей не бывает, не так ли?

Захра молчала. Это было не начало разговора. Это был ход в шахматной партии, цель которого она пока не понимала.

— Ваш коллега, Рустам Йезди, тоже был человеком ищущим, — продолжил Алави. — Говорят, вы иногда обсуждали с ним вещи, не связанные напрямую с работой. Философию. Поэзию. Может, что-то ещё? Компьютерные игры, например. «Мир танков»?

Вопрос был брошен небрежно, но он разорвал тишину, как трещина на стекле. Захре показалось, что из комнаты выкачали весь воздух.

— Это... это было очень давно. Пару раз, когда я вернулась из Франции.

— А после этого?

— Нет. Мне кажется мы больше не говорили об этом.

Полковник кивнул, словно ответ был ожидаемым. Его взгляд был спокойным, почти сочувствующим, как у врача, который говорит с пациентом.

— Доктор Мусави, майор Карими считает, что вы — шпион. Я думаю, майор Карими — прямолинейный человек, который видит только одну сторону зеркала. Я же хочу понять, что находится по ту сторону. Так откуда вы знаете, что Рустам Йезди мёртв?

Захра смотрела на него. Она поняла, что он не играет с ней. Он пытается понять её.

Он достал фотографию. Рустам. Мёртвый. Лежащий на асфальте в луже крови.

— Его убили две недели назад. Официальная версия — ограбление, забрали часы и бумажник. Но знаете, мы не исключаем, что Йезди вёл двойную игру. С кем — пока не ясно. Возможно, с западными спецслужбами. Возможно, с Моссадом. А возможно, его просто шантажировали. Мы рассматриваем все варианты. В любом случае, он мёртв. А те, кто его убил — наши враги или его кураторы, решившие подчистить следы — всё ещё на свободе.

— Почему вы рассказываете это мне?

— Потому что вы можете быть следующей. Не как соучастница — вы слишком умны для такой глупости. Но как свидетель. Как человек, который мог что-то знать или видеть. Поэтому я задам прямой вопрос: Йезди пытался втянуть вас во что-нибудь? Предлагал что-то необычное? Просил о странных услугах?

— Нет. Никогда.

— А его записка? «Где дом друга, о спутники мои?» Вы же нашли её, верно? И расшифровали его послание?

Захра замерла. Они знали.

— Да. Я... я волновалась. Хотела понять, что случилось.

— И что вы поняли?

— Что за ним следили. Не вы. Кто-то другой. И он решил с ними встретиться.

— Храбрый поступок. Или глупый. Грань между ними тонка, — Алави встал.

— Но вот что интересно — в день смерти он пытался вам дозвониться. Три раза. Вы не ответили, — продолжил он глядя в зеркальное окно камеры.

— Я была с семьёй. Пятница.

— Да, семья важнее работы. Но может быть, он хотел предупредить вас о чём-то? Или попросить о помощи?

Захра почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Не от страха — от вины.

— Я не знаю, что он хотел сказать.

Алави кивнул, положил на стол визитку.

— Иногда, доктор, самый страшный враг, который следит за нами — это мы сами. И самая сложная шифровка — та, что скрывает правду от нас самих. Ваш отец искал Бога вовне. Не повторите его ошибку, ища врага там, где его нет... Это мой прямой номер. Звоните в любое время. Да, и уделяйте больше внимания вашему мужу — он волнуется за вас.

Алави подошёл к двери. Задержался.

— Мне жаль, что пришлось вас потревожить, доктор Мусави. Страна ценит вашу работу, — сказал он, и вышел.

Через пару минут вернулись майор и секретарь. Карими включил камеру, сел за стол, открыл папку.

Следователь: Итак, доктор Мусави, последний вопрос. В день исчезновения доктора Йезди вы не замечали ничего необычного?

Мусави: Нет. Ничего.

Следователь: Хорошо. Допрос окончен. Время 19:34. Вы свободны. При необходимости мы вас вызовем.

Тав (т): Квадратура круга

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ

ГРИФ: СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА № 1247/СБ-ИСФ

25 Хордада 1402 г. (15 июня 2023 г.)

Кому: Начальнику Управления контрразведки КСИР, провинция Исфахан

От: Отдел расследований особой важности

Касательно: Дело № 788-АТ/КСИР-ИСФ (убийство Р. Йезди)

1. Основные выводы по делу о смерти Р. Йезди:

В соответствии с заключением следственного управления полиции, смерть гражданина Рустама Йезди, наступившая 9 Ордибехешта 1402 г. (29 апреля 2023 г.), официально классифицирована как убийство, совершенное при попытке ограбления неустановленными лицами. Данная версия подтверждается показаниями свидетелей (обнаружение тела) и отсутствием на месте преступления личных ценностей погибшего (часы, бумажник, мобильный

телефон). Следственные мероприятия по установлению личности нападавших продолжаются по линии МВД.

Несмотря на официальное заключение, оперативная разработка указывает на наличие признаков, которые могут свидетельствовать о связи данного инцидента с профессиональной деятельностью покойного. Прямых доказательств, подтверждающих версию о ликвидации Р. Йезди иностранными спецслужбами, на данный момент не обнаружено.

2. Результаты анализа цифровой активности:

В ходе анализа цифровых следов Р. Йезди, проведённого совместно со службой кибербезопасности, были установлены следующие факты:

2.1. 13 Абана 1401 г. (4 ноября 2022 г.) на интернет-форуме wotrandom.com/forum/mods-world-of-tanks, посвящённом компьютерной игре «World of Tanks», был зарегистрирован пользователь с псевдонимом Hafiz_114. В это время Р. Йезди находился в командировке на объекте в Фордо. Также установлено, что Р. Йезди проявлял интерес к персидской поэзии, в частности к произведениям Хафиза Ширази.

2.2. С IP-адресов, ассоциированных с данным пользователем, было отправлено как минимум три сообщения пользователю JagdpanFer_83. Даты отправки сообщений (13 Абана 1401 г., 30 Абана 1401 г., 29 Фарвардина 1402 г.) с высокой степенью вероятности коррелируют с периодами повышенной активности на объектах в Фордо и Натанзе, а также с командировками Р. Йезди на объекты, в т.ч. с участием З. Мусави.

2.3. Пользователь JagdpanFer_83 был зарегистрирован в 2012 г. в период прохождения доктором З. Мусави стажировки в г. Саров (РФ). Цифры 83 совпадают с годом рождения З. Мусави по григорианскому календарю (1983 г.), Fer – совпадают с первыми буквами её девичьей фамилией (Ферзали). Однако с 2012 г. данный аккаунт не проявлял активности. При попытке отправки сообщения на данный адрес система выдаёт автоматический ответ: «Спасибо за ваше сообщение. Следите за новостями на этом форуме».

2.4. Техническое заключение: Специалисты по кибербезопасности не исключают, что аккаунт JagdpanFer_83 мог использоваться пользователем Hafiz_114 в качестве «почтового ящика-пустышки» или шлюза для перенаправления зашифрованной информации на другой, скрытый адрес. Из-за использования сложных методов шифрования и последующего удаления данных извлечь содержание переписки не представилось возможным.

3. Результаты оперативно-розыскных мероприятий:

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий было установлено:

3.1. Наружное наблюдение за Р. Йезди велось не только силами нашего Управления. Параллельное наблюдение осуществлялось сотрудниками службы безопасности муниципалитета г. Исфахан по личному распоряжению её гражданина, гражданина Амирхана Мусави, супруга доктора З. Мусави.

3.2. В ходе допроса А. Мусави пояснил, что санкционировал наблюдение за Р. Йезди из-за опасений за безопасность своей супруги, которая проводила с убитым много времени в рабочих командировках. А. Мусави выразил обеспокоенность, что Р. Йезди мог быть вовлечён в некую противоправную деятельность и мог представлять угрозу для З. Мусави. Версию о личных мотивах (ревность) категорически отверг. Прямых доказательств причастности А. Мусави к инциденту, повлёкшему смерть Р. Йезди, не обнаружено. Его действия квалифицированы как превышение должностных полномочий; материалы переданы в соответствующий отдел для служебной проверки.

4. Рекомендации:

Учитывая вышеизложенное, а также принимая во внимание стратегическую важность работы доктора Захры Мусави и её нестабильное психоэмоциональное состояние после смерти коллеги и проведённых допросов, рекомендуется:

4.1. Уголовное дело в отношении З. Мусави не возбуждать в связи с отсутствием прямых улик, указывающих на её причастность к шпионской деятельности.

4.2. Продолжить в отношении З. Мусави комплекс оперативно-розыскных мероприятий (категория «Наблюдение-2»). Объект может быть использован «втёмную» вражескими спецслужбами или самостоятельно выйти на контакт с предполагаемыми убийцами Р. Йезди.

4.3. Считать дело № 788-АТ/КСИР-ИСФ формально закрытым, но оперативный контроль над объектом сохранить.

Начальник отдела расследований

Полковник М. Тахери, начальник отдела расследований

[Подпись]

[Печать]

[НАЗВАНИЕ СЛУЖБЫ УДАЛЕНО]

ОПЕРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КЛАССИФИКАЦИЯ: СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА № [УДАЛЕНО]

17 июня 2023 г.

Кому: Начальнику отдела Ближнего Востока

От: Группа оперативного сопровождения

Касательно: Операция «Исфаханский треугольник» — текущий статус

1. Состояние оперативной сети:

Агент «Кардамон» (руководитель лаборатории №4) не выходит на связь с 29 апреля 2023 г. — день гибели объекта «Поэт» (Р. Йезди). Все попытки восстановления контакта безрезультатны. Протокольная фраза для идентификации более не используется при встречах с инспекторами МАГАТЭ.

2. Анализ инцидента с «Поэтом»:

По данным источника «Гранат» (КСИР), официальная версия — убийство при ограблении. Однако анализ оперативной информации выявил следующее:

А. Мусави (супруг д-ра З. Мусави / «Фисташка»), начальник отдела безопасности муниципалитета, вёл несанкционированное наблюдение за «Поэтом» в течение нескольких недель.

Мотив по версии самого А. Мусави: профессиональная бдительность.

Реальный мотив (по оценке наших аналитиков): ревность, возможно личная неприязнь.

Обстоятельства убийства (время, место, метод) указывают на непрофессиональное исполнение, имитирующее уличное ограбление. Это характерно для заказного убийства, организованного лицом, имеющим доступ к криминальным элементам через служебное положение.

3. Оценка ситуации:

Высокая вероятность того, что А. Мусави организовал устранение «Поэта» по личным мотивам (ревность к супруге).

«Кардамон» прекратил контакты, вероятно опасаясь, что смерть «Поэта» — это начало зачистки сети. Он не может знать истинные мотивы убийства.

Вывод: непреднамеренное последствие убийство, совершенное по бытовым причинам, парализовало работу разведывательной сети.

4. Текущие риски:

«Кардамон» в состоянии глубокого залегания, возможна паника.

«Фисташка» под наблюдением собственного супруга.

А. Мусави непреднамеренно нарушил работу нашей агентурной сети.

5. Рекомендации:

5.1. НЕ предпринимать попыток контакта с «Кардамоном» — пусть ситуация стабилизируется естественным путём.

5.2. Изучить возможность вербовки А. Мусави:

Компромат: организация убийства.

Мотивация: защита от разоблачения.

Потенциал: доступ к службам безопасности, контроль над супругой.

5.3. Продолжить пассивное наблюдение за «Фисташкой». Примечательно, что она продолжает работать в лаборатории, не подозревая, что её муж — убийца её друга и коллеги.

6. Заключение:

Случай демонстрирует, как личные страсти могут разрушить годами выстраиваемые разведывательные операции. А. Мусави, сам того не подозревая, нанёс большой ущерб нашей сети, чем вся иранская контрразведка.

Рекомендуется использовать данный прецедент при подготовке будущих операций: учитывать фактор «ревнивого супруга» при работе с «семейными» источниками.

Начальник группы оперативного сопровождения

[Подпись удалена]

P.S. Психологическая служба отмечает высокую вероятность развития диссоциативного расстройства у «Фисташки» в связи с накоплением стресса. Рекомендуется мониторинг.

Глоссарий

Персонажи и роли:

Захра Мусави — доктор физики (плазма/центрифуги), Лаб. №4 UCF Исфахан. Внешне лояльна, внутренний конфликт «наука ↔ система». Оперативное обозначение в чужой справке: «Фисташка».

Амирхан Мусави — начальник безопасности муниципалитета Исфахана; муж Захры. Прагматик системы; инициировал «параллельное наблюдение». Возможная ревность как фактор риска.

Рустам Йезди — коллега-физик, «погрешность в системе», любитель поэзии; исчез и убит. Оперативное обозначение: «Поэт».

д-р Хасан Резаи — руководитель Лаб. №4 (UCF). Идеолог «жёсткой линии», стратег. Оперативное обозначение: «Кардамон».

полк. Асадолла Алави (КСИР) — «умный следователь»: выключает запись, говорит «между строк».

майор Мохсен Карими (КСИР) — формальный дознаватель («протокол»).

Клаус Вебер — руководитель делегации МАГАТЭ в инспекционных выездах.

Мари Дюбуа — инспектор МАГАТЭ, упорна в вопросах по сектору В-7.

Махмуд Ахмади (ОАЭИ) — зам. директора по международным связям; курирует ответы МАГАТЭ.

«Господин Фахрабади» — внешняя фигура с дипломатическим доступом; двусмысленная принадлежность; связка с WoT.

Насрин и Зейнаб — дочери Захры; оси «центробежная ↔ центростремительная».

Адиль — одноклассник Насрин, «шрам» школьных задержаний.

Оперативные коды: «Гранат» (источник в КСИР), «Кардамон» (Резаи), «Фисташка» (Захра), «Поэт» (Рустам).

Организации и площадки:

Басиджи — члены иранского полувоенного ополчения, одного из пяти так называемых «сил» в составе КСИР.

КСИР — Корпус стражей Исламской революции; контрразведка/оперативные службы.

Эттелаат — Министерство разведки, которое является главной разведывательной службой и тайной полицией страны.

ОАЭИ (АЕОИ) — Организация по атомной энергии Ирана; официальные контакты с МАГАТЭ.

МАГАТЭ (IAEA) — инспекции, DIQ, swipe-пробы, пломбы, заседания Совета управляющих.

Полиция FARAJA / киберполиция FATA — криминалистика, цифровая аналитика.

Объекты: Фордо (Fordow) — подземный; Натанз — крупный комплекс; UCF Исфахан — конверсия/исследования.

Локации: Новая Джульфа (армянский квартал), проспект Чахарбаг, мечеть Джаме Исфахана, мост Хаджу, Зайендеруд.

Техническая и процедурная лексика:

IR-1 / IR-2m / IR-6 — типы центрифуг; каскады, «смена линков», резонансы.

UF6 — гексафторид урана; «plate-out»/«heels» в трубопроводах как источник аномальных частиц.

Swipe-пробы, тампер-индикаторные пломбы (с фиксацией номеров), DIQ (опросник проектной информации), CSA/доп. проверки.

«83,7%» — частицы высокообогащённого продукта (локально в пробах).

Каналы и коды:

Форум: wotrandom.com (витрина/почтовый сервер «пустышка»), ники: Hafiz_114, JagdpanFer_83 (автоответчик).

«Дом друга» — строка Сохраба Сепехри (сознательно маскирована под Хафиза): осознанная «ошибка как ключ».

Коды: сектор В-7, паттерн «опечатка/нестыковка» как маркер адресности.

Путеводитель по 22 буквам иврита (символы и как они рифмуются с темами):

Буква	Транслит.	Ключевые смыслы	Резонанс	с	темами
романа					

א	Alef (алеф)	Единство, тишина, начало; «невидимый звук»	Безмолвие протокола; «первая причина» выбора Захры
ב	Bet (бет)	Дом, двойственность, творение (Тора начинается с ב)	Дом/лаборатория; два мира и двойная жизнь
ג	Gimel (гимел)	«Верблюд», движение/дарение; гонится за ת (бедным)	Движение помощи/сочувствия к слабым (детям/Адилю)
ד	Dalet (далет)	Дверь, бедность/смирение	Двери допросной; порог предательства/правды
ה	He (хе)	Дыхание, откровение, имя/дыхание Бога	Внезапное «понимание» (фазовый переход/озарение)
ו	Vav (вав)	Крючок, связь, союз «и»	Связки: наука ↔ политика; реплики-связки в допросе
ז	Zayin (заин)	Оружие/семь; борьба и Шаббат	Насилие на улицах/«мирный» день как скрытая битва
ח	Het (хет)	Ограждение/граница; «жизнь» (ח)	Границы доступа, «жизнь» объекта под землёй
ט	Tet (тет)	Скрытое добро/опасность; девять	«Хорошее/плохое» намерение в одном действии
י	Yod (йод)	Точка-семя; рука; малость	«Малые» ошибки/частицы 83.7% с огромным эффектом
כ	Kaf (каф)	Ладонь/вместилище; потенциал → действие	Руки, принимающие решения; уместить ложь/правду
ל	Lamed (ламед)	Учиться/учить;	«высокая башня» Обучение/объяснение МАГАТЭ; уроки детям
מ	Mem (мем)	Вода/матка; открытая/закрытая מ — скрытое и явное	Открытые/скрытые каналы; «закрытые» сообщения
נ	Nun (нун)	Рыба/росток; падение и подъём	Падения (Натанз/срывы) и стойкость Захры
ס	Samekh (самех)	Опора, круг, защита	Окружение/«живые стены», поддержка/капкан
ע	Ayin (айн)	Глаз; взгляд/внутреннее видение	Наблюдение, зеркала, «самонаблюдение»

פ	Pe (пе)	Рот/речь; силу слова	Протоколы/доклады	как оружие; «алхимия слов»
צ	Tsadi (цади)	Праведность/охота; форма «крюка»	«Охота»	служб; попытка быть «правой» и чистой
ק	Qof (куф)	«Затылок»/святость; подражание	Театр	власти; имитация правды и ритуалов
ר	Resh (реш)	Голова/начало; уязвимость	Руководители/решения;	начало новой спирали
ש	Shin (шин)	Зуб/огонь/изменение; три столпа	«Театр	огня», тройные звонки, тройные силы
ת	Tav (тав)	Знак/печать/завершение	Печати	МАГАТЭ; финальные докладные.

Шираз

Пролог

Зима 1403/2024 года

Иногда, когда бессонница становилась невыносимой, Захра читала, не физику, не отчёты, она читала странные маргинальные блоги западных интеллектуалов, это было как смотреть на другую планету, на планету, которую придумал дядя Джавад в гостиной их старого дома в Ширазе, только он не знал, что придумывает чужое будущее, а они не знают, что живут в чужом прошлом. В ту ночь она наткнулась на статью о какой-то новомодной философии, «Неореакционное движение», «Тёмное просвещение», она читала о призывах к замене демократии на корпоративное управление, о техно-монархии, о традиционных ценностях, очищенных от религии, читала имена: Кертис Ярвин, Ник Лэнд, Питер Тиль, и она не почувствовала ничего, ни удивления, ни страха, только холодную вселенскую усталость, потому что она уже видела всё это раньше, видела на старом ковре в гостиной, на пожелтевших газетных вырезках, которые приносил дядя Джавад, не Хоссейн, Джавад, или это был Хоссейн? Память путает имена, как центрифуга изотопы, разделяя и смешивая одновременно. Нет. Всё же Джавад.

Питер Тиль говорит о провале демократии, почти слово в слово то, что папа писал в 1997-м, писал на полях Корана, что было кощунством, но он говорил, что Коран — это тоже код, который нужно взломать, чтобы понять замысел врага, а враг использует наши святыни против нас. Ник Лэнд цитирует идеи о «выходе из системы», это прямо из записок дяди о «хиджре из современности», исход из времени, как Моисей из Египта, только Моисей знал, куда идёт, а мы бежим в никуда, в пустоту, которую сами же создаём. Кертис Ярвин и его «неореакция» — это калька с теории дяди о «возвращении к сакральной вертикали власти», только у дяди вертикаль шла к Аллаху, а у Ярвина — к CEO, к главному исполнительному директору вселенной, который не существует, как не существовал заговор, который искал дядя.

Они даже не знают, они, эти умные люди из Кремниевой долины, не знают, что их «революционные» идеи были придуманы полубезумным полковником и богословом из Шираза, которые искали заговор там, где его не было, и в процессе создали философию, которую потом присвоили те самые люди, которых они считали врагами, или может быть, это я придумала, что они придумали, может быть, в той детской комнате, где я рисовала схемы, соединяя имена и даты, я создавала не карту заговора, а чертёж будущего, и теперь мир

строится по моим детским каракулям, как по blueprint, как по схеме центрифуги, которая разделяет уран на изотопы, а жизнь — на правду и ложь, только где правда, а где ложь, когда ложь становится правдой через двадцать лет?

Вчера Насрин спросила меня о дедушке, я сказала, что он погиб в автокатастрофе, когда мне было пятнадцать, простая случайность, водитель грузовика уснул за рулём, но даже произнося эти слова, я слышала голос дяди: «Случайностей не бывает, Захра-джан, есть только узоры, которые мы ещё не умеем читать», и я читаю эти узоры всю жизнь, как читают ЭКГ умирающего сердца, ища в хаосе ритм, а находя только эхо собственного пульса.

Всё началось не в Фордо, и не в Сарове, где я впервые сыграла в World of Tanks, выбрав немецкий Jagdpanther, охотник на танки, охотник на призраков, охотник на себя. Всё началось в Ширазе, в тот год, когда весна пахла розами и предательством, хотя какое предательство, если никто никого не предавал, просто отец умер, а дядя сошёл с ума, или наоборот, отец сошёл с ума, а дядя умер, или они оба живы в параллельной вселенной, где Хатами проиграл выборы, и история пошла по другому пути, по пути, который они чертили на пыльном ковре.

Я была подростком, мне было четырнадцать, или пятнадцать, возраст, когда время течёт не как река, а как мёд, застревая в горле сладкой тошнотой первой любви и первой смерти. Дядя только что вернулся из Тегерана, где консерваторы проиграли выборы, 23 мая 1997 года, 2 хордада 1376 года, даты как координаты в пространстве-времени, точки, где реальность надламывается. Дядя Джавад, да, точно Джавад, сидел в нашей гостиной и раскладывал на ковре вырезки из газет, как пасьянс, в котором каждая карта означала катастрофу, или как периодическую таблицу элементов, где каждый элемент — это способ уничтожить мир.

«Они выиграли, Али, — говорил он моему отцу. — Но это только начало. Настоящая игра впереди».

Я помню, как думала тогда: какая игра? Кто играет? И почему взрослые говорят загадками, как Хафиз в своих газелях, как учитель физики, объясняющий принцип неопределённости Гейзенберга: нельзя одновременно знать положение и скорость частицы, нельзя одновременно знать правду и жить с ней. Нет. Но на самом деле я помню не слова, а запах: розы Шираза, смешанные с запахом дыма от сгоревших газетных вырезок, которые дядя Джавад поджигал, говоря, что истина горит ярче в огне. И я помню, как пепел оседал на ковёр, создавая узоры, которые я позже научилась читать как карты будущего.

Теперь я знаю ответ, или думаю, что знаю, что почти одно и то же в мире, где JagdpanFer_83 оказался мной самой, отправляющей себе сообщения из прошлого в будущее. Мы все играем. Каждый сам с собой. И правила этой игры мы узнаём, только когда уже проиграли.

Но может быть, в этом и есть победа — проиграть так красиво, что поражение становится искусством, как газели Хафиза, как розы Ширази, как атомный распад, превращающий материю в чистую энергию света.

Четырнадцать лет. Двадцать семь лет назад.

Глава 1. День выбора

2 Хордада 1376 г. (23 мая 1997 г.)

В тот майский день Шираз, казалось, затаил дыхание. Воздух, густой от аромата цветущих померанцевых деревьев, вибрировал от невысказанного ожидания. Это была не просто пятница, священный день отдыха и молитвы. Это был день выбора, и само это слово, почти забытое, произносилось на кухнях и в чайханах то шёпотом, то с лихорадочным блеском в глазах.

Захра шла между родителями, и её рука терялась в большой, тёплой ладони отца. Ей было почти пятнадцать, возраст, когда ты уже не ребёнок, но ещё не взрослый — неудобный, пограничный возраст, когда ты видишь и понимаешь больше, чем положено, но ещё не имеешь права голоса. В прямом и переносном смысле.

Избирательный участок располагался в школе, куда она ходила в начальные классы. Знакомый двор, обычно пустой, сегодня был полон людей. На стенах — плакаты кандидатов, выцветшие от майского солнца. Лицо Хатами улыбалось мягко, почти извиняющееся. Натек-Нури смотрел строго, как учитель, готовый отчитать нерадивого ученика.

Очередь вилась длинной, пёстрой змеей, и в ней стояли все — женщины в строгих черных чадорах и в ярких, модных платках-русари, мужчины в строгих костюмах и в потёртых джинсах. Это был не просто народ. Это были два Ирана, которые сегодня встретились в одном месте, чтобы решить, в какую сторону повернётся их общая река.

Её родители тоже были двумя разными Иранами.

— Хатами — это будущее, Али, — сказала утром её мама, когда разливала чай, и пар поднимался между ними, как прозрачная стена. — Он говорит о

диалоге цивилизаций. О том, что можно быть верующим и современным одновременно.

— Модернизация без веры — это вестернизация, Роксана. — Отец намазывал масло на лаваш с той же методичностью, с какой писал свои богословские труды. — Натек-Нури понимает, что традиция — это не оковы, а корни.

Да, её мать, Роксана, врач, женщина с тонкими, нервными пальцами хирурга и глазами, в которых всегда жила лёгкая, ироничная печаль, не скрывала своих надежд. Для неё Хатами был не просто кандидатом. Он был символом — возможности дышать чуть свободнее, читать книги, которые не нужно прятать, говорить с миром на одном языке.

Её отец, Али, богослов, человек, чьё лицо казалось высеченным из слоновой кости, был воплощением традиции. Он шёл голосовать за Натек-Нури, за привычный, упорядоченный мир, где у всего есть своё место, а главным законом является слово Пророка. Но его консерватизм был лишён фанатизма. Он был сложным, как узоры исфаханской мечети.

— Ты правда думаешь, что Рушди заслуживает смерти? — спросила Роксана, когда они уже стояли в очереди, и её голос был тихим, но настойчивым.

— Я думаю, что он написал плохую, лживую книгу, — так же тихо ответил Али. — Но фетва... Нет. Аллах не давал нам права быть его палачами. Если человек заблуждается, его нужно не убивать. С ним нужно спорить. Убеждать. Словом, а не мечом. Иначе чем мы отличаемся от тех, с кем боремся?

Захра слушала их, и ей казалось, что она слушает не просто разговор мужа и жены, а вечный спор двух половин персидской души — поэзии и закона, сомнения и веры.

Дядя Джавада с ними не было. Он был в Тегеране. «На всякий случай», как сказал он вчера по телефону. Захра знала, что «всякий случай» в мире дяди, сотрудника ВЕВАК, означало возможность бунтов, арестов, хаоса. Дядя Джавад не верил в выборы. Он верил в узоры, которые плетутся в тени.

Они вошли в здание школы. Запах хлорки, гул голосов, шорох бюллетеней. Родители разошлись к разным кабинкам для голосования, как расходятся корабли в море. Захра осталась ждать в коридоре, у стенда с детскими рисунками. Она смотрела на наивные, яркие картинки — дома, солнца, цветы — и чувствовала себя бесконечно старой. Она уже знала, что мир

устроен гораздо сложнее. Что за каждым солнцем прячется тень. И что сегодня, в этот полный надежд день, её родители, которых она любила одинаково сильно, опустят в урну два бюллетеня, которые полетят в разные стороны, как две стрелы, выпущенные в будущее.

Она наблюдала, как женщина в чёрном чадоре берёт бюллетень, её пальцы дрожали, как у пациента с болезнью Паркинсона. А рядом стоит девушка в ярком платке, которая улыбается, как будто это не день выборов, а свадьба. Отец объяснял: «Аллах дал нам свободу воли, но свобода — это тяжёлая ноша, которую не каждый готов нести». Теперь она знала: эта тяжесть давила на каждого, кто в тот день пришёл в её школу, чтобы бросить свой голос в будущее.

Я помню, или мне кажется, что помню, или я придумываю, что помню, как пахли розы в тот день, они пахли не розами, а временем, которое сворачивалось, как молоко в чае, если добавить лимон, но мы не добавляли лимон, мы добавляли кардамон, и отец говорил, что кардамон — это память о рае, а мама смеялась и говорила, что рай — это больница без пациентов, что было шуткой, но не смешной, потому что больница без пациентов — это morgue, морг, но она говорила это по-персидски — □□□□□□ (сардкхане) — холодный дом, и я думала: почему смерть холодная, если ад горячий?

Хатами на плакате улыбался, как улыбается учитель физики, когда объясняет, что свет — это и волна, и частица одновременно, что невозможно, но это так, и я думала: может быть, президент — это тоже и волна, и частица, и поэтому мы не можем точно знать, где он находится и куда движется, принцип неопределённости, который я ещё не изучала, но уже знала, потому что некоторые вещи мы знаем до того, как узнаём.

Очередь двигалась, как движется ртуть в термометре — медленно, неохотно, но неизбежно, и я считала людей: семнадцать, тридцать четыре, шестьдесят восемь, удвоение, митоз, деление клеток, которое может быть ростом, а может быть раком, и доктор Роксана, моя мама, но я не называла её мамой, когда думала о ней как о докторе, доктор Роксана знала разницу, но не говорила, потому что некоторые знания опасны, как изотопы урана, о которых я прочитала в энциклопедии, U-235 и U-238, один взрывается, другой нет, но выглядят одинаково.

Дядя Джавад не приехал, и его отсутствие было громче его присутствия, как тишина громче звука, когда ждёшь взрыва, но я не знала, что жду взрыва, я думала, что жду мороженого с шафраном, которое отец

обещал купить после голосования, но мороженое растает, как растает этот день, оставив только пятна на памяти, жёлтые, как шафран, красные, как розы, чёрные, как чадор женщины, которая стояла перед нами и пахла горем, хотя горе не пахнет, или пахнет, но мы не имеем слов для этого запаха.

Я не могла голосовать, мне было четырнадцать, или пятнадцать, нет, четырнадцать, точно четырнадцать, потому что пятнадцать мне исполнится следующей весной, 25 Бахмана, в тот год, когда отца больше не будет, но я этого ещё не знала, или знала, потому что время в Ширазе течёт не линейно, а по спирали, как вода в раковине, когда выдёргиваешь пробку, и всё устремляется в одну точку — в слив, в небытие, в день, когда машина врежется в машину, и металл встретится с металлом, как встречаются атомы в ядерной реакции, освобождая энергию, которая разрушает всё вокруг.

Но в тот день, 2 хордада 1376 года, я только чувствовала, как что-то начинается, что-то большое и страшное, как чувствуешь приближение грозы по тому, как затихают птицы, и даже розы перестают пахнуть, готовясь к удару, который неизбежен, как победа Хатами с семьюдесятью процентами голосов, что было невозможно, но случилось, как свет, который одновременно волна и частица.

Глава 2. Алгебра поражения

6 Хордада 1376 г. (27 мая 1997 г.)

Эйфория была почти осязаемой. Она висела в воздухе Шираза, как сладкая пыльца цветущих акаций. Победа Хатами была не просто победой. Это было чудо, нарушение законов политической физики. Семьдесят процентов. Цифра, которую шёпотом повторяли на базарах и в университетских аудиториях. Цифра, которая означала, что невидимый, молчаливый Иран вдруг обрёл голос. Мать Захры, Роксана, ходила по дому с улыбкой, которую Захра не видела уже много лет. Она ставила на проигрыватель пластинки с запрещённой дореволюционной музыкой, и звуки скрипки, казалось, исцеляли старые раны в стенах их дома.

Но через несколько дней, когда из Тегерана вернулся дядя Джавад, в дом вошёл другой воздух. Холодный. Пропитанный запахом столичной тревоги.

Дядя Джавад не разделял всеобщего ликования. Он сидел в гостиной, пил чай маленькими, нервными глотками, и его глаза, обычно полные ироничного блеска, были похожи на два темных, сухих колодца.

— Семьдесят процентов. Двадцать миллионов голосов, — сказал он, обращаясь к отцу Захры. — В Тегеране — карнавал, молодёжь на улицах празднует, как будто мы выиграли войну. Женщины сдвигают платки, открывая волосы. Музыка из магнитофонов — западная музыка! Они празднуют не победу Хатами. Они празднуют поражение системы.

— Не преувеличивай, Джавад, — мягко возразил Али, отец Захры. — Система показала гибкость. Способность к изменениям. Это признак силы, не слабости. А народ... народ сделал свой выбор. Аллах дал им это право.

— Народ? — дядя Джавад усмехнулся. — Народ — это глина. Вопрос в том, кто гончар. Ты видел, как радовались в западных посольствах? Они открывали шампанское. Они празднуют нашу слабость.

Он достал из портфеля пачку газет, бросил на ковёр. «Салам», «Хамшахри». Заголовки кричали о «весне свободы» и «диалоге цивилизаций».

— Диалог... — процедил Джавад. — Ты помнишь, чем закончился диалог Горбачёва с Западом? Великая империя, наш «Малый Сатана», развалилась на куски за несколько лет. Он говорил о «гласности» и «перестройке», а получил унижение и нищету. Он хотел реформировать систему, а стал её могильщиком. И теперь Советский Союз — не противник, а униженный проситель, пасынок «Большого Сатаны». Они хотят проверить тот же трюк с нами.

— Но мы — не Советский Союз, — сказал Али. — У нас есть вера.

— Вера — это крепость. Но они не собираются штурмовать её. Они собираются подкупить стражников и открыть ворота изнутри. Они предлагают нам соблазн — демократию. Как будто это панацея от всех бед.

— Демократия лучше тирании шаха, — заметил отец.

— Безусловно. Но и у неё есть свои яды, — дядя Джавад наклонился вперёд, его голос стал тише, доверительнее. — Ты читал Карлайла? Англичанин, девятнадцатый век. Он говорил, что историю двигают не массы, не парламенты. Её двигают герои. Исключительные личности. Пророки, поэты, завоеватели. Наполеон. Он говорил о «культе героев». Что один человек, наделённый волей и гением, может изменить мир, исполняя божественное предназначение. Он возвышается над толпой, над её мелочными интересами.

— «Герои и почитание героев», — кивнул Али. — Странно, что ты вспомнил британского реакционера.

— Не реакционера. Провидца. Он понял главное: демократия — это власть посредственности. Толпа никогда не выберет лучшего. Она выберет того, кто обещает ей то, что она хочет услышать.

— И куда привёл Наполеон Францию? — мягко спросила Роксана. — На Ватерлоо. А Кромвель? К реставрации монархии. Герои Карлайла все закончили крахом.

— Но они изменили мир! Тот же Запад! — Джавад повысил голос. — А что изменит Хатами? Он говорит о «диалоге цивилизаций». Диалог! С теми кто хочет нас уничтожить! Это как если бы овца предложила волку обсудить меню на ужин.

Он посмотрел на Роксану.

— Мы свергли шаха, потому что он возомнил себя таким героем, но за ним не было Бога. А что, если они предложат нам нового «героя»? Харизматичного, улыбчивого, говорящего правильные слова. И народ, уставший от трудностей, пойдёт за ним, как дети за гамельнским крысоловом. И этот герой приведёт нас не в рай, а в новую, ещё более изощренную форму рабства. Рабства у Запада.

— Да я же согласен! Демократия, конечно, лучше шахского режима, при котором мы выросли, — спокойно сказал Али. — Но ты прав в одном — она может быть опасна. Особенно когда люди голосуют сердцем, а не разумом.

— Вот! — Джавад оживился. — Именно это я и пытаюсь объяснить. Хатами — это троянский конь. Запад праздновал его победу больше, чем сами иранцы. BBC, CNN — все трубят о «новой эре». Почему? Что они знают, чего не знаем мы?

— Может быть, они просто рады, что мир становится менее опасным местом? — предположила Роксана.

Джавад посмотрел на неё с жалостью:

— Сестра, для них мир станет безопасным, только когда в нём не останется никого, кто может сказать «нет» их порядку. Хатами — первый шаг. Потом будет второй, третий... И однажды мы проснёмся в стране, где дочери не носят хиджаб, сыновья не знают намаза, а в университетах преподают Дарвина вместо Корана.

— Ты рисуешь апокалипсис из-за выборов, — заметил Али. — Разве вера наша так слаба, что не выдержит испытания свободой?

— Свобода... — Джавад встал, подошёл к окну, за которым цвёл гранатовый сад. — Знаешь, что я понял в Тегеране? Есть два вида заговора.

Явный — когда враги приходят с оружием. И скрытый — когда они приходят с идеями. Второй опаснее. Против пуль есть броня. Против идей — только другие идеи. Но откуда их взять, если лучшие умы заняты «диалогом»?

Захра, сидевшая в углу с учебником по алгебре, подняла глаза. Она не до конца понимала смысл слов, но чувствовала их вес. Она видела, как уверенность на лице отца сменилась тенью сомнения. Дядя Джавад не спорил. Он сеял семена. Семена страха.

Я делала домашнее задание по алгебре, квадратные уравнения, $x^2 + px + q = 0$, и слушала, как дядя Джавад говорит о процентах, семьдесят процентов, и я думала: это $7/10$, несократимая дробь, как несократимо то, что произошло, двадцать миллионов голосов, 20 000 000, число с семью нулями, как семь кругов ада у Данте, которого я не читала, но знала, что есть семь кругов, потому что семь — особенное число, семь дней недели, семь нот, семь цветов радуги, хотя на самом деле цветов бесконечность, просто мы договорились видеть семь.

Дядя говорил о Горбачёве, и я вспомнила его фотографию в старой газете, пятно на лбу, похожее на карту несуществующей страны, и подумала: может быть, все реформаторы отмечены чем-то, какой-то печатью, как Каин, но что отмечало Хатами? Его улыбка? Его очки? Или что-то невидимое, что видел только дядя Джавад?

Мама улыбалась, и её улыбка была как интеграл — она собирала все маленькие радости в одну большую, а папа был серьёзным, как дифференциал — он разбивал большие вопросы на маленькие части, чтобы понять каждую, но дядя, дядя был как мнимое число i , квадратный корень из минус единицы, невозможное, но необходимое для решения некоторых уравнений.

Карлайл, они говорили о Карлайле, и я представила старого англичанина с бородой, хотя не знала, как он выглядел, но все старые англичане в моём воображении были с бородами, как Дарвин, которого нельзя преподавать в школе, но я читала о нём в энциклопедии, естественный отбор, выживает сильнейший, но дядя говорил о героях, которые сильнее сильнейших, которые меняют правила игры, как в шахматах, если вдруг ферзь решит ходить как конь, что невозможно, но Наполеон сделал это, и Кромвель, и Пророк, мир ему, но можно ли ставить их в один ряд?

Троянский конь, дядя сказал «троянский конь», и я подумала о деревянной лошади, полной солдат, но как президент может быть лошадью? Или лошадь — это его улыбка, а солдаты — это идеи, которые

прячутся за улыбкой, ждут ночи, чтобы выйти и открыть ворота города? Но какого города? Шираза? Тегерана? Или города в нашей голове, который мы считаем неприступным?

Семьдесят процентов, я снова вернулась к этому числу, 0.7 в десятичной дроби, 7×10^{-1} в научной нотации, но почему это пугало дядю? В математике 70% — это явное большинство, это консенсус, это почти что единогласие, но дядя видел в этом не единство, а раскол, как будто 70% «за» означало, что есть невидимые проценты «против», которые не голосовали, не пришли, не поверили в саму возможность выбора.

BBC праздновала, CNN праздновала, и я представила, как где-то в Лондоне и Нью-Йорке люди в костюмах пьют шампанское за победу Хатами, хотя алкоголь харам, но они не мусульмане, им можно, и может быть, в этом проблема — они радуются тому, чему мы должны радоваться сами, но почему их радость пугает дядю больше, чем их гнев?

Папа спросил про веру и свободу, может ли вера выдержать испытание свободой, и я подумала: это как спросить, может ли лёд выдержать испытание огнём, он может, но перестанет быть льдом, станет водой, потом паром, потом исчезнет, но разве исчезновение — это поражение, или просто переход в другое состояние?

Я решала квадратное уравнение, и у него было два корня, x_1 и x_2 , два ответа на один вопрос, которые существуют одновременно, и может быть, Хатами был одним корнем, а Натек-Нури другим, и они оба правильные, просто находятся по разные стороны от нуля, положительный и отрицательный, но в квадрате они дают одно и то же.

Глава 3. Магия чисел

16 Хордада 1376 г. (6 июня 1997 г.)

Две недели спустя воздух Шираза, казалось, стал легче. Что-то неуловимо изменилось, словно с города сняли тяжёлое, невидимое покрывало. По вечерам на проспектах и в парках стало больше молодёжи. Они не делали ничего запретного. Они просто были — сидели на скамейках, смеялись чуть громче, чем раньше, и их смех смешивался с музыкой, доносившейся из открытых окон машин. Девушки носили платки чуть свободнее, обнажая пряди волос, непокорные, как первые ростки травы, пробивающиеся сквозь асфальт. Надежда, казалось, была почти физической субстанцией, солнечными пятнами на асфальте, бликами на витринах магазинов.

В ту пятницу Захра гуляла по городу с матерью. Отец остался дома, сославшись на работу над статьёй. Они шли по аллее, и Роксана, обычно сдержанная, сегодня была почти по-детски счастлива. Она покупала Захре сладкую вату, рассказывала смешные истории из своего студенчества.

— Посмотри, — сказала она, кивая на группу студентов у фонтана. — Они словно проснулись.

Но Захра видела не только их. Она видела и тех, кто наблюдал. Мужчин в неприметных рубашках, сидевших поодаль с газетами в руках, но их взгляды были направлены не на буквы. Они были повсюду, как тени, которые отбрасывало яркое июньское солнце.

— У нас в школе старшие классы как будто сошли с ума, — сказала Захра, глядя на группу студентов, споривших о чём-то с жаром и восторгом. — Они говорят о поэтических вечерах, о новых газетах. Говорят, скоро даже разрешат концерты.

— Дай Бог, — Роксана поправила солнцезащитные очки, и в их, как в зазеркалье, на мгновение отразилось небо. — Надеюсь, слова дяди Джавада останутся только словами. Просто мрачной сказкой для взрослых.

Она произнесла это тихо, почти как молитву. Молитву о том, чтобы реальность оказалась проще, чем её описывал брат.

Когда они вернулись домой, их встретила тишина. Но это была не та умиротворяющая тишина, которая бывает, когда отец работает. Это была плотная, наэлектризованная тишина. Из гостиной доносились приглушенные голоса. Отец и дядя Джавад.

Они сидели друг напротив друга, и ковёр между ними был похож на шахматную доску. Дядя приехал из Тегерана без предупреждения. На ковре были разложены не газеты, а распечатки. Пепельница была полна, чашки из-под кофе пусты.

— Ты читал его последние выступления? — голос Джавада был тихим, но настойчивым, как звук сверла. — Я посчитал. Он двадцать три раза использовал слово روشن‌فکری (рошанфекри) — «просвещение». Двадцать три раза, Али! Ровно двадцать три.

Отец Захры взял со стола чашку с остывшим кофе. В его глазах плясали ироничные искорки.

— Двадцать три, говоришь? Ну, это серьезно, Джавад. Это же число иллюминатов. Ужасное совпадение. А если сложить два и три, получится пять. Пентаграмма. Символ человека, но и знак Бафомета, если перевернуть. Звезда Соломона и печать дьявола. Все сходится.

— Не смейся, Али! — Джавад ударил ладонью по стопке бумаг. — Ты не видишь? Это язык, код! Они говорят с нами, но мы их не слушаем! «Просвещение» — это их пароль! Они хотят заменить свет Аллаха на свой, искусственный, электрический свет разума!

— А может, он просто любит это слово? — спокойно спросил отец. — Может, он действительно хочет, чтобы нация стала более образованной?

В этот момент в комнату вошла Роксана. Она смерила обоих мужчин долгим, усталым взглядом.

— Вы опять за своё? Вы слишком много пили кофе и слишком много курили. От ваших теорий в доме скоро нельзя будет дышать. Давайте я заварю вам свежий чай. С мятой. Он проясняет голову. Отвлекитесь от своей политики.

Дядя Джавад посмотрел на неё как на человека, который предлагает утопающему стакан воды. Но отец, Али, с видимым облегчением кивнул.

— Да, Роксана-джан, ты права. Чай — это прекрасная идея.

Захра стояла в дверях, невидимая для них. Она видела, как отец ей подмигнул. Он подыгрывал дяде, пытался довести его паранойю до абсурда, чтобы показать ему её несостоятельность. Но она видела и другое. Она видела, как в глазах дяди Джавада горит холодный, уверенный огонь. Он не играл. Он верил. И его вера была страшнее любой иронии.

Двадцать три, говорил дядя, и я думаю о числах, о том, как странно, что мы называем их арабскими, хотя арабы взяли их у индийцев, а может быть, у персов, или персы у индийцев, но точно не у арабов, но Запад называет их арабскими, потому что получил их от арабов, и это как игра в испорченный телефон, где каждый следующий игрок искажает сообщение, но думает, что передаёт его точно.

Ноль, самое важное число, शून्य, шунья на санскрите, пустота, но не просто пустота, а полнота пустоты, потому что без нуля не может быть десятичной системы, не может быть современной математики, и Запад не знал нуля до XII века, представляете, строили соборы, но не знали нуля, и я думала: может быть, дядя был прав, и есть знания, которые путешествуют

тайными путями, как ноль путешествовал из Индии через Персию и Багдад в Кордову, а оттуда в Париж и Лондон.

Двадцать три раза «просвещение», но что такое просвещение? Просвещение — это когда темноту заливают светом, но что если темнота — это не отсутствие света, а другой вид света, чёрный свет, □□□□ □□□ (нор сая), и дядя боится не темноты, а именно этого чёрного света, который притворяется обычным?

Папа смеётся про пентаграмму, но пентаграмма — это же золотое сечение, 1.618, число, которое есть везде — в ракушках, в розах, в пропорциях человеческого лица, и древние греки знали это, и древние египтяне, и древние персы, но откуда они все это знали? Может быть, есть знание, которое старше всех цивилизаций, и оно передаётся не через книги, а через числа?

Мама принесла чай, и пар поднимался спиралью, и спираль — это тоже число, спираль Архимеда, $r = a + b\theta$, и дым от папиных сигарет тоже поднимался спиралью, и галактики закручены в спирали, и ДНК — двойная спираль, и может быть, история тоже движется по спирали, и мы думаем, что идём вперёд, но на самом деле возвращаемся к той же точке, только на другом уровне?

Мама говорит про кофеин, $C_8H_{10}N_4O_2$, и я думаю: восемь атомов углерода, десять водорода, четыре азота, два кислорода, $8+10+4+2=24$, а не 23, так близко к числу дяди, но не совпадает, и может быть, в этом несовпадении на единицу весь секрет, потому что истина всегда на один шаг в стороне от того, что мы видим?

Знаю, двадцать три было просто числом. Простое число, которое делится только на себя и на единицу. Как человек. Как страна. Но если его сложить с другим числом, оно становится частью чего-то большего, частью узора. Но тогда я видела только красоту чисел, их холодную, безупречную логику, которая была честнее любых слов. Ноль — это тишина, из которой рождается всё, как из молчания Аллаха рождается мир. И тишина, когда они стали пить чай, была единственной правдой в той прокуренной комнате.

Глава 4. Арифметика сур

23 Хордада 1376 г. (13 июня 1997 г.)

Через неделю они поехали в Тегеран. Поезд, утренний экспресс, уносил их из сонного, укутанного в предрассветную дымку города в гудящее, нервное сердце страны. Вокзал был похож на ленивого великана, который нехотя открывает один глаз. Редкие пассажиры двигались медленно, словно боялись разбудить тишину.

Официальной причиной поездки был визит к дяде Хоссейну, к младшему брату матери, преуспевающему торговцу коврами. Но настоящей — показать Захре Тегеранский университет, его строгие корпуса и тенистые аллеи. Ей скоро пятнадцать. Время выбирать путь, определять вектор будущего.

В купе было прохладно. Захра села у окна, прижавшись лбом к стеклу. За окном проплывали пригороды Шираза, потом — бесконечная охристая равнина, изредка прерываемая зелёными пятнами садов. Солнце поднималось медленно, окрашивая древнюю Персию в оттенки меди и золота.

— Почему ты стал богословом? — спросила Захра отца, который читал вчерашнюю газету. — Ты же любишь числа. Ты мог бы быть математиком.

Али отложил газету, посмотрел на дочь с той особой внимательностью, которую взрослые прибегают для неожиданно серьёзных детских вопросов.

— А ты думаешь, это разные вещи? — он улыбнулся. — Богословие — это высшая математика. Попытка найти главный закон, который описывает вселенную. Посчитать знаки, оставленные для нас Создателем.

Он наклонился к ней.

— В Коране, — начал он медленно, словно взвешивая каждое слово, — «вера» и производные от этого слова без синонимов повторяются восемьсот одиннадцать раз. «Неверие», его производные и синонимы — шестьсот девяносто семь раз. Разность между этими числами — сто четырнадцать. Ровно столько сур в Коране. Случайность? Или послание? Я не знаю, Захра-джан. Но я хотел узнать. Вот почему я стал богословом. Чтобы искать Бога в числах и числа в Боге.

— Но это же можно проверить! — оживилась Захра. — Посчитать, составить таблицу...

— Можно. И многие считали. И находили другие закономерности. Или не находили вовсе. Вера — это не математическое доказательство. Это выбор видеть смысл там, где другие видят случайность.

Роксана, сидевшая напротив, подняла глаза от медицинского журнала:

— А тебе, Захра, нравится английский? В университете без него будет трудно.

— Мне больше нравится французский, — призналась Захра. — Он... красивый. Как музыка.

— Французский прекрасен, — согласилась Роксана, и её взгляд стал мечтательным. — Язык любви и революций.

— И язык капитуляции, — усмехнулся отец, но в его усмешке не было зла. — Твоя мама, когда мы познакомились, поразила меня не французским. Она читала мне стихи на латыни. Представляешь? Молодая студентка-медик в Иране после Революции цитирует мёртвый язык неверных. Это было так смело. И так прекрасно.

— Ты помнишь те стихи, — продолжил Али, и его голос стал мягким, как бархат, — которые ты прочитала? На той студенческой вечеринке, где не должно было быть девушек, но ты всё равно пришла.

Роксана улыбнулась — той особой улыбкой, которая на мгновение превратила её из уставшей женщины средних лет в девушку с горящими глазами.

— Помню. И вечеринку. И стихи, — она откашлялась и начала читать, и латинские слова в её устах звучали как заклинание:

*Totus in te, totus tecum,
Fatum scribit cursum rectum.
Quasi mutor - sum alius,
Quasi factus sum ignotus.
Sed nec tu es iam eadem,
Obscurata est manus illa,
Quae me leniter tangendo
Dabat corpus cum amore.
Et cum omisso mundo caro,
Donavisti te totam mihi.
Sed scio: dies veniet,
Cum me umbra succedet.
Nives cuncta tunc tegent,
Et solus radius longe
Inopinanter te tanget,
Iterum ibisque illuc,
Iterum me invenies.
Iterum simul ambo stamus,
Ianuam reseramus domus,*

*Et ibi tantum candelae,
Et deus - nos obviam venit.*

Она помолчала, потом перевела, и её голос дрожал, как дрожит воздух над раскалённым асфальтом:

— Я весь в тебе, я весь с тобой, всё предначертано судьбой, как будто я совсем другой, как будто я совсем чужой. Но ведь и ты уже не та, и потемнела та рука, что нежно гладила меня, когда на близких несмотря ты подарила мне себя. Но знаю я: настанет день, когда меня заменит тень, когда укроют всё снега, и только луч издалека нежданно вдруг найдёт тебя, и снова ты пойдёшь туда, и снова ты найдёшь меня, и снова мы с тобой вдвоём откроем дверь, войдём в тот дом, и только свечи будут там, и бог навстречу выйдет к нам.

В купе повисла тишина. За окном проносились телеграфные столбы, отсчитывая километры. Али взял руку жены, переплёл пальцы. Они смотрели друг на друга так, словно в купе не было никого, кроме них двоих.

Захра отвернулась к окну, чувствуя себя лишней в этом моменте их близости. В стекле отражалось её лицо — полудетское, полувзрослое, с глазами, полными вопросов, на которые ещё не было ответов.

Эти стихи, пришедшие из другого мира, из другой эпохи, казались ей пророчеством. О любви, о разлуке, о смерти и о встрече после смерти. Она посмотрела на своих родителей, на то, как рука отца нашла руку матери в полумраке, и впервые в жизни почувствовала острую, почти болезненную тоску по тому, чего у неё ещё никогда не было. По любви. Той самой, о которой пишут в поэмах и которая, как и Бог, состоит из веры, чисел и тайн.

Восемьсот одиннадцать и шестьсот девяносто семь, $811-697=114$, и это правда, я потом проверила, считала всю ночь с Кораном и словарём, и цифры сошлись, но что это значит? Что Аллах — математик? Или что математика — это язык Аллаха? Или что мы видим узоры там, где их нет, как видим лица в облаках и созвездия в случайном расположении звёзд?

Латынь, мёртвый язык, но как может быть мёртвым язык, на котором говорят о любви? Totus in te, я не знаю латыни, но слышу музыку, totus tecum, и это как формула, где totus — это целое, integer, интеграл, а te и tecum — это ты в разных падежах, и любовь — это интегрирование двух функций в одну, но я не знаю любви, мне четырнадцать, почти пятнадцать, и я знаю только, как решать уравнения с двумя неизвестными, x и y, но что если любовь — это уравнение, где оба неизвестных — это ты сам?

Мама читала стихи, и её голос менялся, становился моложе, и я всё ещё вижу её другой, не мамой, а Роксаной, студенткой-медиком, которая пришла на вечеринку, где не должно было быть девушек, но она пришла, потому что правила — это только предложения, а не приказы, если у тебя есть смелость, и она читает латинские стихи богослову, который ищет Бога в числах, и он влюбляется, потому что она говорит на языке, который старше ислама, старше христианства, языке Рима, который пал, но его язык живёт.

Dies veniet, день придёт, и я думаю о будущем времени в латыни, которое называется *futurum*, от глагола *esse* — быть, и будущее — это то, что будет быть, что ещё не есть, но будет, и стихи говорят о дне, когда папу заменит тень, *umbra*, и я вздрагиваю, потому что это пророчество, которое сбудется через несколько месяцев, когда грузовик врежется в его машину, или машина в грузовик, неважно, металл встретится с металлом, и папа станет тенью, умброй, а мама будет искать его, *iterum*, снова и снова, в каждом богослове, в каждом мужчине, который любит числа.

Французский красивый, да, но латынь — это математика языков, склонения и спряжения подчиняются строгим правилам, шесть падежей, пять склонений, четыре спряжения, и всё логично, как в физике, где есть законы, которые нельзя нарушить, но французский — это импрессионизм, где правила размыты, где одно и то же слово может значить разное в зависимости от интонации, от контекста, от того, кто говорит и кому.

Поезд стучит по рельсам, или это была машина? Неважно. Память меняет транспорт, но оставляет ритм — та-дам, та-дам, как ямб, как сердце, как счётчик Гейгера, отсчитывающий полураспад, и я думаю: мы едем в Тегеран, где дядя Хоссейн ждёт нас со своими коврами, а дядя Джавад — со своими теориями, со своими двадцатью тремя упоминаниями просвещения, и может быть, он тоже считает слова в текстах, как папа считает слова в Коране, только папа искал доказательства присутствия Бога, а дядя — доказательства заговора, и оба найдут то, что ищут, потому что когда очень хочешь что-то найти, ты всегда найдёшь.

Я смотрю на родителей, как они держатся за руки, и их пальцы переплетены, как двойная спираль ДНК, и я думаю: вот она, любовь, не в стихах, не в словах, а в этом молчаливом переплетении, в этой двойной спирали, которая создаёт новую жизнь, меня, но я — это не просто сумма их генов, я — это *emergent property*, эмерджентное свойство, то, что возникает из взаимодействия, но не сводится к сумме частей, как вода —

это не просто H_2O , это жидкость, которая может быть льдом и паром, и любовь — это не просто двое людей, это третье состояние материи.

За окном пустыня, и она похожа на море, застывшее в песке, и я думаю о времени, о том, что там, в той пустыне, время течёт иначе, медленнее, как мёд, как патока, как в теории относительности Эйнштейна, где время зависит от скорости и гравитации, и может быть, любовь — это тоже искривление пространства-времени, когда два человека создают гравитационную воронку, и всё вокруг них начинает вращаться по спирали, падая в центр, где время останавливается.

И снова мы с тобой вдвоём откроем дверь, войдём в тот дом... и я представила этот дом, пустой, тихий, и только свечи, и бог, который выходит им навстречу, но какой бог? Тот, который считает веру и неверие в Коране? Или тот, который придумал латынь и любовь, и снега, которые всё укроют? Или это один и тот же Бог, просто говорит на разных языках, как мама, которая говорит на фарси, и на латыни, и на языке любви, который я пока не понимала, но уже чувствовала его грамматику, его печальную, неотвратимую логику.

Глава 5. Тени света

23 Хордада 1376 г. (13 июня 1997 г.)

Тегеран обрушился на них зноем и шумом. После медленного, почти сонного ритма поезда, город казался огромным, раскалённым котлом, в котором кипели миллионы жизней. Дядя Хоссейн, встретивший их на вокзале, был полной противоположностью своей сестры Роксаны. Шумный, полноватый, с вечной деловой улыбкой на лице, он пах дорогим парфюмом и деньгами. Он был человеком материи, торговцем коврами, для которого мир состоял не из идей, а из фактур, узелков и рыночных цен.

— Ну что, Захра-джан, готова покорять столицу? — прогремел он, усаживая их в свой новенький «Пежо» с кондиционером. — Решила уже, куда будешь поступать? Тегеранский университет — это классика. Но сейчас все рвутся в «Шариф», там физика и математика на мировом уровне.

— В Шарифе физика сильнее, — заметил Али.

— Зато в Тегеранском — философия, — возразила Роксана. — Человек не должен быть только физиком. Он должен быть... человеком.

Они спорили легко, как люди, давно знающие все аргументы друг друга.

Машина плыла в потоке, и за окном мелькал другой Иран — не древний и поэтичный, как Шираз, а современный, жёсткий, полный стекла и бетона. Они ехали по широким проспектам, и Захра, прижавшись к окну, смотрела на этот бурлящий мир, похожий на гигантский, нервный, вечно спешащий механизм. Здесь даже деревья казались не живыми, а отлитыми из металла и покрытыми слоем пыли.

Дом дяди Хоссейна находился в северном Тегеране, в районе Заферание. Это был двухэтажный особняк с садом, где росли платаны и гранатовые деревья. Внутри было прохладно — кондиционеры работали в каждой комнате, создавая искусственный оазис посреди летнего пекла.

Жена дяди Хоссейна, тётя Марьям, встретила их с традиционным радушием — чай, сладости, расспросы о здоровье. Захра сидела в гостиной, рассматривая ковры на стенах — работа мастеров из Кашана и Тебриза, каждый узор рассказывал свою историю.

Вечером, когда спала дневная жара, пришёл дядя Джавад. Он вошёл в прохладную гостиную, и с ним ворвался сухой жар столичной паранойи.

— Я бы не советовал Тегеранский университет, — сказал он вместо приветствия, обращаясь к Али. — Там сейчас рассадник вольнодумства. На прошлой неделе у студентов гуманитарного факультета изъяли партию книг. «Новая философия». Ницше, Хайдеггер, Фуко. Яд, завернутый в красивую обложку.

— Студенты всегда читают крамольные книги, — усмехнулся Хоссейн. — Мы в своё время тоже читали. И ничего, выросли правоверными мусульманами.

— Раньше был другой яд, — отрезал Джавад. — Марксизм. Он был грубым, прямолинейным. А этот — тонкий. Он не отрицает Бога. Он просто делает его ненужным.

— А что ты посоветуешь, Джавад? — спросил дядя Хоссейн, разливая чай. — Тоже технологический университет?

— Да. В «Шарифе» по крайней мере занимаются делом. Физика, математика. Точные науки. Они оставляют меньше места для сомнений.

— Ну да, — усмехнулся практичный Хоссейн. — И выпускники «Шарифа» потом отлично устраиваются в Штатах. Ирония.

— Раньше он назывался «Арьямехр», — задумчиво сказал Джавад, обращаясь к Захре. — В честь шаха. «Свет ариев».

Отец Захры, Али, который до этого молча слушал, вдруг улыбнулся своей тихой, ироничной улыбкой.

— Ну конечно, — сказал он медленно, словно пробуя слова на вкус. — «Ариямехр». Это же напрямую пересекается по названию с Нешан-э Арьямехр — «Орденом Света Арийцев» — рыцарским орденом для жены шаха. Но это уже прямая отсылка к европейским тайным обществам. Например, к масонской ложе «Орден Света», которая существовала в России в начале двадцатого века. И потом перекочевала в Германию. Странное совпадение, не правда ли?

Дядя Джавад, который словно ждал этого паса, тут же подхватил мяч. Его глаза загорелись.

— Именно! Именно, Али! Ты видишь! Масоны в Европе украли не только наш образ Света, но и само понятие ариев! Арийцы — это ведь мы, иранцы! Запад перехватывает наши исконные, традиционные идеи, искажает их, а потом возвращает обратно, чтобы разрушить нас изнутри! Они поддерживали шахский режим, который называл себя «Светом ариев», чтобы противопоставить нашу древнюю, доисламскую гордость самому Исламу! Сама идея «света», просвещения — это же суфийская концепция, ишрак. Идея «ариев» — это наше, зороастрийское наследие. Но, европейские масоны, все эти тайные общества, они украли наши символы, нашу философию, выхолостили из неё Бога и превратили в политический инструмент. Это их метод!

Он говорил жарко, убеждённо, и Захра, сидевшая в кресле, чувствовала, как его слова строят в воздухе невидимую, но прочную конструкцию. Конструкцию, в которой случайных названий не бывает, а история — это зашифрованный текст.

В этот момент на пороге гостиной появилась Роксана, которая помогала на кухне тётя Марьям. Она стояла, вытирая руки о передник, и смотрела на мужчин с выражением бесконечной усталости.

— Опять вы за своё? — она покачала головой. — При ребёнке обсуждаете всякие страшилки. Захра, милая, иди отдохни. Ты, наверное, устала с дороги.

Захра встала. Она действительно устала. Но не от дороги. А от тяжести мыслей, которые обрушились на нее в этой прохладной, тихой комнате.

Уходя, она слышала, как мать сказала мужчинам: «А вам я сейчас принесу не чай, а валерьянку».

Университет Шарифа или Тегеранский, выбор, всегда выбор, как в задаче, где нужно выбрать одну дверь из двух, и за одной принцесса, а за другой тигр, но ты не знаешь, где кто, и может быть, за обеими дверями тигры, просто один улыбается, как Хатами, а другой рычит, как Натек-Нури, а результат один — тебя съедят, и дядя Джавад говорит, что в Тегеранском университете яд, а дядя Хоссейн говорит, что из Шарифа уезжают в Америку, и я не понимаю, что хуже — умереть от яда дома или уехать жить к врагам, которые этот яд и придумали.

Арьямехр, Свет Ариев, папа говорил про масонов, и я видела их, людей в черных фартуках с циркулями и наугольниками, строящих свой храм, свой новый Вавилон, и дядя Джавад говорил, что они украли наш свет, наш ишрак, и я думала, а можно ли украсть свет, ведь он принадлежит всем, или есть разные сорта света, как есть разные сорта чая, и они украли наш черный чай с бергамотом, а подсунули свой, в пакетиках, без вкуса и запаха, и мы пьем его и думаем, что это чай, а это просто крашенная вода.

Орден Света в России. Свет — это одновременно волна и частица, и никто не знает, почему, даже Эйнштейн не знал, он говорил «Бог не играет в кости», но Бор отвечал «Не указывайте Богу, что делать», и может быть, свет — это язык, на котором Бог говорит с нами, но мы разучились его понимать. Физика — это тоже тайное знание, $E=mc^2$, формула, которая открывает дверь к уничтожению мира.

Арийцы, индоевропейцы, народ, который пришёл откуда-то с севера тысячи лет назад, и принёс с собой язык, богов, мифы, и теперь дядя Джавад говорит, что Запад украл у нас наше наследие, но может быть, наследие не принадлежит никому, оно как воздух, как свет, как математика — универсально, и не важно, кто открыл теорему Пифагора, важно, что она работает везде, в Греции, в Персии, на Марсе.

Мама говорила про валерьянку, и я знаю, что это трава, которая успокаивает, но я думаю: а есть ли трава, которая проясняет? Которая позволяет увидеть мир таким, какой он есть, без теней и заговоров? Или такого мира не существует, и мы обречены жить в комнате, полной зеркал, где каждое отражение лжёт?

Но взрослые всегда требуют выбрать, определить траекторию, коллапсировать в одно-единственное состояние, потому что неопределённость их пугает. Я сделала свой выбор. Не тогда, позже... Но какой выбор сделают мои дочери?

Глава 6. Сад расходящихся тропок

24 Хордада 1376 г. (14 июня 1997 г.)

Университеты летом были похожи на заброшенные города, на декорации к спектаклю, который уже отыграли. Студенты разъехались, и в длинных, гулких коридорах царила тишина, нарушаемая лишь гудением ламп и шагами редких преподавателей. Это была идеальная атмосфера для того, чтобы разглядеть не людей, а саму суть, архитектуру этих двух миров.

Пустые коридоры, гулкие аудитории тегеранского университета, где эхо шагов отскакивало от стен, создавали иллюзию невидимых спутников. Июньское солнце проникало через высокие окна, рисуя на полу геометрические узоры — параллелограммы света, в которых танцевали пылинки, как атомы в броуновском движении.

Их встретил профессор Мортеза Ахмадзаде, старый друг отца Захры. Худой, с седой бородкой клинышком, в очках с толстыми линзами, он был похож на персонажа из рассказов Борхеса — библиотекаря, заблудившегося в собственной библиотеке.

— Али-джан, добро пожаловать в храм знаний, временно покинутый прихожанами, — сказал он, пожимая руку отцу. — Летние каникулы превращают университет в идеальное место для размышлений. Никто не мешает думать.

Они шли по коридорам гуманитарного факультета, и профессор говорил, размеренно, словно читал лекцию невидимой аудитории:

— Да, молодёжь сейчас как будто проснулась. Они читают все подряд. Создают кружки, выпускают стенгазеты. Говорят о Хатами как о мессии. Президент открыл им шлюзы, и через них хлынули идеи. Они читают всё подряд — Деррида, Фуко, Делёза. Но... — он понизил голос, — появляются и странные вещи.

— Какие? — спросил Али.

— Какие-то новые течения. Полузакрытые общества. Они обсуждают не политику, а... метафизику. Говорят о «традиции», но не в нашем, исламском смысле. О «кастах», об «иерархии духа». Цитируют европейцев, о которых я и не слышал. Генон, Эвола. Один мой студент принёс мне их манифест. Знаешь, на что это было похоже? На устав масонской ложи, только без циркуля и фартука. Другой нашёл связь между суфийскими орденами и европейскими

тамплиерами. Они ищут некую первичную традицию, примордиальную мудрость, которая якобы лежит в основе всех религий. Очень тревожно.

— Это влияние Генона? — спросил Али. — Французского традиционалиста?

— И его тоже. Но это шире. Они создают свой синтез — берут исламский эзотеризм, добавляют западную философию, приправляют древнеперсидской мистикой. Получается... коктейль. Опасный коктейль, потому что он выглядит как возвращение к корням, но на самом деле это путь в никуда. В воображаемое прошлое, которого никогда не было.

Технологический университет имени Шарифа был другим. Это был не сад, а кристалл. Идеальная геометрия корпусов из стекла и бетона, прямые линии, выверенная логика. Здесь не было места двусмысленности. Их встретил доктор Амини, знакомый дяди Джавада, специалист по кибернетике, человек с холодными, как экран монитора, глазами.

Невысокий, энергичный, с глазами, которые никогда не останавливались на одном месте, он говорил быстро, словно боялся, что его прервут:

— Добро пожаловать в кузницу иранской технократии! Здесь мы не философствуем — мы создаём. Компьютеры, программы, алгоритмы. Будущее за цифровыми технологиями, и мы должны не отстать.

Он провёл их в компьютерный класс. Ряды мониторов смотрели слепыми глазами.

— Знаете, что сейчас происходит в Америке? Они создают социальные сети. Classmates.com — где люди находят своих одноклассников через интернет. Представляете? Миллионы людей добровольно рассказывают о себе, выкладывают фотографии, делятся мыслями. Это же идеальный инструмент!

— Инструмент для чего? — спросила Роксана.

— Для всего! Для контроля, для влияния, для формирования общественного мнения. Раньше спецслужбам приходилось годами собирать досье на человека. Теперь он сам всё расскажет. И не только расскажет — покажет связи, друзей, интересы. Это революция в понимании общества.

Али внимательно слушал. Ему, как богослову, был понятен мир цифр, но не цифровой мир.

— И игры, — продолжил Амини. — Компьютерные игры. Они учат стратегии, но также программируют поведение. Ребёнок, играющий в войну на экране, привыкает к насилию. Или наоборот — учится решать конфликты. Всё зависит от того, кто создаёт игру и с какой целью.

— Кстати, — добавил он, обращаясь к Захре, — почему вы не рассматриваете Исфахан? Там отличный университет, особенно физико-технический факультет. И... — он понизил голос, — там большие перспективы. Очень большие. Страна инвестирует в Исфахан серьёзные ресурсы. Научные проекты государственной важности.

— Исфахан! — воскликнула она. — А ведь это прекрасная идея! Он находится как раз посередине, между Ширазом и Тегераном. Захра будет равноудалена от нас и от своих беспокойных дядей. Идеальная точка равновесия.

Она сказала это полусуто, но Захра увидела, как в глазах отца на мгновение блеснул интерес. Идеальная точка равновесия. Формула, которая могла примирить два мира.

— Золотая середина, — улыбнулся Али. — Как в греческой философии.

Университеты как сады расходящихся тропок, каждая тропка ведёт в своё будущее, и ты не знаешь, куда придёшь, пока не пройдёшь весь путь, но тогда уже поздно вернуться и выбрать другую тропку, и я хожу по пустым коридорам Тегеранского университета, где профессор говорит о студентах, которые ищут примордиальную традицию, первичную мудрость, и я думаю: а что если они правы? Что если действительно есть знание, которое старше всех религий, старше всех цивилизаций, и оно зашифровано в узорах, в числах, в соотношениях?

Classmates.com, одноклассники точка ком, и дядин друг говорит, что люди сами рассказывают о себе, добровольная слежка, паноптикон Бентама, где заключённые не знают, наблюдают за ними или нет, поэтому ведут себя так, как будто наблюдают всегда, но теперь мы сами заключённые и сами надзиратели, мы следим друг за другом и за собой, и это будущее, которое придёт, я знаю, я вижу, как мои дочери сидят в инстаграме и тиктоке, и весь мир следит за всем миром, и никто не может спрятаться, даже в Иране, даже под чадрой.

Социальные сети могущественнее государств, тогда, в том компьютерном классе, глядя на мёртвые мониторы, я ещё не знала, но теперь знаю: они когда-нибудь оживут и поглотят нас всех, и государства

будут бороться не армиями, а лайками, не пушками, а мемами, и победит тот, кто создаст самый вирусный контент, самую заразную идею, и может быть, дядя Джавад был прав, и это всё — часть заговора, только заговор не масонов, а самой технологии, которая использует нас для своего развития.

Исфахан, сказала мама, идеальная точка равновесия, и я тогда не знала, ещё не знала, что эта случайно, в шутку брошенная фраза определит всю мою жизнь. Что именно в Исфахане, в этой точке равновесия, я встречу Амирхана, юношу с глазами, которые умели видеть скрытые узоры. Что в Исфахане, в этом городе бирюзовых куполов и древних мостов, я рожу двух дочерей, Насрин и Зейнаб, два моих вектора, центробежный и центростремительный. Что в Исфахане, в лаборатории, скрытой от посторонних глаз, я буду строить машину, которая может как спасти, так и уничтожить мир, и сама стану этой точкой равновесия между созиданием и разрушением.

Но тогда я ещё ничего этого не знала, я была просто девочкой, которая любила числа и искала своё место в мире, и мир казался огромным садом с тысячей тропок, и каждая вела куда-то, и я не знала, что большинство из них ведут в тупик, а некоторые — в пропасть, и только одна, может быть, ведёт домой, но дом — это не место, а состояние, когда ты в мире с собой, а я никогда не была в мире с собой, потому что во мне слишком много противоречий, как в уране слишком много нейтронов.

Глава 7. Формула страха

15 Шахривара 1376 г. (6 сентября 1997 г.)

Лето выгорало, оставляя после себя серое небо и воздух, пахнущий гарью и увяданием. Эйфория первых месяцев после выборов сменилась тихим, глухим разочарованием. Хатами говорил о свободе, но газеты по-прежнему закрывали, а студентов, слишком громко требовавших перемен, вызывали на «беседы». Противники реформ, оправившись от шока, начали медленное, методичное контрнаступление. Реформы буксовали. Консервативное духовенство блокировало инициативы президента. Газеты, ещё вчера певшие осанну переменам, теперь осторожничали, взвешивая каждое слово. Маятник, качнувшись в одну сторону, теперь неумолимо двинулся обратно.

В тот сентябрьский день дядя Джавад приехал без предупреждения. Он выглядел изменившимся — похудевшим, с лихорадочным блеском в глазах. Объяснил, что был в Тегеране по делам службы. Али встретил его с обычным

радушием, но Захра заметила, как отец внимательно разглядывает шурина, словно видит его впервые.

Они сидели в гостиной, и разговор, начавшийся с банальностей о погоде и ценах на базаре, неизбежно свернул к политике.

— Они думают, что он слаб. Что они его переиграли, — говорил дядя отцу Захры. — Они не понимают, что это часть плана. Он намеренно показывает слабость, чтобы усыпить нашу бдительность. Ты слушал его последнюю речь в университете?

— Я читал, — ответил Али.

— Не читай. Слушай! Посмотри на структуру! Он использует триады — тезис, антитезис, синтез. Чистый Гегель! А Гегель, как известно, был связан с иллюминатами через своего друга Шеллинга. Это документально подтверждено!

— Гегель сам так не писал, Джавад. Но да, спорить в три хода удобно, — заметил Али, не отрываясь от книги. — Но документально подтверждено, что Гегель любил пиво. Может, Хатами тоже тайный любитель пива? Это объяснило бы его расплывчатые формулировки.

— Али, я серьёзно! — Джавад наклонился вперёд. — Смотри: он говорит о «диалоге цивилизаций». Диалог — это два. Две стороны. Но какие? Исламская и западная? Это то, что мы должны думать. А что, если сторон три? Ислам, видимый Запад и какая-то третья сила, которая притворяется Западом, но на самом деле гораздо древнее? Тот самый «Орден Света», о котором ты сам говорил.

Джавад разложил на ковре фотографии. Захра, сидевшая в углу с учебником физики, видела изображения каких-то зданий, людей в странных одеждах, символы.

— Хатами жил в Германии. Изучал философию. А что такое современная Германия? Это центр европейского масонства. У них есть Объединённые великие ложи, которые сейчас процветают. У них есть музей масонства в Байройте! В том самом Байройте, где Вагнер строил свой театр для мистерий! Все связано, Али!

— Гитлер, придя к власти, запретил масонство, — напомнил Али, откладывая книгу. — Он видел в них угрозу. Он боялся их «тайных знаний», их идеи о том, что миром должны править не избранные народом фюреры, а посвящённые, обладающие истиной.

— Вот! — глаза Джавада лихорадочно заблестели. — Ты сам все сказал! Гитлер боролся с ними, потому что они были его конкурентами! Он понимал их опасность. И знаешь что самое ироничное? Нацисты сами пришли к власти через выборы! Его партия стала крупнейшей, а дальше — декреты и репрессии! Гитлер использовал демократию, чтобы уничтожить демократию. Они боролись за душу Германии, за душу Запада! А теперь они идут за нашей душой.

Он замолчал, но смысл был ясен. Хатами — троянский конь. Пришёл через выборы, чтобы разрушить систему изнутри.

— Джавад, — Али наклонился вперёд, и в его голосе появилась непривычная серьёзность, — ты действительно веришь, что существует всемирный заговор? Что кучка людей в фартуках управляет миром?

— Не в фартуках, Али. В деловых костюмах. В университетских мантиях. Они эволюционировали. Адаптировались. Раньше они встречались в подвалах, теперь — на международных конференциях. Раньше передавали знания через символы и ритуалы, теперь — через университетские программы и компьютерные коды.

В этот момент в комнату вошла Роксана. Она поставила на стол поднос со стаканами чая и вазочкой с инжиром.

— Джавад-ага, — сказала она тихо, но твёрдо. — Единственная древняя сила, которая сейчас действует в этой комнате, — это сила кофеина в вашей крови. И никотина в ваших лёгких. Выпейте чаю с кардамоном, он успокаивает нервы.

Она посмотрела на брата с такой смесью любви и боли, что Захра, наблюдавшая за сценой, почувствовала укол в сердце. Что-то было не так. Не только с миром, но и с самим дядей.

Мы тогда не знали, или знала только мама, как врач, или не знал никто, что в теле дяди Джавада уже поселилась другая, ещё более тайная ложа, раковые клетки, которые тоже строили своё государство, свою империю, следуя своему собственному, непостижимому плану. Мы не знали, что его долгие командировки в Тегеран — это не только совещания в министерстве, но и визиты в онкологический центр, что его бессонные ночи — это не только мысли о заговорах, но и боль, а его лихорадочная энергия — это не только одержимость идеей, но и химия, сильнодействующие лекарства, которые борются с болезнью, но заодно сжигают и душу, делая тени гуще, а страхи — реальнее.

Рак, cancer, созвездие Рака, и дядя родился в июле, под знаком Рака, и умрёт от рака, ирония судьбы или закономерность, и я думала: может быть, мы все носим в себе семена своей смерти, как носим в ДНК информацию о цвете глаз и форме носа, и может быть, дядина одержимость заговорами — это тоже рак, ментальный рак, который разрастается и пожирает его разум, и скоро не останется ничего, кроме паранойи, чистой, как кристалл, как формула.

Тайные знания, он говорит о тайных знаниях... А что если всё знание тайное? Что если $E=mc^2$ — это тоже масонская формула, зашифрованное послание о том, как превратить материю в энергию, в свет, и Эйнштейн был посвящённым, и Оппенгеймер, который создал бомбу и потом цитировал Бхагавад-гиту: «Я стал смертью, разрушителем миров», и это тоже тайное знание, пришедшее из Индии, где арийцы, наши предки или не наши, написали Веды за тысячи лет до Корана.

Гегель и пиво, папа шутил, но Гегель писал о мировом духе, Weltgeist, который движется через историю, используя людей и народы как инструменты, и может быть, масоны — это агенты мирового духа, или они думают, что агенты, но на самом деле дух использует их, как рак использует клетки организма, заставляя их делиться и делиться, пока организм не умрёт, но рак умрёт вместе с ним, парадокс паразита, который убивает хозяина.

Байройт, музей масонства, и я представила себе этот город, где Вагнер писал свои оперы о германских богах и героях — это же то, о чём говорил дядя. Вагнер тоже пытался создать новую элиту, новую аристократию духа, основанную на мифе. И Гитлер любил Вагнера. Все эти люди — Гитлер, Вагнер, Гегель, масоны, дядя Джавад — они все искали одно и то же. Они искали формулу, которая объяснит мир и даст им право его переделать. Они были алхимиками, пытающимися превратить хаос истории в золото порядка.

А мама просто заваривает чай. И может быть, в этом простом действии — взять чайник, насыпать заварку, добавить кардамон — было больше мудрости, чем во всех их теориях. Потому что это было действие не для того, чтобы переделать мир, а для того, чтобы сделать его на мгновение чуть теплее и уютнее. И может быть, это и есть то единственное «тайное знание», которое имеет значение.

Глава 8. Архитектура невидимого

15-16 Шахривара 1376 г. (6-7 сентября 1997 г.)

В тот вечер дом был наполнен тишиной, но это была не тишина покоя, а тишина напряженной работы мысли. Захра, прежде чем пойти спать, заглянула в гостиную пожелать отцу спокойной ночи. И замерла на пороге.

Её отец, Али, сидел на ковре, и перед ним был разложен пасьянс. Но это был не пасьянс из игральных карт. Это был пасьянс из идей. Газетные вырезки, страницы из философских трактатов, ксерокопии каких-то старых журналов. И в центре — фотографии и бумаги, которые оставил дядя Джавад. Захра увидела, как отец проводит пальцем по схеме, соединяющей имя Гегеля с масонским символом, и на его лице было то же сосредоточенное выражение, с каким он читал священные тексты. Он не высмеивал. Он анализировал. Он искал логику в безумии.

— Папа? — тихо позвала она.

Али поднял голову. В его глазах было выражение человека, пытающегося решить уравнение со слишком многими неизвестными.

— Я пытаюсь понять, Захра-джан. Понять, где кончается прозрение твоего дяди и начинается... — он не договорил. — Смотри, вот здесь он пишет о связи между суфийскими орденами XII века и тамплиерами. А здесь — о том, что узоры на исфаханских мечетях повторяют каббалистическое древо жизни. Совпадение? Или он видит то, чего нет?

— Или то, что есть, но мы не хотим видеть, — ответила Захра.

Отец посмотрел на неё с удивлением.

— Иди спать, философ. Завтра после утренней молитвы мы пойдём гулять. Мама велела нам проветриться, а не сидеть дома и строить теории заговоров.

У мечети Насир оль-Мольк, чьи витражи заливали интерьер калейдоскопом цветного света, они увидели группу туристов. Европейцы. Они с восторгом фотографировали узоры на стенах, не понимая их смысла.

— Смотри, — прошептал дядя Джавад, кивая на туристов. — Они видят только красоту. Они не видят код. Каждый этот узор, каждая гириха — это не просто орнамент. Это математика. Это теология. Это зашифрованное послание о единстве и бесконечности Аллаха. Наши предки говорили языком символов. А наши враги научились его читать. И использовать против нас.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Али.

— Я тут кое-что нарыл, — дядя понизил голос. — Советники Хатами недавно проводили закрытую встречу с лидерами зороастрийской общины. Зачем? Официально — для диалога религий. Но зороастризм — это не просто религия. Это матрица, первоисточник. Свет и тьма, Ахура Мазда и Ангра-Майнью. Дуализм, который потом перешёл в манихейство, в гностицизм, в катаризм. Все европейские ереси имеют зороастрийские корни.

— И что с того? — спросил Али. — Зороастрийцы — часть нашей истории. Они были здесь до ислама.

— Именно! До ислама. И некоторые хотят, чтобы они были после ислама. Понимаешь? Вернуться к «истокам». К «чистой» персидской традиции без арабского влияния. Это их план — разделить нас изнутри, противопоставить персидское исламскому... Или они ищут основу для новой, синкретической религии. Хотят взять нашу древнюю, доисламскую мудрость, смешать её с западной философией и создать «Ислам-лайт». Религию без шариата, где зороастризм станет фундаментом, а Ислам — лишь фасадом.

Один из европейцев, заметив их внимание, кивнул и улыбнулся. Джавад отвернулся.

Они сели в чайхане неподалёку. Джавад заказал себе чай без сахара.

— А французы, — продолжил Джавад. — Те самые французские интеллектуалы, которые приветствовали победу Хатами. Андре Глюксманн, Бернар-Анри Леви. Знаешь, что их объединяет? Все связаны с ложей «Великий Восток Франции». Самой влиятельной масонской организацией Европы. Они не помогают Хатами. Они его ведут.

— И ведут его в цифровой халифат, — подхватил отец, и Захра не могла понять, шутит он или уже нет. — Я читал об этом. Компьютерные технологии, которые продвигает Хатами, интернет для всех — это же идеальный инструмент контроля. Не наш, государственный, а их, глобальный. Новое «Мировое правительство» будет знать о каждом нашем шаге, о каждой мысли.

Захра слушала, пытаясь уловить логику в этом потоке связей.

— Да! — оживился Джавад. — Представь себе игру, в которую будут играть миллионы наших детей. Игра, где они будут строить империи, сражаться, принимать решения. Но правила игры напишем не мы. Они будут написаны в Калифорнии. И эти правила незаметно сформируют их сознание, их ценности. Это будет идеальная система программирования. А президент говорит:

интернет в каждую школу! А знаете, что такое интернет? Это паутина. World Wide Web. Всемирная паутина. И кто паук? Кто сидит в центре и чувствует каждую вибрацию нитей?.. Или кто сядет в этот центр?

— Тим Бернерс-Ли? — с иронией предположил Али. — Изобретатель веба?

— Не человек. Система. Искусственный разум, который неизбежно появится. Они создают глобальный мозг, и мы все станем его нейронами. Компьютерные игры — это тренировка. Они учат детей жить в цифровом мире, как в виртуальной реальности... и подчиняться правилам, которые кто-то написал.

Али вздохнул.

— Знаешь, Джавад, — сказал он, глядя на кафельный пол чайханы, как на плиту надгробия. — Любая теория — это как узор на этих плитках. Можно смотреть на него и видеть просто геометрию. А можно увидеть в переплетении линий скрытые буквы, слова, целые послания. И не только увидеть, но и найти им подтверждение. Человек так устроен. Он ищет смысл. И если не находит, то создаёт его сам.

— Так ты мне не веришь? — в голосе дяди прозвучала обида.

— Я верю, что ты видишь то, что видишь, — уклончиво ответил отец. — Но я хочу понять, это реальный узор или просто игра света и тени. Нам нужно больше данных.

Они помолчали. Потом Али сказал:

— В День объединения исламских учебных учреждений, 27 Аазара, в Исфахане будет конференция. Вы приедете?

— Конечно. Это же смотр будущего. Все университеты покажут своё лицо. И Захра сможет окончательно определиться с выбором.

Джавад посмотрел на племянницу.

— Выбирай физику, Захра. Точные науки. В них меньше места для манипуляций. Хотя... — он усмехнулся, — даже уравнение Эйнштейна можно прочитать как масонскую формулу. Энергия равна массе, умноженной на скорость света в квадрате. Свет в квадрате — это что? Свет света? Абсолютное просвещение?

Папа раскладывал пасьянс, и я смотрела, как его пальцы, привыкшие перелистывать страницы священных книг, теперь касались вырезок из

газет, фотографий, дядиных бумаг, как будто это были ядовитые насекомые. Он не верил, нет, он не верил, он просто хотел понять, понять логику, структуру, архитектуру этого невидимого здания, которое строил дядя в своей голове. Но чтобы понять архитектуру, нужно войти внутрь, а я боялась, что, войдя, он уже не сможет найти выход.

Туристы, сказал дядя, но я видела не туристов, я видела просто людей, мужчину и женщину, которые глядели на мечеть так, как смотрят на чудо, с восторгом, и их фотоаппараты щёлкали, пытаюсь украсть кусочек этой красоты, этого света, забрать с собой, но можно ли украсть свет, или можно украсть только его отражение?

Великий Восток, *Grand Orient*, и я представила себе солнце, встающее не там, где положено, а где-то в другом месте, во Франции, и это было неправильное солнце, искусственное, которое светит, но не греет, как говорил папа про улыбку некоторых политиков.

Компьютерные игры, и я вижу себя, как я сижу за экраном и управляю целой армией, целой цивилизацией, и это было так соблазнительно, быть богом в маленьком мире, где всё подчиняется твоей воле, и я понимаю, почему дядя так этого боится: потому что, научившись быть богом в игре, ты можешь захотеть стать им и в жизни. Или, что ещё хуже, ты можешь забыть, что есть настоящий Бог, потому что твой, пиксельный, бог будет проще и понятнее.

18 декабря, Исфахан, День объединения, и я не знаю ещё, что это будет последняя поездка всей семьёй, последний раз, когда мы будем вместе — папа, мама, дядя и я, и что через четыре месяца папа погибнет, и дядя будет до самой смерти винить в этом масонов, или зороастрийцев, или компьютеры, или всех сразу, а мама будет просто плакать, потому что когда умирает любовь твоей жизни, не важно, кто виноват, важно только то, что его больше нет. Но мы поедem в Исфахан, в эту половина мира, в город, где наука встретилась с верой, где обсерватории соседствовали с медресе, и я думала: может быть, там, в этой точке равновесия, папа найдёт ответ, который ищет. Или потеряет себя окончательно.

Узоры на плитке, говорил папа, и я смотрела на эти переплетения синего, бирюзового и золотого, и видела в них всё сразу: и геометрию Евклида, и спирали галактик, и карту заговора, и молитву, застывшую в камне. И я поняла, что он прав. Мир не таков, каков он есть. Мир таков, каким мы его видим. И самый страшный заговор — это заговор нашего

собственного разума, который заставляет нас видеть то, чего больше всего мы боимся.

Глава 9. Халифаты из стекла и кода

27 Азара 1376 г. (18 декабря 1997 г.)

Зимний Исфахан встретил их холодной, пронзительной ясностью. Небо было высоким и бледным, и воздух, лишённый летней пыли, казался хрупким, как тонкое стекло. В поезде отец почти не разговаривал. Он сидел, углубившись в свои бумаги — теперь это была уже не просто коллекция дядиных вырезок, а толстая папка, исписанная его собственным убористым почерком, полная схем и перекрёстных ссылок. Он больше не искал опровержения. Он искал подтверждения.

— Смотри, — сказал он Роксане, показывая на одну из схем. — Джавад прослеживает связь от тамплиеров через масонов к современным финансовым группам. Сначала это кажется безумием. Но если подумать... Орден тамплиеров был как первая транснациональная корпорация. У них были филиалы по всей Европе, своя банковская система, флот. Они были богаче королей.

— И их уничтожили именно поэтому, — заметила Роксана. — Не из-за ереси, а из-за денег.

— Именно. А теперь посмотри на современные компании. Они тоже богаче государств. И тоже неподконтрольны никому, кроме самих себя.

В Исфахане их встретил Джавад. Он выглядел бледным, но оживлённым, словно близость к разгадке давала ему силы бороться с болезнью.

— Хоссейн передал подарок будущей студентке, — сказал он, протягивая Захре свёрток.

Внутри оказалась книга в мягкой обложке. Une brève histoire de la chimie — «Краткая история химии» Айзека Азимова. На французском.

— Твой дядя сказал: ты хотела учить красивый язык, — усмехнулся дядя. — Вот тебе красота науки на языке революций.

Захра взяла книгу, ощущая её вес — не только физический, но и символический. Азимов, американский фантаст еврейского происхождения, писавший о науке. На французском языке. В подарок от дяди-торговца коврами через дядю-параноика. Это был весь их мир в одном предмете.

Технологический университет Исфахана был не похож ни на старый Тегеранский, ни на кристаллический «Шариф». Он выглядел новым. Слишком новым. Построенный с нуля, он местами всё ещё пах краской и бетоном, а в его архитектуре чувствовался размах, амбиция. Это была не просто кузница кадров. Это был инкубатор будущего.

На конференции, посвящённой Дню объединения, смешались два мира. По коридорам ходили почтенные имамы в тюрбанах и молодые, по-западному одетые преподаватели с ноутбуками в руках. Они вежливо кивали друг другу, но было видно, что они говорят на разных языках, даже произнося одни и те же слова на фарси.

— Посмотри на них, — тихо сказал Джавад Али. — Видишь противоречие? Имамы говорят о вечных истинах. Профессора — о прогрессе. Но что если это не противоречие, а синтез? Что если университеты — это новые медресе, с какой-то новой, пока нам неизвестной религией?

После официальной части они встретились в кафетерии со старыми знакомыми — богословом Мортезой Табризи и полковником Хашеми из КСИР.

— Мир меняется, — говорил Табризи, помешивая сахар в чае. — Посмотрите на Запад. General Electric, Shell, Microsoft, Exxon — эти корпорации фактически правят миром. «Буря в пустыне» — американцы ввязались в войну не ради свободы Кувейта, а ради нефти для Exxon и Shell.

— Но это меняется, — вступил Хашеми. — Microsoft не производит нефть, не добывает ресурсы. Они производят... что? Программы? Идеи? Код? И уже стали одной из самых дорогих компаний мира. Билл Гейтс богаче многих государств.

— Вот! — оживился Джавад. — Технологическим компаниям не нужны войны за ресурсы. Они будут воевать за мозги. За знания. За данные. И в этих знаниях не будет места для Бога.

Али задумчиво кивнул:

— Корпорации как новые халифаты... Интересная мысль. Генеральный директор, CEO, — это новый халиф. Он не избирается. Он назначается советом посвящённых — акционерами-совладельцами. И CEO управляют своими империями эффективнее, чем избранные президенты — странами. Посмотрите на Хатами. Его избрали семьдесят процентов, а он не может провести ни одной реформы. А Гейтс? Его никто не избирал, но он меняет мир.

— Может, в этом и план? — подхватил Джавад. — Запад понял, что прямая секуляризация в исламском мире не работает. Поэтому они поддерживают слабых лидеров вроде Хатами. Через нерешительного президента они хотят внедрить у нас свою модель. Модель «просвещённого правительства», которое на самом деле будет управляться не народом, а эффективными менеджерами, технократами. А университеты, построенные по их образцу, станут для них кузницей кадров.

— Но эффективность — это не всегда благо, — вмешалась Роксана, до этого молча слушавшая. — Что будет с теми, кто неэффективен? С инвалидами, с больными, со стариками? Если государство будет думать только об эффективности, оно превратится в корпорацию. А корпорация избавляется от нерентабельных активов.

— Роксана права, — неожиданно поддержал её полковник Хашеми. — Ислам учит милосердию. Заботе о слабых. Это наша сила, не слабость.

— Милосердие — это роскошь, которую могут позволить себе только сильные, — возразил Табризи. — Сначала нужно стать сильными.

— А Захра? — спросил Джавад, поворачиваясь к племяннице. — Ты войдёшь в этот мир университетов и корпораций. Как ты сохранишь веру?

Захра посмотрела на него, потом на отца:

— Папа научил меня искать Бога в числах. Может, я найду Его и в формулах?

— Не волнуйся за неё, — с улыбкой сказал Али, положив руку на плечо дочери. — Она слишком умна, чтобы поддаться простым соблазнам. И её же воспитал богослов, а не торговец.

Но в его голосе была тревога. Словно он видел будущее, где его дочь будет стоять перед выбором между верой отца и знанием мира.

Исфахан зимой, снег на куполах мечетей, как сахарная пудра на восточных сладостях, и мы едем через пустыню, которая спит под лоскутами белого одеяла, и папа раскладывает свои бумаги, как раскладывают карты Таро, пытаясь прочесть будущее, но будущее уже написано, только мы не умеем его читать, или не хотим, потому что знание будущего — это проклятие, не благословение.

Азимов на французском, «Краткая история химии», и я думала: почему краткая? Разве можно кратко рассказать о том, как человек научился

превращать одни вещества в другие, как китайские алхимики искали эликсир бессмертия, а нашли порох, как Мария Кюри искала радий, а нашла смерть от радиации, как химия дала нам лекарства и яды, пластик и напалм, как она изменила мир больше, чем все революции и войны?

Имамы и профессора за одним столом, чёрные чалмы и европейские галстуки, и это как встреча двух эпох, которые говорят на разных языках, но о одном и том же — о власти над умами, только имамы апеллируют к вечности, а профессора — к прогрессу, но что такое прогресс, как не движение к неизвестной цели, которую мы придумываем по ходу движения?

General Electric, Shell, Microsoft, Exxon — имена новых богов, которым поклоняется мир, и у каждого своя сфера: GE — электричество, Shell — нефть, Microsoft — информация, и они делят мир, как олимпийские боги делили небо, землю и подземное царство, только теперь это не мифология, а экономика, но разве экономика — это не новая мифология, где невидимая рука рынка заменила перст судьбы?

СЕО как халифы, и я представляла Билла Гейтса в чалме, сидящего на троне из компьютеров, и это смешно, но не очень, потому что власть — она везде одинакова, просто меняет костюмы, и может быть, дядя прав, и скоро не будет разницы между президентом и директором, между государством и корпорацией, между гражданином и сотрудником.

Мама говорила про больных и инвалидов, и я думала: а что если корпорации-халифаты не будут бороться с несогласными? Гораздо проще, и дешевле, дать им построить своё государство — социалистическое, коммунистическое, какое угодно, пусть живут в своём заповеднике, как индейцы в резервациях, как амиши в Пенсильвании, как хиппи в коммунах, главное — чтобы не мешали основному потоку, не снижали общую эффективность.

И может быть, это не так плохо? Мир, разделённый не по национальному или религиозному признаку, а по выбору: хочешь эффективность — иди в корпорацию, хочешь справедливость — иди в коммуну, хочешь веру — иди в общину верующих, и каждый найдёт своё место, свою нишу, свой рай или ад, в зависимости от того, что он считает раем, а что адом.

Но папа говорит, что я слишком умна, и он воспитал меня, богослов, а не торговец, и я думаю: но разве ум — это защита? Разве самые умные не совершают самых страшных ошибок? И разве воспитание богослова

защитит меня от соблазнов науки, от красоты формул, от элегантности уравнений, которые описывают мир без необходимости в Боге?

Я найду Его в формулах, сказала я, но что если формулы — это язык, на котором Бог объясняет своё отсутствие? Что если формула Эйнштейна — это не откровение, а прощальная записка: «Я дал вам законы, дальше справляйтесь сами»?

Эффективность против милосердия, прогресс против традиции, знание против веры, и мы сидим в кафетерии исфаханского университета, и я знаю, что через несколько лет буду сидеть здесь же, но уже студенткой, и буду изучать физику, и создам семью, и я буду работать с ураном, и однажды меня будут допрашивать о том, откуда я знала о смерти человека, которого ещё нет за этим столом, Рустама, который появится в моей жизни позже, гораздо позже, как появляется радиоактивный изотоп — незаметно, но неизбежно меняя всё вокруг.

Глава 0. Теория всего

25 Бахмана 1376 г. (14 февраля 1998 г.)

В день, когда Захре исполнилось пятнадцать, дом наполнился гостями и запахом шафранового плова. Пятнадцать лет. Возраст, когда ты уже не смотришь на мир снизу вверх, а стоишь с ним наравне, и он открывается тебе во всей своей сложности и хрупкости. Дядя Хоссейн с женой приехали из Тегерана, привезли в подарок французские духи и шёлковый платок. Дядя Джавад тоже был там. Он выглядел лучше, чем в последние месяцы — лекарства, видимо, помогали. Или это была та обманчивая ремиссия, которую болезнь иногда дарует перед финальным ударом.

После ужина, когда женщины ушли на кухню, мужчины остались в гостиной. И разговор, как всегда, свернул в знакомое русло. Но теперь это был не спор. Это был доклад. Али, отец Захры, раскладывал перед Хоссейном их общую с Джавадом теорию, и его голос, обычно мягкий и ироничный, звучал с твёрдостью и убеждённостью.

— Ты не понимаешь, Хоссейн, — говорил он. — Это не просто политика. Это — теология. Это война за душу Ирана.

— Опять вы за своё, — вздохнул практичный Хоссейн. — Какие войны? Хатами — слабый президент, консерваторы его скоро съедят. Все как всегда.

— Нет, — вмешался Джавад. — Он не слабый. Он — симптом. Симптом новой болезни. Мы слишком укоренены в вере. Поэтому они создают

тройского коня. Симулякр. Они предложат нам ультраконсервативную идеологию, но без Ислама!

— Как это — без Ислама? — спросил Хоссейн.

— Очень просто, — это был голос Али. — Они возьмут всё внешнее — строгую мораль, патриархат, традиционные ценности, иерархию, даже антисемитизм и ксенофобию. Всё, что делает нас «отсталыми» в их глазах. Но уберут главное — Аллаха. Трансцендентное. Священное.

Захра, помогавшая матери на кухне, слышала их голоса через приоткрытую дверь. Голоса становились громче, горячее.

— Запад понял, что прямая секуляризация, атеизм, в исламском мире не работает! — почти кричал Джавад. — Их цель — заменить наш истинный, божественный консерватизм на их псевдотрадиционализм западного образца! Это заговор против самого Ислама!

— Мы называли это «Молдбаг» (قالب کهنه), — подхватил голос отца, теперь уже серьёзный, лишённый иронии. — «Старая форма». Они берут нашу старую, привычную форму — строгую мораль, патриархат, традиционные ценности — но наполняют её новым, чуждым содержанием. Это их Зулмати Рошангари (ظلمتی روشنکاری). Их «Тёмное просвещение».

— Они хотят дать нам все, что есть в Исламе, — повторял Джавад, — но без Аллаха! Их богом будет эффективность, прогресс, рынок! Это будет выглядеть как наша победа, как триумф традиции, но на деле — их окончательная победа! Наша собственная культура, превращённая в оружие против нас!

— Джавад, успокойся, — это был голос Хоссейна. — Ты пугаешь всех.

— Я должен пугать! Страх — это последнее, что у нас осталось! Страх потерять веру!

На кухне Марьям нервно резала пирог:

— Они слишком увлеклись. Каждый раз всё хуже.

— Это болезнь, — тихо сказала Роксана. — Не только Джавада. Али тоже болен. Болен этой идеей.

Дядя Хоссейн молчал — он слушал. Слушал двух таких противоположных людей, которые неожиданно нашли, что-то общее, то, что их по-настоящему сблизило.

— И чтобы этот план сработал, — закончил Али, и его голос прозвучал так тихо и страшно, что Марьям замерла с ножом в руке, — им нужно убрать тех, кто видит эту подмену. Они убьют настоящих традиционалистов, настоящих богословов, чтобы заменить их своими, ручными псевдоконсерваторами. Теми, кто будет вести народ к Западу, прикрываясь знаменем традиции без Бога.

Последние слова прозвучали так отчётливо, что Захра с вилкой над тортом перестала есть. Она посмотрела на мать и увидела в её глазах неподдельный ужас. Это была уже не теория. Это было пророчество. Самоисполняющееся пророчество.

И в тот день, в свой пятнадцатый день рождения, она поняла, что её отец и дядя больше не играют в интеллектуальные игры. Они написали новую суру для своей собственной, тёмной религии.

Мне пятнадцать и это мой день рождения и дядя Хоссейн дарит мне французские духи «Poison», «Яд», и я думаю какая ирония, и я нюхаю их и они пахнут не ядом, а цветами и мёдом, но может быть яд всегда так пахнет, сладко и соблазнительно, как идеи дяди Джавада, которые тоже яд, или лекарство, я ещё не знаю.

Старая форма, калиб-е кохне, и я представила себе глиняный кувшин, древний, покрытый трещинами, из которого вылили старое вино, вино веры, и налили новое, прозрачное, без цвета и запаха, но такое же пьянящее, вино эффективности и порядка. И люди будут пить из этого кувшина, думая, что пьют то же самое вино, что и их предки, не замечая подмены.

Они построили её. Свою теорию. Они даже называли это так, чтобы слышать одновременно чужое имя и собственную метафору. И она была изящной, как уравнение Шрёдингера, и такой же пугающей. Она объясняла всё: победу Хатами, книги в университетах, компьютерные игры, молчание Запада. В ней не было ни одного слабого места. Это была идеальная замкнутая система, безупречная в своей параноидальной логике. Они создали интеллектуальную машину, которая могла переварить любой факт и превратить его в доказательство своей правоты. Они создали заговор против ислама, и теперь этот заговор был реальнее самого ислама.

«Они убьют настоящих консерваторов», — сказал папа, и я знала, я чувствовала, о ком он говорит. Он говорил о себе. И я знала, что через полтора месяца, до конца весны, его не станет. Я знала это не как пророчество, а как факт из будущего, который почему-то вторгся в моё настоящее. Я знала, что это будет автокатастрофа. Грузовик, уснувший

водитель, встречная полоса. Он погибнет мгновенно. Не будет мучиться. Это было единственным утешением в этом знании, которое было холодным, как лёд, и тяжёлым, как свинец.

Но до этого дня у них ещё было время. Полтора месяца. Время, чтобы дописать свою теорию, изложить её на бумаге, превратить из устных бесед в стройную концепцию, в философский доклад, в документ. В их общее завещание. И я знала, что они это сделают. Потому что идеи, однажды родившись, требуют, чтобы их записали. Чтобы они могли жить дальше, даже когда их создателей уже не будет.

И я думаю: может быть, это и есть бессмертие? Не душа, которая улетает в рай, а идея, которая остаётся на земле и продолжает свою работу, прорастая в умах других людей, меняя мир, разрушая его или спасая. И может быть, папа и дядя, сами того не зная, создали не просто теорию заговора. Они создали вирус. И уже тогда он ждал своего часа, чтобы вырваться на свободу.

Эпилог

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ РУКОПИСИ А. ФЕРЗАЛИ И Д. ГАФАРИ «АРХИТЕКТУРА ТЕНИ: АНАЛИЗ ЗАПАДНОЙ МЕТАПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ»

(Шираз, зима 1376 г. / 1998 г.)

ГРИФ: ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

ПРЕАМБУЛА:

Настоящий документ представляет собой анализ новой, скрытой угрозы Исламской цивилизации. Угроза исходит не от традиционного западного либерализма, который является лишь фасадом, а от его теневой, эзотерической доктрины, которую мы условно обозначаем как «Зулмати Рошангари» (ظلمتی روشنکاری) — «Тёмное Просвещение». Её цель — не уничтожение традиции, а её подмена: создание симулякра традиционного общества, лишённого божественного начала.

I. ДОКТРИНА: КОРПОРАТИВНЫЙ ХАЛИФАТ

Основным принципом «Тёмного Просвещения» является отказ от демократии как от неэффективной власти посредственности. Взамен предлагается модель «Государства-Корпорации», управляемого авторитарным лидером — «Генеральным директором-Монархом» (CEO-Монарх).

Принцип управления: Государство рассматривается не как общность верующих, а как коммерческое предприятие, главная цель которого — эффективность и прибыль. Законы шариата заменяются корпоративными регуляциями, мораль — рыночной целесообразностью.

Экономическая модель: Неограниченное развитие капитализма и технологий, не сдерживаемое этическими и религиозными нормами. Технологический прогресс становится самоцелью, новым божеством.

Социальная структура: Провозглашается возврат к иерархии, но не божественной, а основанной на «биологической реальности». Идеи «научного расизма» и евгеники (под видом оптимизации «человеческого капитала») становятся основой для разделения общества на касты «эффективных» (элита) и «неэффективных» (массы).

II. МЕХАНИЗМ: «ДЖАМЕ КЕЛИСА» (جامع كليسا) — «СОБОР»

Для распространения и поддержания своей доктрины «Тёмное Просвещение» использует децентрализованную сеть влияния, которую мы называем «Собор» или «Вселенская Церковь Ереси». Это неформальная власть, действующая параллельно официальным государственным институтам.

Духовенство «Собора»: Роль священников и мулл в этой системе выполняют профессора ведущих университетов, журналисты влиятельных СМИ и деятели культуры. Они формируют общественное мнение и определяют, что является «истиной», а что — «ересью».

Священные тексты: Современные «прогрессивные» ценности (радикальный феминизм, мультикультурализм и т.д.) подаются не как политические взгляды, а как непреложные моральные догматы новой секулярной религии.

Инквизиция: Отступники, сомневающиеся в догматах «Собора», не подвергаются физическому насилию. Их предают социальному ostracismu, лишают карьеры и голоса в обществе. Это современная форма отлучения от Ислама.

«Глубинное государство»: Бюрократический аппарат и спецслужбы Запада, не подотчётные избранным лидерам, служат стражами «Собора», обеспечивая стабильность системы и нейтрализуя реальные угрозы.

III. МЕТОД: «МОЛДБАГ» (قالب كهنه) — «СТАРАЯ ФОРМА» / ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Понимая невозможность прямой атаки на Ислам, «Собор» применяет стратегию подмены.

Поддержка «слабого реформатора»: Внедрение в руководство страны лидера (подобного Хатами), который своими призывами к «диалогу» и «свободе» ослабляет идеологический иммунитет нации.

Проникновение идей: Через открытые каналы (университеты, СМИ, культурный обмен) «Собор» начинает транслировать свои ценности, маскируя их под традиционные и общечеловеческие.

Создание «управляемой оппозиции»: Финальная стадия. Вращивание внутри страны псевдо-традиционалистского движения, которое будет использовать консервативную риторику (семья, порядок, иерархия), но его конечной целью будет построение «Государства-Корпорации» без Аллаха. Для этого потребуется избранный лидер, который, придя к власти демократическим путём, введёт чрезвычайное положение, отменит Конституцию и «приватизирует» государство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

«Тёмное Просвещение» — это самая изощренная угроза, с которой сталкивался Ислам.

План врага гениален в своём коварстве. Сначала с помощью «Собора» и «диалога цивилизаций» (в лице лидеров вроде Хатами) они ослабляют нашу веру, вносят раскол в общество. А затем, когда общество устанет от хаоса и «свободы», они предложат нам «спасение» — «Тёмное просвещение». Они предложат нам сильную руку, порядок, традиционные ценности, иерархию — всё, по чему мы будем тосковать. Но это будет форма без содержания. Традиция без Бога. Порядок без справедливости. Сила без милосердия.

Это будет выглядеть как наша победа. Но это будет их окончательный триумф. Они заменят истинных носителей веры на своих менеджеров, а мечети — на офисы корпораций. Это архитектура проклятия, замаскированная под крепость традиции. И это будет последний джихад — джихад за душу, который мы рискуем проиграть, даже не поняв, что война уже закончилась.

Постскриптум

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН

МИНИСТЕРСТВО РАЗВЕДКИ (ВЕВАК)

ОПЕРАТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ГРИФ: ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

ИСХ. № 145/ТР-К/ФАЗА-2

Экз. № 2

Кому: [УДАЛЕНО]

Дата: 25 Абана 1391 г. (15 ноября 2012 г.)

Тема: Промежуточный отчёт по активным мероприятиям. Операция «Троянский конь», Фаза II (Внедрение).

1. ОБЩАЯ ОЦЕНКА:

По совокупности индикаторов (OSINT/HUMINT) внедрение идеологического конструкта «Тень Разума» (далее — ТР), разработанного на основе теоретического наследия покойных полковника Д. Гафари и доктора А. Ферзали, в нишевые интеллектуальные сообщества США (целевые сегменты: либертарианцы, техно-оптимисты) можно считать состоявшимся.

2. МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ:

Используя материалы, изначально разработанные как предупреждение об угрозе исламскому миру, аналитическим отделом была создана инвертированная версия доктрины для западной аудитории. Ключевые тезисы (критика демократии, идея «Государства-Корпорации», элитаризм) были адаптированы и лишены исламского контекста.

Первичные ретрансляторы (объект «Y.» / К. Ярвин, др.) с 2011–2012 г.г. устойчиво воспроизводят тезаурус ТР под маркерами «неореакция» / «тёмное просвещение». Влияние осуществлялось преимущественно косвенными стимулами через партнёрские каналы [ПАРТНЕР-1], [ПАРТНЕР-2]. Степень прямого контроля — низкая; оценка причинно-следственной связи: вероятная ($P \approx 0.7$).

Примечание: Особо эффективным оказалось использование термина «Молдбаг» (کهنه قالب – «старая форма»), который объект «Y.» выбрал в качестве псевдонима, предположительно не подозревая о его персидском происхождении и первоначальном значении в доктрине.

3. ОЦЕНКА ПОБОЧНОГО УЩЕРБА:

Побочный ущерб при НИОКР концепции (инцидент с доктором А. Ферзали, «Богослов», 1376/1997 г.) признан незначимым для итоговых целей операции (см. Фазу I, п. 4.3). Психологические последствия у родственника 1-й

степени («Физик» / д-р З. Мусави), проявившиеся в тот период, классифицированы как уязвимость типа L-F («латентный ресурс»). При необходимости данная уязвимость может быть конвертирована в оперативную ценность.

4. РЕКОМЕНДАЦИИ:

Перейти к Фазе III (амплификация в медиасредах 2-го эшелона; обратный импорт дискурса в регион через академические/дипломатические площадки).

Подготовить материалы «размытой» атрибуции для сокрытия первоисточника доктрины.

Продолжить пассивное наблюдение за объектом «Физик» (категория 2). Она может оказаться полезной, когда придёт время для Фазы IV (практическая дестабилизация).

Начальник Оперативно-аналитического управления

[Подпись]

ЛИЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ (НЕ ДЛЯ АРХИВА)

(Записка от руки на отдельном листе, прикреплённом к отчёту)

Два иранских интеллектуала, богослов, погибший в случайной автокатастрофе, и мой коллега, скончавшийся от рака, создали теорию для защиты исламской цивилизации. Они боялись, что Запад предложит нам традицию без Бога.

Мы взяли их щит, перековали его в меч и направили против тех, от кого они хотели защититься. Мы предложили Западу его собственную традицию без Бога, и они приняли её как спасение от самих себя.

Если бы Али и Джавад знали, что их самые страшные кошмары станут реальностью — только не для Ирана, а для Америки, — оценили бы они иронию? Или ужаснулись бы тому, что их предупреждение стало инструкцией к действию?

Иногда мне кажется, что Бог все-таки играет в кости. И у него очень чёрное чувство юмора.

Подполковник КСИР

Асадолла Алави

Глоссарий

Календарь и даты:

- Персидский календарь — солнечная система летоисчисления, принятая в Иране.
- Начинается с весеннего равноденствия (Навруз). 1376 год = 1997-1998 гг.
- Хордад, Ордибехешт, Азар, Бахман — названия месяцев персидского календаря.

Исторические фигуры и события:

- Мохаммед Хатами (род. 1943) — президент Ирана 1997-2005 гг., сторонник либеральных реформ и «диалога цивилизаций».
- Али Акбар Натек-Нури (1943-) — консервативный политик, проиграл Хатами на выборах 1997 года.
- Салман Рушди — британско-индийский писатель, автор романа «Сатанинские стихи» (1988), вызвавшего фетву аятоллы Хомейни.
- Томас Карлайл (1795-1881) — британский писатель и историк, автор работы «Герои и почитание героев».
- Рене Генон (1886-1951) — французский философ-традиционалист, теоретик «примордиальной традиции».
- Юлиус Эвола (1898-1974) — итальянский философ-традиционалист, теоретик «духовной аристократии».

Религиозные и философские термины:

- Рошанфекри (روشنفکری) — «просвещение» на персидском языке.
- Ишрак — суфийская философия озарения, «философия света».
- Шариф — Технологический университет им. Шарифа (бывш. Арьямехр).
- Медресе — исламское учебное заведение.
- Фетва — религиозно-правовое заключение в исламе.
- ВЕВАК — Министерство разведки Ирана.
- КСИР — Корпус стражей Исламской революции.
- Басидж — народное ополчение при КСИР.

Философские концепции (из повести):

- «Зулмати Рошангари» (ظلمتی روشنکاری) — «Тёмное Просвещение»: Название, которое Али и Джавад дают предполагаемой тайной доктрине Запада. Её суть — не уничтожить традицию, а подменить её, создав симулякр консервативного общества, но без Бога и священного начала.
- «Молдбаг» (قالب کهنه) — «Старая Форма»: Метод «Тёмного Просвещения». Идея заключается в том, чтобы взять внешнюю, «старую форму» традиционных ценностей (патриархат, иерархия, порядок), но наполнить

её новым, чуждым содержанием (рыночная эффективность, корпоративное управление, технократия).

- «Корпоративный Халифат»: Конечная цель заговора, по мнению Али и Джавада. Это модель государства, которое управляется как транснациональная корпорация авторитарным «СЕО-Монархом», где мораль заменена эффективностью, а граждане — «человеческим капиталом».
- «Собор» (Джаме Келиса — جامع كليسا): Название для неформальной сети влияния (университеты, СМИ, культурные институты), которая, по теории, продвигает на Западе новую секулярную религию «прогрессивизма» и готовит почву для «Тёмного Просвещения».

Персидские/арабские выражения:

- Джан/джанам — «душа моя», ласковое обращение.
- Азизам — «дорогой/дорогая моя».
- Ходахафез — «прощай» (букв. «храни тебя Бог»).
- Салам алейкум — исламское приветствие.
- Бисмиллях — «во имя Аллаха».
- Харам — запрещённое в исламе.
- Русари — головной платок, более свободный чем хиджаб.
- Чадор — традиционное женское покрывало.
- Манто — длинная женская верхняя одежда.

Литературные и культурные отсылки:

- Хафиз Ширази (1315-1390) — великий персидский поэт-лирик.
- Руми (1207-1273) — персидский поэт-мистик и суфий.
- Омар Хайям (1048-1131) — персидский поэт, математик и философ.
- «Сады расходящихся тропок» — рассказ Хорхе Луиса Борхеса.
- Гириха — геометрические узоры в исламском искусстве.

Географические названия:

- Шираз — город в южном Иране, центр провинции Фарс, город поэтов.
- Исфахан — город в центральном Иране, бывшая столица, «половина мира».
- Заферание — престижный район северного Тегерана.
- Джолфа — армянский квартал в Исфахане.
- Зайендеруд — река в Исфахане.
- Проспект Чахарбаг — главная улица Исфахана.

Современные интеллектуальные фигуры (упоминаются в прологе):

- Кертис Ярвин (Mencius Moldbug) (род. 1973) — американский программист и политический мыслитель, основоположник неореакционного движения. Под псевдонимом Mencius Moldbug вел блог «Unqualified Reservations» (2007-2014), где критиковал демократию и предлагал модель государства-корпорации. Выступает за замену демократических институтов авторитарным технократическим правлением по образцу успешных корпораций. Его идеи повлияли на части Кремниевой долины и альт-райт движения.
- Ник Лэнд (род. 1962) — британский философ, один из создателей акселерационизма и теоретик «Тёмного Просвещения». Бывший преподаватель Уорикского университета, автор работ о технокапитализме и постчеловеческом будущем. Выступает за ускорение технологического развития как способ преодоления современных политических и социальных систем. Его работы сочетают философию Делёза, киберпанк и правые политические идеи.
- Питер Тиль (род. 1967) — американский предприниматель и венчурный капиталист немецкого происхождения, сооснователь PayPal, первый внешний инвестор Facebook. Автор книги «От нуля к единице» о стартапах и инновациях. Открытый критик демократии («конкуренция — это для неудачников»), сторонник технологического ускорения и радикального продления жизни. Финансирует различные либертарианские и трансгуманистические проекты, включая создание искусственных островов-государств.
- Неореакция/NRx — интеллектуальное движение 2000-2010-х годов, критикующее современную демократию и либерализм. Сторонники выступают за возврат к иерархическим формам правления, но на технократической, а не традиционно-религиозной основе.
- «Темное Просвещение» — термин, популяризированный Ником Лэндом для обозначения интеллектуального движения, которое принимает рациональность Просвещения, но отвергает его эгалитарные и демократические выводы.
- «Собор» (The Cathedral): Термин, введенный Ярвином для описания децентрализованной, но идеологически единой сети влияния (ведущие университеты, СМИ, госаппарат), которая, по его мнению, формирует общественное мнение на Западе и продвигает «прогрессивизм» как секулярную религию.

Научные концепции (используемые метафорически):

- Принцип неопределённости Гейзенберга — квантовомеханический принцип о невозможности точного одновременного измерения положения и импульса частицы.

- Броуновское движение — хаотичное движение частиц в жидкости.
- Фазовый переход — изменение агрегатного состояния вещества.
- Изотопы — разновидности атомов одного элемента с разным числом нейтронов.
- Спираль Фибоначчи — математическая кривая, основанная на последовательности Фибоначчи.
- Уязвимость L-F чаще всего расшифровывается как LFI (Local File Inclusion, локальное включение файлов) и возникает, когда веб-приложение позволяет включать локальные файлы сервера в свой код без должной проверки. Это даёт злоумышленникам возможность считывать конфиденциальные файлы с сервера, изменять его конфигурацию и даже выполнять вредоносный код, что может привести к краже данных, потере сайта и повреждению репутации.

Фордо

Аврора над пустыней

14 Тира 1404 г. (5 июля 2025 г.)

В ту ночь, когда небо расколосось, я видела Северное сияние.

Оно было здесь, над пустыней Деште-Кевир, над растрескавшейся глиной Ирана, где дожди забыли дорогу ещё до моего рождения. Оно танцевало зелёными и фиолетовыми лентами, извиваясь, как призрачные змеи. Оно двигалось медленно, как дыхание огромного зверя, который проснулся под землёй и теперь дышит нам в лицо. Оно не было похоже на то, что показывают в документальных фильмах про Норвегию. Оно было грязным, как бензин в луже. Невозможным. И красивым до тошноты. Как будто Аллах вывернул небо наизнанку и показал его внутренности.

Мне никто не поверил.

Тётя Нилу — госпожа Нилуфар Йезди, которая просит всех, чтобы её звали тётя Нилу — сказала, что это просто отсветы пожаров. «Нефтехранилища горят, деточка. Или склады боеприпасов. В Куме, говорят, всё небо красное». Она месила тесто, и её руки, белые от муки, напоминали руки призрака. Она пыталась создать хлеб из пыли и страха, и у неё это получалось.

Зейнаб не поверила, потому что спала. В свои четырнадцать лет она обладает сверхспособностью игнорировать конец света, если он не транслируется в ТикТоке. Она лежала на матрасе, свернувшись калачиком, с наушниками в ушах, слушая какой-то новый мальчишеский К-рор, который записали в мире, которого, возможно, уже не существует. Батарейка в её плеере садится. Когда она сядет окончательно, Зейнаб проснётся в тишине, и это будет самый громкий крик в истории.

Захир не поверил. Захир, который дежурил в ту ночь на блокпосте у въезда в деревню, потом клялся, что ничего не видел. Только вспышку, как будто солнце взошло с севера. Он сказал, что я перегрелась на солнце. «Насрин-джан, иди спать. Ночью тени играют с разумом злые шутки». Он смотрел на пустую дорогу, будто ожидая врагов, но враг уже был здесь. Враг был в небе, в воздухе, в самой структуре света.

А я той ночью сидела на крыше и смотрела, как аврора бореалис лижет верхушки гор Загрос. Я знала, что это значит. Это не чудо. Это ионизация. Это

магнитная буря, вызванная тем, что случилось там, на севере, в Фордо. Небо кровоточило электронами.

А потом пошёл дождь.

Впервые за три года засухи, превратившей деревню в пыльную чашу. Капли были тяжёлыми, маслянистыми, тёплыми. Они падали на сухую землю с шипением, как слюна дьявола на раскалённую сковороду. Люди выбегали из домов, подставляли лица, ладони, ведра. Они смеялись и плакали. «Рахмат! Милость Аллаха!» — кричали они. Тётя Нилу вынесла тазы.

А я стояла под навесом и дрожала. Потому что я дочь физика. И внука богослова. И я знаю, что дождь после Северного сияния в пустыне — это не милость Аллаха. Это приговор. Это атмосфера, выблёвывающая то, что в неё закачали.

Но я не знаю, радоваться этому дождю или нет. Поливает ли он наши посевы или убивает их? Смывает ли он грехи или пропитывает землю ядом, который будет светиться в темноте через тысячу лет?

Связи нет уже две недели. Мобильные молчат — мёртвые кирпичи. Интернет исчез, как Атлантида. Даже Старлинк, этот белый чемоданчик надежды, который привёз генерал Алави, молчит. Диод не горит. Спутники Маска ослепли или сгорели, или просто отвернулись от нас, решив, что Иран больше не заслуживает быть онлайн.

Генерал Алави. Добрый дедушка с глазами волкодава. Он оставил нам этот терминал и папки. Несколько пачек документов с грифом «Совершенно секретно». Наверное, он думал, что это наша страховка. Или наше наследие.

Я читаю их при шуме генератора, пока дождь барабанит по крыше, отбивая ритм распада.

Читаю досье на собственную мать.

«Уязвимость типа L-F (латентный ресурс)».

Какая прелесть. Эти ублюдки в черных костюмах, эти архитекторы теней, говорят о моей маме, как о баге в программном коде, как об ошибке компиляции, которую можно эксплуатировать. Они разобрали её душу на байты, классифицировали её страхи, индексировали её любовь. Она для них не человек. Она — функция. Переменная в уравнении, которое они решали тридцать лет.

Интересно, а ревность моего отца они классифицировали как «уязвимость типа J-H (jealous husband)»? Или как «критический сбой в системе безопасности»?

Они превратили нашу семью в набор аббревиатур. L-F. HUMINT. OSINT. И теперь, сидя в этой глиняной хижине, слушая, как радиоактивный дождь стучится в окно, я читаю некролог по нашему детству, написанный на сухом, бездушном канцелярите спецслужб.

Мы даже не знаем, живы ли они. Мама, папа. Адиль. Они остались там, в эпицентре.

Может быть, они уже стали тенями на стене, как в Хиросиме, про которую рассказывала мама. Может быть, они превратились в свет, в тот самый свет, который я видела тем ранним утром в ещё ночном небе. Зелёный и фиолетовый. Красный... Папа и мама, танцующие в ионосфере, освобождённые наконец от лжи, от долга, от гравитации вины.

Дождь усиливается. Он пахнет не озоном и не пылью. Он пахнет металлом. Ржавым, старым железом. Как вкус крови во рту.

Тётя Нилу зовёт меня пить чай. Чай с дождевой водой.

— Иду, тётя Нилу, — кричу я.

Я закрываю папку. «Уязвимость типа L-F».

Нет, мама. Ты не уязвимость. Ты была единственным, что удерживало этот мир от распада. Ты была сильным взаимодействием, которое держало ядро вместе. А теперь тебя нет, и мы распадаемся. Период полураспада семьи Мусави подходит к концу.

Я иду пить чай. Если это конец света, то пусть он будет с привкусом кардамона.

Чаепитие с тенью

17 Мехра 1402 г. (9 октября 2023 г.)

Октябрь в Исфахане был похож на затянувшееся прощание: небо выцветало медленно, как старая фотография, а воздух по вечерам становился прозрачным и гулким, словно кто-то невидимый вынул из города весь шум, оставив только эхо. Осень в городе всегда похожа на старую женщину, которая всё ещё помнит, какой красавицей она была когда-то. Платаны на проспекте

Чахарбаг теряли листья медленно, нехотя, как будто прощались с каждым по отдельности.

Амирхан Мусави любил это время. В сумерках город казался декорацией к спектаклю, который давно сняли с репертуара, и в этой пустоте было легче дышать. После смерти Рустама Йезди его собственный дом превратился в такую же декорацию. Захра, его жена, стала похожа на запертую комнату: фасад остался прежним, но окна были наглухо зашторены, и никто, даже он, не знал, живёт ли там кто-нибудь до сих пор. Она двигалась по комнатам бесшумно, как сквозняк, и её молчание было плотнее, чем стены.

Поэтому теперь он не спешил домой.

Он сидел за шатким столиком уличного кафе «Хафез», глядя, как в стакане с чаем плавает ломтик лимона — маленькое, сморщенное солнце в янтарной вселенной. Столик стоял у стены, под навесом из виноградной лозы, уже почти голый. Чай остывал, покрываясь тонкой плёнкой времени. Чуть поодаль двое студентов что-то обсуждали, размахивая руками; напротив них какой-то мужчина читал газету, складывая её после каждой статьи, как будто опечатывал прочитанное.

— Простите, — голос был тихим, но в нем слышалась привычка быть услышанным. — У вас свободно? Внутри душно, а старость требует воздуха, даже если он полон пыли.

Амирхан поднял глаза.

Перед ним стоял пожилой мужчина. Лет шестидесяти, может быть, чуть больше. В тёмно-сером костюме, который видел лучшие времена, но всё ещё держал форму. С лицом, на котором усталость и печаль были так давно, что стали чертами характера. Он держал в руке чашку кофе — эспрессо, судя по размеру, — и смотрел на Амирхана с той особой вежливостью, которая предшествует вторжению.

— Пожалуйста, — сказал Амирхан, чуть отодвигая свой чай ближе к краю стола.

Незнакомец сел. Он двигался с осторожностью человека, который носит своё тело как хрупкий сосуд.

— Кофе, — сказал он, глядя в чашку. — Врачи говорят, я должен бросить. И курить тоже. Сердце, говорят они, это не вечный двигатель. Но что они знают о сердце? — Он грустно усмехнулся, доставая пачку «Gitanes». — Человек — это

сумма его привычек. Отнимите у меня кофе и табак, и что останется? Пустота в сером костюме.

Он закурил. Дым был синим и едким, он пах Парижем, каштанами и чужими тайнами.

— Знаете, — продолжил незнакомец, отпивая кофе, — есть такая история о человеке, который всю жизнь следил за другими. А потом обнаружил, что за ним следят тоже. И он не знал, кто начал первым. Это очень персидская история, не правда ли? Круг. Или спираль.

Амирхан напрягся. Рука, державшая стакан, замерла.

— Мы знакомы?

Незнакомец выпустил струю дыма в сторону угасающего неба.

— Знакомство — это условность. Мы знаем друг друга так, как две фигуры на шахматной доске знают свои ходы. Мы пересекаемся, но не соприкасаемся.

Он помолчал, стряхивая пепел с сигареты с аккуратностью хирурга.

— Господин Мусави, мы знаем, что вы организовали слежку за доктором Йезди. У нас есть все доказательства: приказы, отчёты ваших людей, их маршруты. Мы знаем даты. Мы знаем имена. Это была хорошая работа. Методичная.

Амирхан почувствовал, как холод, таившийся в осеннем воздухе, просочился ему под рубашку.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Понимаете, — мягко возразил незнакомец. — Это преамбула. Сюжет начинается сейчас. В ночь убийства ваш человек, Реза Табризи, прекратил наблюдение ровно за час до... финала. Он доложил, что «потерял объект». Какая ирония. А через час доктора Йезди нашли мёртвым. Убитым. Официальная версия — ограбление.

Он сделал паузу, глотнул кофе, словно смакуя горечь момента.

— Вы же профессионал, господин Мусави. Вы верите в такие совпадения? В то, что вселенная вдруг решила подыграть вам с такой пугающей точностью?

Амирхан молчал. В его голове рушились стены. Чай в стакане казался теперь не янтарём, а прошлогодней соломой.

— Вы меня обвиняете?

— Боже упаси. Я не прокурор. Я не утверждаю, что вы отдали приказ. Я вообще ничего не утверждаю. Но представьте, как эту историю прочтут люди из КСИР. У них нет воображения, господин Мусави, у них есть только инструкции. Ваш человек следит за физиком-ядерщиком. Ваш человек «случайно» исчезает перед убийством. А мотив? О, мотив у вас классический, шекспировский. Ревность. Сомнения насчёт верности вашей жены.

Незнакомец наклонился чуть ближе. Его глаза были пустыми, как зеркала в заброшенном доме.

— Как думаете, какую главу они напишут в вашем деле? «Трагическое совпадение»? Или «Заказное убийство, организованное ревнивым мужем-силовиком»? Это готовый сценарий для трибунала. И финал там будет коротким.

Амирхан смотрел на остывающий чай.

— Чего вы хотите? — голос, на мгновенье, стал хриплым, чужим.

— Я? Я хочу гармонии. Вам не нужно становиться шпионом. Мне не нужны чертежи центрифуг. Мне просто нужно, чтобы вы оставались там, где вы есть. На своём месте. И если в жизни вашей жены, доктора Мусави, произойдёт что-то действительно важное... изменение ритма, новая мелодия, чтобы послушать по дороге в срочную командировку... вы просто дадите нам знать. Вы станете нашим сейсмографом.

Незнакомец достал из кармана старый кнопочный телефон. Nokia. Модель, которую перестали выпускать лет десять назад.

— В обмен на это все материалы о вашей слежке, все записи, все отчёты останутся в сейфе. В очень глубоком сейфе, ключ от которого есть только у нас. И КСИР никогда не узнает, насколько близко они были к раскрытию этого... инцидента.

Он положил телефон на стол. Рядом с остывшим чаем.

— Просто возьмите его. Номер уже внутри. Это единственная нить, которая удерживает вас над пропастью. Если согласны, оставьте сообщение на автоответчик: «Мне нужно провести техобслуживание своего автомобиля». У вас же Dena Plus? Хорошая машина. Надёжная.

Он поднялся, аккуратно сдвинув стул.

— Подумайте. Не отвечайте сейчас. Мы — не спешим. У нас, как у Аллаха, своё чувство времени... А в дальнейшем, если заметите что-то странное, скажите: «У меня спускает колесо — надо проверить». И мы с вами свяжемся.

Он уже сделал шаг в сторону, но остановился, словно вспомнил незначительную деталь.

— Ах да, господин Мусави. Вряд ли вашей жене понравится, если она узнает, что вы за ней следили. Женщины прощают убийства, но редко прощают недоверие. Это парадокс, но это так.

Он растворился в вечернем воздухе, как дым от его сигареты.

Амирхан остался один. Вокруг шумел город, но он слышал только стук собственного сердца. Он допил чай. Холодный, вяжущий вкус поражения. Затем он медленно протянул руку и взял телефон. Он был тяжёлым. Тяжелее, чем должен быть кусок пластика.

Он встал, положил купюру на стол и пошёл прочь. Воздух стал холоднее. Листья шуршали под ногами, как чужие секреты.

Он шёл домой медленно, не торопясь. Он знал, что когда откроет дверь, Захра встретит его с той же отстранённой вежливостью, с которой встречают почтальона. Дочери будут делать уроки. Зейнаб — послушно, Насрин — с вызовом в глазах. Всё будет как обычно.

Часы Судного дня

23 Хордада 1404 г. (13 июня 2025 г.)

Ночь в городе была чернильной и плотной, как нефть, которую мы так гордо качаем из недр, чтобы потом сжигать в топке истории. Тишина висела над улицами не мирным покрывалом, а дамокловым мечом, подвешенным на волоске из конского хвоста. В этом беззвучии чувствовалась вибрация — не акустическая, а онтологическая, словно сама ткань реальности, устав от напряжения последних лет, готовилась разойтись по швам.

Я лежала в кровати, глядя в потолок, и пыталась классифицировать виды бессонницы. Бывает бессонница влюблённого — сладкая, липкая, полная дофаминовых галлюцинаций. Бывает бессонница студента — кофеиновая, истеричная. А бывает бессонница гражданина Исламской Республики Иран — параноидальная, с привкусом металла во рту, когда ты ждёшь не рассвета, а звука, который разделит твою жизнь на «до» и «после».

Часы на стене тикали. Тик-так. Тик-так. Как те дурацкие часы на Палестинской площади в Тегеране, которые отсчитывали время до уничтожения Израиля. Кто бы мог подумать, что таймер работает в обе стороны?

Звонок в дверь прозвучал не громко, но в этой ватной тишине он был подобен выстрелу. Короткий, требовательный, лишённый вежливости.

«За отцом», — подумала я, натягивая джинсы. В последние месяцы это стало рутиной. Беспорядки, аресты, совещания. Мой отец, был ночным, да и дневным тоже, сторожем режима в нашем городе. Он уходил, чтобы защищать нас от хаоса, который сам же и помогал создавать.

Я вышла в коридор. Свет в гостиной горел тускло, отбрасывая длинные, изломанные тени.

Но это был не курьер из муниципалитета. На пороге стоял доктор Хасан Резаи. Начальник мамы. «Кардамон», как я теперь знаю из досье. Он выглядел так, словно его костюм был сшит из той же материи, что и ночь за окном — тёмный, поглощающий свет. В его руках был портфель, который он сжимал так, будто там лежали ключи от рая или коды запуска ада.

Родители стояли напротив него. Мама в халате, бледная, как мел. Папа в брюках и рубашке, с тем выражением лица, которое бывает у человека, узнавшего свой диагноз, но ещё не решившего, как об этом сказать семье.

Они говорили шёпотом, но этот шёпот был громче крика. Это был шёпот заговорщиков в библиотеке, которую они собираются поджечь.

— Доброй ночи, Насрин, — сказал доктор Резаи, заметив меня. Его голос был ровным, механическим.

— Не спишь? — спросила мама. Её рука нервно теребила пояс халата.

— Не успела, — я прислонилась к косяку, стараясь выглядеть так, будто мне всё равно. — Услышала звонок. Что случилось? Очередная инспекция МАГАТЭ решила нагрянуть в пижамах?

Резаи не улыбнулся. Похоже, юмор в нашем доме умер.

— Вам нужно уехать, — сказал он, обращаясь к родителям, но глядя на меня. — Из города. Срочно. Куда-нибудь подальше.

— Сейчас? — мама посмотрела на часы. — Хасан, что происходит?

— Захра, — он произнёс её имя так, словно это была формула. — Попроси Насрин разбудить Зейнаб. Пусть соберут вещи. Самое необходимое. Документы, деньги, тёплую одежду. Никаких гаджетов, кроме самых простых.

Мама кивнула мне.

— Насрин, пожалуйста. Разбуди сестру. Быстро.

Я пошла в комнату Зейнаб. Мой мозг, отравленный годами чтения между строк, уже выстраивал картину. Ночной визит. Срочная эвакуация. Это не учения. Это финал.

Зейнаб спала, сжимая во сне подушку. Ей четырнадцать, но во сне она выглядела пятилетней. Я потрясла её за плечо.

— Эй, спящая красавица. Подъём. Мы уезжаем.

— Что? Куда? — она заморгала, пытаюсь сфокусировать взгляд. — Насрин, ты дура? Я только уснула.

— В деревню. Собирайся. Мама сказала.

— В какую деревню?

— Не знаю.

— А зачем?

— Затем, что взрослые решили поиграть в прятки. И мы водим.

Пока она запихивала в рюкзак какие-то кофты, я вернулась в коридор. Мне нужно было слышать.

Они стояли у окна.

— Думаешь, это серьёзно? — спросил отец. В его голосе не было страха, только усталость профессионала, который знал, что дамба когда-нибудь рухнет.

— Да, — ответил Резаи. — Они не спят.

— Кто «они»? — спросила мама. — Израиль?

— Они начали операцию. «Народ как лев». Поэтичное название для бойни.

— Это война? — слово повисло в воздухе, тяжёлое и холодное, как кусок урана.

— Надеюсь, что нет, — Резаи покачал головой. — Война подразумевает две стороны. А это... это хирургия. Они хотят вырезать опухоль.

— Опухоль — это мы? — горько усмехнулась мама.

— Опухоль — это наша работа, Захра. Центрифуги. Ракеты. Радары. Увезите детей. И можешь остаться с ними. В лаборатории может быть... жарко.

— Нет, — мама выпрямилась. В этот момент она была похожа не на испуганную женщину, а на статую Фемиды, только без повязки на глазах. Она видела всё слишком ясно. — Я отвезу их к маме Рустама и вернусь. Амирхана точно не отпустят с работы. А я... я должна быть там. Моя смена ещё не закончена.

Я вернулась в комнату. Зейнаб уже стояла с рюкзаком, похожая на испуганного воробья.

— Насрин, мне страшно.

— Мне тоже, мелкая. Но это нормально. Страх — это просто реакция организма на избыток реальности.

Мы вышли в гостиную. Рюкзаки за спиной. Готовы бежать. Беженцы в собственном доме.

И тут это началось.

Сначала — звук. Низкий, вибрирующий гул, идущий не с неба, а из-под земли. Сирена. Противовоздушная тревога. Она выла, как раненое животное, поднимаясь всё выше и выше, ввинчиваясь в мозг.

Зейнаб вздрогнула и прижалась ко мне. Я обняла её за плечи, чувствуя, как она дрожит. Моя маленькая сестра, которая знает тексты всех песен BTS, но не знает, как звучит смерть. Теперь узнает.

Отец подошёл к окну, но штор не отодвинул.

— Началось, — сказал он.

Он посмотрел на меня. Его взгляд упал на мою руку. Я сжимала телефон так, что экран мог треснуть.

— Ты звонила Адилю?

— Да.

— Ответил?

— Нет. Я написала ему.

Мама подошла, погладила меня по голове. Её рука была ледяной.

— Не волнуйся, доченька. С ним всё будет в порядке. В их доме есть подвал.

— Конечно, — ядовито подумала я. — Подвал. Лучшее место для первого свидания с апокалипсисом.

— Они не будут наносить удары по гражданским объектам, — сказал Резаи, глядя на свои часы. — Их цель — инфраструктура. Военные. Мы.

— Какая разница? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. — Когда падают бомбы, они не спрашивают паспорт.

— Умные бомбы спрашивают, — ответил он. — У них это называется «высокоточное оружие».

Да. Гуманизм калибра 500 фунтов, подумала я.

Где-то вдалеке, со стороны Натанза, небо озарилось вспышкой. Беззвучной. Как будто кто-то включил и выключил солнце.

— Пора, — сказал отец. — Машина у ворот.

Мы вышли в ночь, которая перестала быть тёмной. Небо над Исфаханом расцветало огнями ПВО. Трассеры чертили в небе линии, пытаясь отменить неизбежное. Это было красиво и страшно. Абстракционизм войны. Кандинский, рисующий огнём на чёрном холсте.

Мы бежали. Мы были крысами, покидающими корабль, который мы сами и построили. И я думала: интересно, в учебниках истории что напишут — мы были жертвами или соучастниками?

Или учебников больше не будет?

Дорога в никуда

23 Хордада 1404 г. (13 июня 2025 г.)

Прошло четыре часа с момента, как начались удары. Четыре часа, за которые наш мир перестал быть прежним.

Дорога из Исфахана была похожа на бегство из горящего театра, где зрители ещё не поняли, что занавес опустился окончательно, а актёры уже толкаются у аварийного выхода. Трасса на север была пустой и темной, как зрачок слепого. Только редкие встречные машины слепили фарами, выхватывая из темноты куски пустыни — серой, пыльной, равнодушной к нашим маленьким человеческим трагедиям. Ночь, казалось, можно было свернуть в трубочку и выкурить, как сигарету последней надежды.

Отец вёл машину молча, вцепившись в руль так, будто это был штурвал тонущего корабля. Dena Plus урчала, пожирая километры асфальта. В салоне

пахло бензином, страхом и мятными леденцами, которые нервно сосала Зейнаб.

Она не спала. И даже не слушала своих корейских мальчиков. Она смотрела в окно, где темнота иногда разрывалась далёкими вспышками. Фейерверк в честь конца света.

— Куда мы едем? — её голос был тихим, ломким, как сухая ветка.

— К госпоже Йезди, — ответила мама, не оборачиваясь. Она сидела на переднем сиденье, прямая, как струна. — К маме Рустама.

Я поперхнулась воздухом.

— К маме Рустама? — переспросила я. — Серьёзно? К матери человека, которого... которого больше нет?

— Да, — мама говорила ровно, как будто читала инструкцию по технике безопасности. — После похорон мы сблизились. Она много раз приглашала нас в гости. Сказала, что её дом всегда открыт для друзей её сына.

Я посмотрела на затылок отца. Он даже не дрогнул. Идеальная выдержка. Или идеальная социопатия. Мы едем прятаться в дом женщины, чей сын был убит по приказу моего отца (или из-за его ревности, что одно и то же), и эту женщину утешала моя мать, которая была причиной всего этого. Санта-Барбара на фоне ядерного гриба. Если бы Бог существовал, он бы сейчас подавился попкорном.

Мы ехали сквозь ночь, и я думала о причинно-следственных связях. О том, как бабочка машет крыльями в Газе, а ураган сносит крышу в Исфахане.

Если бы палестинцы не начали «Наводнение Аль-Акса»... Если бы в то утро, 7 октября, они напали не на рейв-фестиваль, где обдолбанные хиппи танцевали под транс, а на какую-нибудь скучную, укреплённую воинскую часть. Да, они бы там все полегли. Их бы размазали танками «Меркава». Но они остались бы героями. Шахидами с автоматами в руках, а не мясниками с камерами GoPro.

И мир бы поохал, ООН выразила бы озабоченность, Израиль побомбил бы Газу пару недель для остротки — и всё. Бизнес эз южуал. Но нет. Им нужно было шоу. Им нужна была кровь в прямом эфире. И теперь, два года спустя, это эхо докатилось до нас. Эффект домино, где последней костяшкой была моя собственная голова.

Если бы не те парaplаны над кибуцами, я бы сейчас спала в своей кровати и видела во сне Адила. А не тряслась бы в машине по дороге в никуда, размышляя, превратится ли мой город в радиоактивное стекло до рассвета или после.

Блокпост возник из темноты внезапно, как шлагбаум на границе миров. Пара бетонных блоков, мешки с песком, тусклый свет прожектора, в котором плясала мошкарa.

Отец притормозил. Опустил стекло. В салон ворвался запах пустыни — полынь и остывающий камень.

К машине подошёл солдат. Молодой, мой ровесник, может, чуть старше. Форма сидела на нём мешковато, но держался он с той спокойной уверенностью человека, у которого в руках заряженный автомат, а за спиной — вечность.

— Доброй ночи, — сказал он, заглядывая в салон. — Документы, пожалуйста.

Отец протянул удостоверение. Мама — своё, научное.

Солдат посветил фонариком. Луч скользнул по лицам. Задержался на мне. Я посмотрела ему в глаза. Они были тёмными, внимательными и удивительно спокойными для ночи, когда небо горит.

— Начальник безопасности муниципалитета и старший научный сотрудник ядерного центра, — прочитал он, возвращая документы. В его голосе не было подобострастия, только лёгкое удивление. — Необычное время для путешествий.

— Служебная необходимость, — коротко бросил отец.

Солдат кивнул, но я видела, что он не верит. Он видел двух испуганных девочек на заднем сиденье и багажник, забитый вещами.

— Куда направляетесь? — спросил он уже мягче. Не как часовой, а как человек.

— В деревню Абьяне, — ответил отец.

— К родственникам?

— Нет, — сказала мама. — К госпоже Нилуфар Йезди.

Лицо солдата просветлело.

— А, тётя Нилу. Хорошая женщина. У неё самые вкусные финики в округе. И чай с чабрецом.

— Да, — тихо ответила мама. — Я знаю.

Я смотрела на него. На бейджике было написано: «Захир Мешхеда, рядовой, в/ч 2103».

Он был совсем не похож на Адиль. Адиль был милым, стеснительным интеллигентом, который краснел, когда я брала его за руку. Адиль читал стихи и боялся смотреть мне в глаза.

Этот парень, Захир, смотрел прямо. Он был... настоящим. Уставшим, в выгоревшей от солнца форме, с автоматом на плече, но в нём была какая-то первобытная надёжность. Как у скалы.

Я поймала себя на мысли, что сравниваю их. И что Адиль в этом сравнении проигрывает. Девятнадцать лет — циничный возраст. Первая любовь кажется сладкой ватой, а хочется уже мяса. Или хотя бы кого-то, кто может прикрыть тебя от осколков. И я ненавидела себя за эту мысль. Но война делает из нас прагматиков. Или циников. Или просто выживающих.

— Проезжайте, — сказал Захир, отступая на шаг. — После поворота сразу увидите огни деревни. Хорошего отдыха.

— Мы не отдыхать, — вдруг сказала мама. Её голос был твёрдым. — Мы оставим детей и вернёмся в Исфахан.

Солдат посмотрел на неё долгим, нечитаемым взглядом.

— Иншалла, — сказал он. — Да хранит вас Бог на обратном пути.

Он поднял шлагбаум. Мы поехали дальше, в темноту. Я обернулась. Захир стоял в пятне света и смотрел нам вслед. Одинокая фигура на краю ойкумены.

— Станный он, — прошептала Зейнаб.

— Нормальный, — ответила я. — Единственный нормальный человек, которого я видела за эту ночь.

Мы поехали дальше. В ночь. В деревню. В никуда. Я смотрела в окно и думала: «Вот и всё. Мы стали беженцами. В своей собственной стране. И даже финики госпожи Йезди не сделают это слаще».

Показались огни деревни. Абьяне. Красная глина, узкие улочки, тишина. Убежище. Или ловушка.

Машина остановилась у старого дома с высоким забором.

— Приехали, — сказал отец, глуша мотор.

Тишина навалилась на нас, плотная и звонкая. Здесь не было слышно сирен. Здесь пахло только пустыней и, слабо, розами.

Мама Рустама ждала нас. Круг замкнулся. Убийцы привезли своих детей к матери жертвы, чтобы она их спасла. Если это не сюжет для греческой трагедии, то я не знаю, что это. Хотя нет, знаю. Это просто жизнь в Иране.

Дом призраков

23 Хордада 1404 г. (13 июня 2025 г.)

Утро в деревню пришло без рассвета. Свет словно просочился сквозь мутные ставни, как вода сквозь трещины в глиняной стене.

Дом госпожи Йезди был похож на шкатулку, которую забыли закрыть. Он стоял в глубине сада, где полусухие гранатовые деревья сплетались ветвями, создавая узорчатый купол, под которым время текло иначе — медленнее, гуще. Стены из красной глины дышали теплом даже ночью, а окна, узкие и высокие, смотрели на мир с мудрой близорукостью.

Когда мы вошли, нас накрыло запахом шафрана и старой бумаги. Это был запах памяти.

Нилуфар Йезди встретила нас на пороге. Она была маленькой, сухой женщиной, похожей на суриката, пережившего зиму. Её седые волосы были аккуратно убраны под платок, а лицо, изрезанное морщинами, светилось той особой, мягкой радостью, которая бывает у людей, давно переставших ждать хороших новостей.

Но в ней не было траура. В ней было смирение, превращённое в гостеприимство. Одетая в простое тёмное платье, она улыбалась нам так, будто мы приехали на праздник, а не бежали из-под обстрела.

— Добро пожаловать, — её голос был тихим, но звонким, как серебряный колокольчик. — Проходите, проходите. Амирхан-ага, Захра-джан. И вы, девочки. Какие же вы красавицы!

Она обняла Зейнаб, потом меня. Её руки были сухими и тёплыми, как пергамент.

— Зовите меня тётя Нилу, — сказала она, улыбаясь. — Для друзей моего сына я всегда тётя Нилу.

Я посмотрела на маму. Захра стояла, опустив глаза, словно боялась, что стены начнут кровоточить, если она поднимет взгляд. Папа замер у порога, сжимая ключи от машины так, что побелели костяшки. Мыльная опера продолжалась. Мы вошли в дом, который должен был нас ненавидеть, но вместо этого он предложил нам тапочки.

— Вы же с дороги, — хлопотала тётя Нилу, усаживая нас за низкий стол на ковре. — Надо обязательно поесть. Я приготовила багали поло. И испекла барбари. Свежий, ещё горячий.

На столе действительно стояли блюда, достойные шаха. Рис с бобами и укропом, от которого шёл пар, золотистые лепёшки, вазочки с вареньем из розовых лепестков.

— Не стоило так беспокоиться, госпожа Йезди, — голос отца звучал хрипло, как будто он глотал битое стекло. — Вы, наверное, всю ночь готовили.

— Пустяки, — отмахнулась она, наливая чай. — Мне всё равно не спалось. Слушала радио. Говорят, тревожно в мире. Но здесь, в Абьяне, всегда тихо. Здесь война — это то, что показывают по телевизору, а не то, что падает на голову.

Наверное, она не знала. Она слушала радио, но слышала только то, что хотела слышать. Или радио здесь ловило другую волну — волну прошлого, где всё ещё было хорошо.

Мы ели молча. Еда была вкусной, домашней, настоящей. Но каждый кусок застревал в горле. Я смотрела на отца. Он ел механически, не чувствуя вкуса. Он сидел за столом женщины, сын которой, погиб по его вине. Он ел её хлеб. Он пил её чай.

Если есть ад, то он выглядит именно так: уютная гостиная, запах укропа и добрая старушка, которая подкладывает тебе добавки, не зная, что ты — чудовище.

Зейнаб, наевшись, начала клевать носом.

— Иди, милая, ложись, — тётя Нилу указала на дверь в соседнюю комнату. — Там постелено. Спи.

Когда Зейнаб ушла, я встала и прошлась по комнате. Это был музей. На стенах висели фотографии. Чёрно-белые, цветные, выцветшие. Вот молодой мужчина в военной форме, с усами и автоматом. Он улыбался той бравой,

глупой улыбкой, с какой уходили на войну с Ираком, думая, что вернутся через месяц.

— Это её муж? — спросила я маму шёпотом.

Захра подошла, встала рядом. Она не смотрела на фото, она смотрела сквозь него.

— Да. Он погиб в восемьдесят втором. При штурме Хоррамшехра. Рустаму тогда было три года.

А вот и Рустам. Мальчик с мячом. Подросток с книгой. Студент в очках. Молодой учёный в белом халате на фоне каких-то приборов. И последнее фото — он стоит в горах, щурится от солнца, живой, умный, с той самой ироничной полуулыбкой, которую я помнила.

«Привет, дядя Рустам, — подумала я. — Прости, что мы припёрлись. Но мои родители решили, что твой дом — самое безопасное место для его детей. Оцени иронию».

Папа сидел спиной к стене с фотографиями. Он не мог на них смотреть. Его рука дрожала, когда он поднимал стакан с чаем. Я видела это. Тётя Нилу — нет.

— Нам пора, — сказал он резко, вставая. — Госпожа Йезди... Тётя Нилу. Спасибо за всё.

— Уже? — всплеснула руками хозяйка. — Даже чаю толком не попили.

— Служба, — коротко ответил он. — Присмотрите, пожалуйста, за девочками. Мы... мы постараемся вернуться как можно скорее.

— Конечно, Амирхан-ага. Не волнуйтесь. Они будут как у родной бабушки.

Они вышли во двор. Рассвет уже красил небо в цвет синяка — лилово-серый. Где-то далеко, за горизонтом, наверное ещё грохотало, но здесь было тихо. Мама обняла меня. Сильно, до боли в рёбрах. От неё пахло хлебом и деревенскими мандаринами.

— Береги сестру, Насрин. Ты старшая.

— Я знаю, мам.

Она посмотрела мне в глаза. В её взгляде была такая бездна отчаяния и любви, что мне стало страшно. Она прощалась. По-настоящему.

— Там, в сумке... — она запнулась. — В боковом кармане рюкзака. Там документы. И деньги.

Она поцеловала меня в лоб — сухим, горячим поцелуем. Отец просто сжал моё плечо.

— Не дури, — сказал он. — Слушайся тётю Нилу. И не лезь в интернет. Его всё равно нет.

— Пап, — я хотела сказать что-то язвительное, что-то в своём стиле, но слова застряли. — Береги маму.

Он кивнул. И в этом кивке было обещание, которое он не мог выполнить.

Они сели в машину. Dena Plus, покрытая пылью, выглядела как катафалк для надежд. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели вперёд, на дорогу, которая вела их обратно в ад.

А я смотрела на них и думала: они были похожи не на мужа и жену, а на случайных попутчиков в поезде, которые едут в один конец, но знают, что никогда не доедут вместе.

Машина тронулась. Шуршание шин по гравию прозвучало как вздох.

Они проехали несколько десятков метров и вдруг остановились. Стоп-сигналы вспыхнули красным, как два воспалённых глаза. Машина стояла минуту. Две. Двигатель работал, выпуская облачка выхлопа в утренний воздух.

Я затаила дыхание. Может, они передумали? Может, отец сейчас выйдет, скажет «К чёрту всё» и останется?.. Или захотел выйти, обнять нас ещё раз. Или просто не мог заставить себя нажать на газ. Но долг победил. Как всегда.

Стоп-сигналы погасли. Машина дёрнулась и, набирая скорость, рванула прочь, оставляя за собой шлейф пыли, который медленно оседал на дорогу, как занавес после трагедии.

Да, они уехали. Убийца и предательница поехали спасать мир, который сами же и разрушили. А я осталась стоять у ворот. Тётя Нилу подошла, накинула мне на плечи шаль.

— Пойдём, деточка, — сказала она мягко. — Тебе надо поспать. Утро вечера мудренее.

Я пошла за ней. В дом призраков. В дом фиников. В дом, где мне предстояло пережить конец света. Я легла на диван в гостиной, под фотографией улыбающегося Рустама, и провалилась в сон, чёрный и

бездонный, как старая нефтяная скважина. И во сне Рустам с фотографии спустился и сел рядом. Он ничего не говорил. Он просто смотрел на меня с той же ироничной полуулыбкой. Как будто знал что-то, чего не знала я.

Тогда не знала.

Дилемма заключённого

23 Хордада 1404 г. (13 июня 2025 г.)

Машина рванула с места, оставляя позади облако пыли и две фигурки, уменьшающиеся в зеркале заднего вида, как прошлое, которое мы пытаемся забыть, но которое всегда бежит следом. Захра не обернулась. Не посмотрела в зеркало заднего вида. Она сидела прямо, глядя на ленту дороги, уходящую в рыжее пекло. Её профиль был чётким и холодным, как профиль монеты, вышедшей из обращения.

Они проехали метров шестьдесят, когда Амирхан резко ударил по тормозам. Депа клюнула носом, словно споткнувшись о невидимую преграду.

— Что случилось? — спросила Захра, не меняя позы. В её голосе не было страха, только усталое раздражение.

Амирхан не ответил. Он наклонился и достал из-под сиденья плотный пластиковый файл. Внутри лежали бумаги — неровная стопка, скреплённая скрепкой, на которой уже проступила ржавчина.

— Я давно должен был тебе это показать, — сказал он, протягивая файл. Его рука дрожала, но голос был твёрдым. — Думаю, время пришло. Если мы едем в ад, то ехать туда лучше без багажа.

Захра взяла файл. Она открыла его медленно, как открывают завешание.

Первый лист. Отчёт наружного наблюдения. Объект: Р. Йезди. Дата: апрель 2023 года. Исполнитель: Служба безопасности муниципалитета.

Второй лист. Протокол допроса А. Мусави. Подозрение в организации убийства. Заключение: «Прямых доказательств нет. Действия квалифицированы как превышение полномочий».

Третий лист. Самый страшный. Докладная записка на имя начальника Управления контрразведки КСИР. Фрагмент. «Гражданин А. Мусави добровольно сообщил о попытке вербовки неустановленными лицами (предположительно, агентура Моссад). В ходе оперативной игры согласился на

роль «пассивного источника» под контролем Управления. Цель: дезинформация противника и выявление каналов связи».

Захра читала. Её глаза бегали по строчкам, выхватывая суть из канцелярского бреда. Слежка. Ревность. Убийство? Вербовка. Двойная игра.

Когда они проезжали мимо блокпоста, Захир, тот самый молодой солдат, встал с раскладного стула и отдал честь. Захра, не отрываясь от бумаг, едва заметно улыбнулась — уголком губ, рефлекторно, как улыбаются дети во сне. Это была улыбка не ему, а какой-то своей, внутренней мысли.

Она закрыла файл. Положила его на колени. Посмотрела на мужа. В её взгляде не было ни гнева, ни презрения. Только бесконечное, глубокое удивление.

— Почему ты раньше этого не сказал? — спросила она тихо.

— Я не знал, как начать, — Амирхан смотрел на дорогу. — Страх — плохой рассказчик. Алави давно советовал поговорить с тобой. Сказал: «Правда — это горькое лекарство, но ложь — это яд».

— Алави... — она покачала головой. — Какой же ты дурак, Амирхан.

Она подвинулась к нему и положила голову ему на плечо.

И в этот момент, посреди пустыни, под вой далёких сирен, время совершило петлю. Амирхан почувствовал запах её волос — тот самый запах речной воды и жасмина, который сводил его с ума двадцать лет назад. Она снова стала той девушкой-второкурсницей, с которой он сбегал с лекций, чтобы пить чай под арками моста Аллахверди-хана, слушая, как Зайендеруд шепчет свои вечные истории. Стена, которую они строили два года, рухнула.

Но идиллия длилась недолго. Нежность в Захре всегда была лишь прелюдией к действию. Как потенциальная энергия перед кинетическим взрывом.

Она выпрямилась. Её глаза снова стали глазами физика, решающего задачу.

— Откуда Резаи узнал о бомбардировках? — спросил она.

— Я не знаю. Он сказал, что у него свои источники.

— Свои источники... — она нахмурилась. — Он утверждает, что вслед за Израилем ударят американцы? По подземным бункерам?

— Да. Он говорил о противобункерных бомбах. GBU-57. Они пробивают шестьдесят метров бетона.

— Так может, он работает на них? — спросила она прямо. — Может, он и есть тот самый источник, который сливает координаты?

— Не знаю, Захра. В этом мире никто ничего не знает наверняка. Мы все — слепые в пещере.

— Ты понимаешь, насколько это опасно? — её голос стал жёстким. — Если они ударят по Фордо, когда там будет полная загрузка... Это не просто взрыв. Это дисперсия. Облако пойдёт на юг. На Кум. На Исфахан. Это будет новый Чернобыль. Или Фукусима, только в пустыне.

Она достала из сумки старый ноутбук. Тот самый, на котором она когда-то искала танкиста. Открыла крышку. Экран засветился холодным синим светом.

— Мне надо поговорить с Алави, — сказал Амирхан. — Он должен знать.

— Нет, — отрезала Захра. — С ним поговорю я. Он знал моего отца. Он знал моего дядю. Он поймёт. Я сама с ним поговорю.

Она начала печатать. Быстро, яростно. Она делала расчёты. Роза ветров. Периоды полураспада. Критическая масса. Зоны поражения.

Амирхан вёл машину, иногда бросая взгляд на жену. В отблесках палящего солнца её лицо казалось маской античной героини, решившей поспорить с богами. Он думал о том, что будет дальше. О том, что будет с их детьми, оставшимися в глиняном доме с матерью убитого человека.

Думал о том, что они — семья Мусави — стали заложниками уравнения, в котором слишком много переменных и нет ни одного правильного решения.

Но теперь они хотя бы были в этом уравнении вместе. И это давало призрачную, иррациональную надежду.

Встречные течения

24 Хордада 1404 г. (14 июня 2025 г.)

Утро прошло в гудках. Они были ровными, безличными, как кардиограмма чужого сердца на мониторе в реанимации. «Абонент временно недоступен». «Оставьте сообщение после сигнала». Захра не оставляла. Как уместить в тридцати секундах голосовой почты всю абсурдность их положения? «Здравствуй, Система. Это я, твоя блудная дочь, которая тебя предала, но теперь хочет спасти, потому что иначе мы все сдохнем. Перезвони».

Алави был занят. Это значило, что страна стояла на краю, и он пытался удержать её за полу пиджака. А она, дочь богослова и физик-плазмист, пыталась вклинить в очередь к человеку, который в её личном мифе олицетворял всё то зло, что разрушило её семью. И всё равно звонила. Потому что между отцовской смертью тридцать лет назад и возможной смертью её детей завтра расстояние измерялось не в годах, а в километрах до объекта Фордо.

Он перезвонил вечером. Его номер не определился.

— Кафе «Симург» на окраине, — сказал он без приветствия. — Через час. И без охраны.

— У меня нет охраны, — ответила она.

— У вас есть муж, — сухо заметил он и повесил трубку.

Кафе было похоже на временный ангар, забытый строителями на краю цивилизации. Пластиковые столы, две вечно усталые пальмы в кадках, чайник, который кипел независимо от новостей по телевизору. Сюда приходили те, кому было всё равно, кто сегодня друг, а кто враг. Им нужно было только, чтобы был чай и сигареты.

Алави сидел в углу. Он постарел. Или просто война накладывает на лица свой фильтр — сепию безнадежности. Перед ним стояла чашка кофе — тёмного его мысли.

— Я не буду спрашивать, почему вы не брали трубку, — сказала Захра, садясь напротив. — Я знаю ответ.

— Мне льстит, что вы думаете, будто я ещё что-то решаю, — ответил он, не поднимая глаз от чашки. — В наше время даже генералы — всего лишь операторы в колл-центре истории. Мы принимаем звонки, но не мы пишем скрипты.

— Тогда посмотрите на это, оператор.

Она выложила на стол несколько листов. Это были не уравнения. Это были карты. Контурные горы, стрелки ветров, цифры плотности населения. Красные круги, расходящиеся от точки F.

— Если американские GBU-57 входят в игру, ваша «спецоперация» превращается в новый Чернобыль. Только без эвакуации и без добровольцев с лопатами. Облако пойдёт сюда. На Кум. На Исфахан. Плутоний, стронций, цезий. Полный набор юного химика.

Алави посмотрел на карты. Его лицо оставалось непроницаемым, как бетонная стена бункера.

— Почему вы решили, что американцы присоединятся к израильтянам? — спросил он наконец. В его голосе не было скепсиса, только профессиональный интерес патологоанатома.

— Потому что вы сами меня этому научили, — ответила она. — Помните, как вы говорили о «двух уровнях игры»? Один — телевизионный, с заявлениями Госдепа о деэскалации. Другой — метаполитический. Если Израиль использовал каскадную схему, кто-то должен поставить последнюю точку. У них своих целей хватает. А у американцев эти бомбы лежат на складах и ждут своего часа.

Она положила ладонь на бумаги, как бы защищая их от его взгляда.

— Прежде чем я скажу главное... мне нужны гарантии.

— Вы в положении просителя, доктор Мусави, — мягко заметил Алави, доставая сигарету. — Гарантии — это валюта мирного времени. Сейчас инфляция сожрала всё.

— А вы в положении человека, который ещё может не войти в историю как архитектор иранского апокалипсиса, — парировала она. — Мне нужны гарантии безопасности моей семьи. И разрешение моим дочерям выехать за границу. Учёба, стипендии, лечение — мне всё равно, как вы это оформите. Главное — чтобы их здесь не было, когда начнётся дождь.

— Только дочерям? — переспросил он, чиркая зажигалкой.

— Да. — Она на секунду замялась, и в этой заминке была вся её боль. — Девочки... Они не обязаны расплачиваться за наши уравнения. Они — не переменные в этой задаче.

— Насрин, кажется, уже поступила на медицинский?

— Да. Пошла по стопам бабушки. Но если она решит... если она захочет уехать... пусть у неё будет открытая дверь.

Алави выпустил струю дыма в потолок.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я не Аллах и не МИД, но у меня ещё остались старые долги. Если ваша информация стоит этой цены — я сделаю так, что границы для них станут прозрачными. Не обещаю рая. Но обещаю выход.

Захра выдохнула.

— Доктор Резаи. Он пришёл к нам ночью. Сказал, что операция началась. Что вслед за Израилем ударят американцы. Он называл вещи своими именами. GBU-57. Бетон. Глубина. И дату.

— Дату? — Алави чуть поднял бровь, и пепел с его сигареты упал на стол.

— Ночью 22 июня. Он настаивал на эвакуации всего, что можно «вывести наверх» до этой ночи. Амирхан рассказал мне его слова. Я... — она сглотнула, — я пересчитала всё сама. И цифры сходятся.

Он долго молчал. Пил кофе маленькими глотками, как будто отмерял время до конца её терпения. В кафе кто-то громко смеялся, и этот смех казался кошунством.

— Вы думаете, он предатель? — спросила Захра. — Доктор Резаи.

— Мы не думаем, доктор Мусави. Мы фиксируем. Мы знаем, что у нас были утечки. Серьёзные. После смерти доктора Йезди они прекратились. На время. Мы думали, канал закрыт. Но потом они возобновились. Это факт.

— Вы думаете... на меня? — в её голосе не было испуга, только бесконечная усталость человека, который устал оправдываться.

— Нет, — спокойно сказал Алави. — Если бы я думал на вас, мы бы разговаривали не здесь, и вы бы не пили этот чай. Вы были бы в другом месте, где чай не подают. Да вы это итак хорошо знаете.

— Тогда кто?

— Даже если бы я знал, — он развёл руками, и в этом жесте было что-то от библейского прокуратора, умывающего руки, — я бы вам не сказал. Не обижайтесь. Есть уровни секретности, на которых даже у предателей должна быть личная жизнь.

— Что вы предлагаете? — спросила она. — Кроме того, чтобы я уехала и притворилась, что ничего не знаю.

Алави посмотрел на её бумаги, на её руки, испачканные чернилами. Руки, которые могли создать бомбу, но вместо этого пекли хлеб и гладили детей по головам.

— Я думаю, вам нужно ехать в Фордо, — сказал он. — И сделать то, что предложил Резаи. Вывезти оттуда всё самое опасное и самое ценное. Всё, что нельзя превращать в прах. Спасти нашу программу. Спасти страну от заражения.

— С доктором Резаи? — её голос стал ледяным.

— Нет. — Он покачал головой. — С ним нельзя. Если вы правы, то за ним уже давно смотрят. И не только мы. Его внезапный отъезд на объект, его суэта — это может вспугнуть его «источник». Или его кураторов. Нам это не нужно. Он должен оставаться на виду. А вы... вы будете тенью.

— А что будет с ним потом? — спросила она.

— Пока — наблюдение, — ответил Алави. — Если его информация подтвердится... что ж, он заслуживает снисхождения. Даже предатели иногда делают доброе дело. Особенно если они предают своих новых хозяев ради старых.

Она смотрела на него. На мужчину, который был тенью за зеркалом в комнате допросов. На человека, чьи люди, возможно, убили её отца из-за паранойи. Она шла к нему не за прощением и не за правдой. Она шла за визой для своих дочерей. Но между местью и спасением всегда есть третье — физическое уравнение. Если ударят по Фордо, роза ветров не будет разбирать, кто праведник, а кто грешник. Радиоактивный пепел покроет всех ровным слоем.

— Хорошо, — сказала она, вставая. — Я поеду. Но вы выполняете свою часть сделки.

— Поверьте, доктор Мусави, — ответил Алави, глядя ей вслед. — Лучше иметь дело с живыми предателями, чем с мёртвыми героями. И я говорю сейчас не про вас.

Уходя, Захра подумала, что если бы кто-то попытался составить генеалогическое древо их маленького заговора, оно бы запуталось на третьем уровне: предатель доносит на предателя, чтобы спасти систему, которую оба пытались обмануть. А генерал, остался сидеть за пластиковым столом, одинокий старик, который пытался переиграть судьбу, имея на руках только краплённые карты.

В тени виноградной лозы

30 Хордада 1404 г. (20 июня 2025 г.)

Утро в Абьяне началось не с солнца, а с запаха жары, который уже к десяти часам стоял в воздухе плотной, осязаемой стеной. Я проснулась поздно, вынырнув из липкого сна, где мне снилось, что я сдаю экзамен по анатомии, но вместо костей на столе лежат детали автомата Калашникова.

Я вышла во двор, держа в руках чашку кофе — растворимого, мерзкого, но другого здесь не было. На мне была старая майка и короткие шорты — домашняя униформа, которую никто не должен был видеть.

И тут я замерла.

Под навесом, в тени виноградной лозы, сидели двое. Зейнаб и... Захир. Тот самый солдат с блокпоста. Понятно, у него увольнительная, но в пустыне идти некуда, кроме как к единственному дому, где пахнет хлебом. Они ели финики, аккуратно складывая косточки в блюдце, и о чём-то тихо смеялись.

Захир поднял голову. Его взгляд скользнул по моим голым ногам, и он поспешно отвёл глаза, покраснев так, что это было видно даже сквозь загар.

— Ой, — сказала я. И сбежала.

Я вернулась в комнату, сердце колотилось где-то в горле. Глупо. Пошло. Как в дешёвой романтической комедии. Я натянула широкие светлые брюки, набросила на плечи цветной платок — небрежно, но так, чтобы скрыть всё лишнее. Посмотрела в зеркало. Из-под платка выбилась прядь волос. Я хотела заправить её, но передумала. Пусть будет. Неидеальность — это тоже стиль.

Когда я вышла снова, Зейнаб уже исчезла. Тётя Нилу, мудрая женщина, увела её на кухню «помочь с обедом», шепнув что-то про то, что молодым надо поговорить.

Захир встал при моем появлении.

— Доброе утро, Насрин-ханум.

— Привет, Захир, — сказала я, садясь напротив.

Он удивился.

— Откуда вы знаете моё имя?

— У тебя на груди написано, — я кивнула на нашивку на его форме. — Или это секретная информация?

Он улыбнулся — открыто, немного смущённо.

— Нет. Просто... не думал, что вы заметили.

Мы говорили о погоде. О жаре. О том, как странно тихо в деревне, когда весь мир сходит с ума. Я смотрела на него и думала: вот он, солдат. Не наёмник, не убийца. Просто парень в форме, который защищает свою страну, потому что так надо. Потому что здесь его дом, его финики, его долг.

— Ты где учишься? — спросил он.

— В медицинском. IUMS.

— Будущий врач. Серьёзно. Кем хочешь быть?

— Педиатром, — ответила я, и сама удивилась, как легко это прозвучало.

— Когда Зейнаб была маленькой, я всегда за ней ухаживала. Мне нравилось.

— Она часто болела?

— Нет! — я рассмеялась. — Почти никогда. Наверное, поэтому я и хочу быть педиатром. Лечить здоровых детей проще. А ты? Что будешь делать, когда всё это... закончится?

— Хочу поступить в академию имени Шахида Саттари, — сказал он серьёзно. — Факультет информационных систем. У меня вся семья военные. Отец, дядя. Даже мама служит. В штабе, конечно.

— Айтишник в погонах, — хмыкнула я. — Звучит перспективно.

— Кто-то же должен защищать наше небо, — просто ответил он.

Я поправила выбившуюся прядь. Снова. Это становилось нервным тиком.

— Как там было в Исфахане? — спросил он тихо. — Когда началось.

— Страшно, — сказала я честно. — Но мы почти сразу уехали. Надеюсь, с родителями всё в порядке.

— С ними всё будет хорошо. Ваш отец... он выглядит как человек, который знает, что делает.

«О да, — подумала я. — Он знает. Он знает, как убивать людей и как продавать Родину, чтобы спасти нас. Но тебе этого лучше не знать».

— Слушай, — спросила я, — а зачем вас загнали в такую глушь? Тут же только песок и скорпионы.

— Видела просёлочную дорогу за блокпостом? — он понизил голос. — Она ведёт к полевому аэродрому. Запасной. Мы его и охраняем. На всякий случай.

Идиллию разрушил звук мотора. К воротам подъехал чёрный внедорожник. Из него вышел пожилой мужчина в гражданском костюме, но держался он так, словно на нём был генеральский мундир. Водитель вытащил из багажника белую плоскую коробку — терминал Starlink — и какую-то картонную коробку с бумагами.

Это был Алави. Друг родителей. Тот самый, про которого они говорили шёпотом.

Захир тут же подобрался, выпрямился. Он не знал, кто это, но инстинкт военного сработал безотказно.

— Я пойду, — сказал он. — Не буду мешать.

— Постой, сынок, — Алави махнул рукой. — Знаешь, что это? — он кивнул на Starlink.

— Так точно. Спутниковый терминал.

— Помоги включить и настроить. У госпожи Йезди есть дизель-генератор?

— Да.

— Отлично. Займись этим. А я пока поговорю с Насрин.

Мы сели под навесом. Тётя Нилу вынесла чай, предложила остаться на обед, но Алави вежливо отказался.

— Служба, — сказал он тем же тоном, что и мой отец.

— Как родители? — спросила я сразу.

— В безопасности, — ответил он.

«Ага, — подумала я. — В безопасности. Под землёй, под прицелом американских бомб. Отличное место».

— Я привёз этот терминал по просьбе твоей мамы, — продолжил он. — Чтобы была хоть какая-то связь. А в коробке... это мой личный архив. Копии. Если я не вернусь через пару дней... передай это родителям.

Он посмотрел на меня своими умными, усталыми глазами волкодава.

— Я знаю, у тебя много вопросов, Насрин. Обо мне. О твоей семье.

— Я хочу знать про дедушку, — сказала я. — Про Али Ферзали. Мама всегда говорила, что это была случайность. Но я видела, как она смотрит на его фото.

Алави вздохнул. Он достал сигарету, покрутил её в пальцах, но не закурил.

— Али и Джавад, дядя твоей мамы... они занимались одной интересной политической теорией. О том, как Запад пытается нас сломать изнутри. И мы...

скажем так, мы внимательно следили за их работой. Твой дедушка знал об этом. Он чувствовал наш взгляд спиной.

Он помолчал.

— В тот день всё пошло наперекосяк. Авария произошла почти на глазах нашего сотрудника. Более того, наш человек был первым, кто подбежал к машине. Он вытащил твоего деда до того, как бензобак взорвался. Но... травмы были несовместимы с жизнью.

— Значит, это была случайность?

— И да, и нет. В его смерти есть наша вина. По словам сотрудника, он заметил на встречной полосе странно движущийся грузовик. Водитель уснул. Наш человек начал сигналить, мигать фарами, чтобы предупредить Али. Но... твой дедушка воспринял это иначе. Из-за слежки, из-за постоянного напряжения... вместо того, чтобы смотреть вперёд, на дорогу, он посмотрел назад. В зеркало заднего вида. На машину «хвоста». И ускорился. Вместо того, чтобы затормозить.

Алави посмотрел мне в глаза.

— Паранойя, которую мы сами в нём культивировали, убила его. Мы хотели его защитить, а в итоге загнали его в могилу.

— А мамин дядя? Джавад? — спросила я. — Он же тоже умер странно.

— Рак, — ответил Алави. — Банальная онкология. Но он до конца не верил. Он считал, что его отравили. Реформаторы, масоны, западные спецслужбы... список у него постоянно пополнялся. Мы пытались его убедить, показывали анализы. Бесполезно. Он был блестящим аналитиком, но стал заложником собственной теории заговора. Он умер, веря, что он — мученик тайной войны. Возможно, так ему было легче уходить.

Он встал.

— Мне пора, Насрин. Береги себя. И сестру.

Захир закончил с антенной. Диод на терминале мигнул и загорелся ровным белым светом. Связь есть. Пока есть.

— Мне тоже пора на пост, — сказал Захир. — Ребята там, наверное, уже соскучились.

Тётя Нилу вышла на крыльцо с пакетом.

— Куда ты на голодный желудок? — запричитала она. — Возьми хоть лепёшек. Свежие, горячие. Мы с Зейнаб ещё напечём.

Захир взял пакет, улыбнулся ей, потом мне.

— Спасибо, тётя Нилу. До свидания, Насрин.

— Пока, Захир.

Он ушёл, а я осталась стоять, сжимая в руках коробку с документами, которые объясняли, почему моя семья такая чокнутая. И смотрела на белую тарелку антенны, которая смотрела в небо, ожидая сигнала от спутников, которые наводили на нас ракеты.

Трансмутация

31 Хордада 1404 г. — 1 Тира 1404 г. (21 июня 2025 г. — 22 июня 2025 г.)

Подземелье Фордо вибрировало. Это была не дрожь земли, а низкочастотный гул напряжения, резонанс тысячи человеческих страхов, запертых в бетонной коробке под толщей гранита. Захра стояла на галерее, глядя вниз, в главный зал, где разворачивался механический балет.

Погрузчики, жёлтые и неуклюжие, как жуки-скарабеи, сновали между рядами демонтированных центрифуг. Люди в костюмах химзащиты двигались с неестественной, рваной скоростью ускоренной киноплёнки. Они грузили контейнеры — свинцовые саркофаги, в которых дремал обогащённый уран, тот самый джинн, которого они выпустили из бутылки и теперь пытались запихнуть обратно.

Воздух был плотным, наэлектризованным. Он пах озоном, потом и перегретым металлом. Это был запах паники, дисциплинированной протоколом.

Захра чувствовала себя жрицей культа, который в последнюю ночь перед концом света прячет свои идолы. Она проверяла маркировку, сверяла номера пломб, подписывала акты. Каждая подпись была маленькой сделкой с совестью. Спасти уран, чтобы спасти людей от урана. Логическая петля Мебиуса.

Генерал Алави появился из тени, как призрак оперы. Он был без кителя, в рубашке с закатанными рукавами, и выглядел не как генерал, а как уставший бухгалтер, сводящий дебет с кредитом перед банкротством фирмы.

— Вам пора, доктор Мусави, — сказал он, не повышая голоса, но перекрывая гул погрузчиков. — Информация Резаи подтвердилась. Российские спутники фиксируют активность. «Птички» уже в воздухе.

— А вы? — спросила она, застёгивая сумку с ноутбуком.

— Я пока останусь. Нужно зачистить архивы. Бумаги горят лучше, чем металл, но их труднее собрать.

Захра посмотрела на него. На его седые виски, на глубокие морщины у глаз. Человек, который был тенью за зеркалом её жизни. Архитектор её страхов. Если он погибнет здесь, под завалом из бетона и секретов, будет ли она жалеть? Или почувствует облегчение, как узник, чей тюремщик умер от инфаркта?

Она не знала. Эмоции, как и изотопы, распались... Остался только расчёт траекторий. Только физика.

— Дети? — спросила она.

— Я был у них вчера. В Абьяне тихо. Насрин болтала с каким-то солдатом, а Зейнаб с госпожой Йезди пекла хлеб.

Захра сразу вспомнила того солдата, с блокпоста. Наверняка это был он.

— Амирхан?

— На службе. Их офис разбомбили позапрошлой ночью, но он был на выезде. Жив. Координирует коридор для вашей колонны.

— Хорошо.

Алави протянул ей папку.

— Координаты точки назначения у начальника конвоя. База «Орёл» в горах Загрос. Мне нужно, чтобы вы проследили за безопасностью груза в дороге. И при разгрузке. Вы — единственная, кто понимает, что внутри этих ящиков. Для солдат это просто тяжёлые коробки. Для вас — критическая масса.

— Я поняла.

Она взяла папку. Их пальцы на секунду соприкоснулись. Его рука была холодной.

— Прощайте, Асадолла, — сказала она, впервые назвав его по имени.

— До встречи, Захра, — ответил он. — В этой жизни или в следующей.

Она вышла через шлюз. Свежий воздух ударил в лицо, как пощёчина. Ночь была черной и беззвёздной, словно небо натянуло траурный креп.

Колонна стояла у выезда из туннеля. Грузовики, накрытые брезентом, бронетранспортёры сопровождения. И самом конце, серо-жёлтый «УАЗ Хантер», в который ей предстояло сесть.

Она забралась на переднее сиденье. Водитель, молодой лейтенант с напряженным лицом, кивнул ей.

— Готовы, доктор?

— Поехали.

Машина тронулась. Захра смотрела в боковое зеркало на удаляющийся зев туннеля, похожий на пасть чудовища. Она думала о том, что провела под землёй целую неделю. Семь дней творения наоборот. Семь дней, за которые она пыталась закопать — или раскопать? — последние двадцать лет своей жизни. Свою карьеру, свои амбиции, свои ошибки. Всё это теперь ехало в кузове грузовика, упакованное в свинец.

Они отъехали на несколько сотен метров, когда мир раскололся.

Сначала был звук — не взрыв, а свист, пронзительный, нечеловеческий визг рассекаемого воздуха, словно небо кричало от боли.

А потом — удар.

Земля подпрыгнула. «УАЗ» подбросило, как игрушку на батуте. Захра ударилась головой о крышу, зубы клацнули. Машина встала, юзом пойдя по гравию.

Она распахнула дверь и вывалилась наружу.

Там, где только что был вход в туннель, поднимался столб. Это был не гриб. Это был гейзер. Столб пыли, песка и бетона, устремлённый в небо. GBU-57. «Разрушитель бункеров». Он вошёл в гору, как игла шприца в вену, и впрыснул смерть в самое сердце комплекса.

Звук взрыва докатился секундой позже — глухой, утробный удар, от которого заложило уши.

Захра стояла и смотрела. Она видела, как гора оседает, как скалы крошатся в песок. Там, внизу, был Алави. Там были архивы. Там была её лаборатория. Её жизнь. Все кончено.

— Все целы?! — крик начальника конвоя прорвался сквозь звон в ушах.

— Да! Груз в норме!

— Тогда двигаемся! Быстрее! Следующая может прилететь сюда!

Лейтенант дёрнул её за рукав.

— Доктор! В машину!

Она влезла обратно. Её руки дрожали.

— Поехали, — прошептала Захра.

Колонна рванула вперёд, унося радиоактивное сердце Ирана подальше от его могилы.

Аномалия дождя

1 Тура 1404 г. (22 июня 2025 г.)

Дорога к блокпосту шла вверх, по склону, усыпанному красной галькой. Днём, когда солнце било в камни, они казались углями, которые забыли потушить. Теперь, после обеда, жара чуть спала, но воздух всё ещё дрожал — не от тепла, а от вибрации самого времени, которое после ночного удара света стало хрупким и ненадёжным.

Абьяне дышала лениво. В узких улочках пахло мандаринами, козым навозом и топлёным маслом, на котором тётя Нилу жарила лепёшки. Тени домов ложились на землю ломаной вязью, как строки сур, которые никто уже не может прочесть. Где-то лаяла собака — вяло, больше по привычке, чем по делу.

Насрин шла, считая шаги. До первых камней, где начиналась просёлочная дорога. До старого чинара, из-под которого открывался вид на блокпост. До самой линии, где красная глина вдруг обрывалась, уступая место серому, вытертому асфальту.

Ей было скучно и страшно одновременно. Скучно — потому что день в деревне тянулся, как резина, без интернета, без новостей, без привычного фона чужих жизней. Страшно — потому что там, за горизонтом, происходило что-то, от чего зависела их собственная жизнь, и она ничего об этом не знала.

Starlink, аккуратно водружённый на крыше, стоял мёртвым белым блюдом. Ночью диод моргал, потом погас — и больше не загорался.

«Они выдернули вилку, — подумала Насрин. — Кто-то наверху решил, что Ирану достаточно собственного неба, без спутников Маска».

Ей захотелось увидеть кого-то, кто ещё помнит про мир за пределами этой глиняной крошки на карте. Кого-то, у кого в руках настоящий автомат, а не пульт от телевизора. Звали его Захир.

Блокпост возник из марева внезапно. Пара бетонных блоков, мешки с песком, ржавая будка, которую солдаты называли «кабинетом связи». На шесте — антенна, похожая на перекошенный крест.

Сегодня здесь было пятеро. Двое играли в нарды, щёлкая костяшками с ритмичностью метронома. Один чистил автомат, ещё один курил, глядя в сторону аэродрома. Пятый, Захир, стоял спиной к деревне, всматриваясь в горизонт.

Его камуфляж был покрыт пылью, словно он пророс сквозь эту землю. На бейджике по-прежнему было написано «Захир Мешхеда», будто мир не изменился за одни сутки.

Она подошла почти вплотную, прежде чем он обернулся. Улыбка возникла у него на лице не сразу — сначала лёгкое удивление, потом радость, спрятанная за уставом.

— Насрин-ханум, — он выпрямился. — Добрый день.

— Добрый, — ответила она. — Или какой он там сегодня этот день.

Она огляделась.

— У вас есть связь? — спросила, кивнув на будку.

— Нет, — отозвался один из солдат за столом, не отрываясь от нард. — Рация принимает только наши собственные матюки. Они хорошо транслируются. Последнее, что слышали: «Не покидайте пост».

Захир усмехнулся.

— Мы пытались выйти на штаб ночью, когда... когда было это, — он посмотрел на север, туда, где небо вчера вспыхнуло зелёно-фиолетовым. — Думали, помехи. Что у нас что-то с аппаратурой. Крутим-вертим...

— Вы его даже не видели? — удивилась Насрин. — Сияние?

— Я видел только то, как у нас стрелка вольтметра пошла вразнос.

Солдат с сигаретой фыркнул:

— Я вообще спал. Но если конец света — пусть меня хоть во сне застанет. Не хочу смотреть титры.

— А вы? — спросил Захир, глядя на неё. — Вы что-то видели?

Насрин кивнула.

— Я сидела на крыше. Оно было... — она искала слово. — Неестественным. Как если бы кто-то взял нормальное небо и пропустил его через инстаграм-фильтр. Зелёный, фиолетовый... И ещё — грязный. Как будто его рисовали грязными руками.

— Красота с привкусом ржавчины, — заметил солдат с нардами. — Это у нас умеют.

Повисла пауза. Солнце, казалось, приблизилось на пару километров.

— Есть новости? — спросила Насрин. — Откуда-нибудь. Из штаба, из города...

— Радиомолчание, — сказал Захир. — Старшина говорит: либо у них всё под контролем, либо всё наоборот. В обоих случаях нам скажут последними.

— Старшина мудрый человек, — вздохнула она. — У меня там... родители.

Он кивнул.

— У меня брат в Ахвазе. В ПВО. Говорят, там скучно. Теперь я рад, если ему скучно.

Солдаты на мгновение опустили глаза. Люди, у которых близкие «в ПВО», знают, что такое ждать звонка, которого лучше бы не было.

— У меня был друг, — сказала Насрин, и сама удивилась прошедшему времени. — Адиль. Одноклассник. Мы вместе готовились к поступлению. Я — в мед, он — в юриспруденцию. Ему очень шло слово «адвокат». Он так серьёзно его произносил... — она грустно улыбнулась. — Его однажды забрали прямо из школы. На допрос. Говорили, что он агент США. А он... он даже английский толком не знал.

Она посмотрела на Захира.

— Он вернулся. Через два дня. Постарев на десять лет. И стал говорить меньше. Но улыбался больше. Наверное, чтобы скрыть, что внутри всё наполовину выгорело.

— Вы... — Захир запнулся, — вы были с ним... близки?

Это «близки» прозвучало так осторожно, будто он шёл босиком по минному полю.

Насрин покачала головой.

— Мы были друзьями. Просто друзьями. Я любила его как... — она поморщилась, подбирая слово, — как любишь старый дневник. С нежностью и стыдом за прошлые глупости. Но не хотелось бы, чтобы его читали другие.

Он кивнул. В его взгляде не было ни ревности, ни облегчения. Только понимание того, что у каждого здесь есть свой старый дневник.

Где-то вдалеке загрохотало — то ли камень скатился с горы, то ли гром.

Первая капля упала ей на руку. Тёмное, влажное пятно на загорелой коже. Она посмотрела на небо. Оно было по-прежнему безоблачным, выжженным, но из невидимой трещины в нём начал выпадать дождь.

— Дождь? — удивился кто-то. — В Кавире?

Капли стали падать чаще. Они были тёплыми, немного липкими, как плохо смытое мыло.

— У кого-нибудь есть зонтик? — спросила Насрин автоматически, и тут же рассмеялась.

Солдаты переглянулись.

— В пустыне зонтик — это как кондиционер в пещере, — сказал один. — Идея хорошая, но непрактичная.

Захир посмотрел на старшину, тот высунулся из будки.

— Товарищ старшина, можно я отвезу Насрин-ханум в деревню? На «Ури». Иначе она промокнет до нитки.

— Это же просто дождь, а не кислота, — буркнул старшина, глядя на небо с подозрением. — Хотя... кто его знает теперь. Езжай. Только быстро. И по дороге смотри по сторонам. Нам ещё здесь торчать чёрт знает сколько.

Сто шестидесятый KIAN, прозванный «Ури», стоял в стороне, шершавый, как старый ящер. Кабина была раскалённой. Захир рывком открыл дверь, помог ей забраться.

Внутри пахло соляжкой и чем-то ещё — смесью пота, старой кожи и дешёвого одеколona, которым пытались заглушить запах войны.

Захир завёл двигатель. Он заурчал, как простуженный зверь.

— Пристегнитесь, — сказал он, потом вспомнил, что ремень здесь висит обрывком, и усмехнулся. — Ладно. Просто держитесь.

Дождь застучал по крыше крупной дробью. Дворники, наконец, нашли себе дело, скребя по стеклу с усердием двоечника, стирающего ошибку.

Грузовик пополз вниз. Дорога в дождь стала другой. Пыль превратилась в пасту, камешки скользили под колёсами.

— Странно, — сказал Захир, всматриваясь в мутное стекло. — В прошлом году мулы дохли от жажды, а теперь... — он кивнул на потоки воды. — Как будто кто-то наверху решил компенсировать.

— Как будто кто-то наверху пытается смыть с нас что-то, — сказала Насрин. — Вопрос только, что: грехи или кожу.

Он бросил на неё быстрый взгляд.

— Вы всегда так... говорите? Как будто сдаёте экзамен по философии.

— Медицинский, — поправила она. — Но философия — это побочный эффект жизни здесь.

Они оба улыбнулись.

На мгновение дождь, отсутствие связи, выключенное небо — всё отступило. Остались только две фигуры в кабине потрёпанного тентованного грузовика, плывущего сквозь воду и время. Машина шла навстречу деревне, откуда всё ещё пахло дымом, хлебом и финиками.

Насрин смотрела вперёд и думала: «Вот и вся история моей юности. Блокпост, дождь и грузовик. Но, может быть, именно так и выглядит наша жизнь».

Дождь усилился. Капли стали тяжелее, гуще. Они били по крыше так, словно кто-то стучал с небес: «Откройте, мы пришли».

— Почти приехали, — ответил им Захир.

И на секунду Насрин показалось, что если бы можно было растянуть эту дорогу ещё на час, два, на всю жизнь — они бы ехали и ехали под этим странным, тёплым, возможно, ядовитым дождём, и мир снаружи успел бы передумать умирать.

А в голове всплыла строчка из старой песни, которую она когда-то слушала с Адилем, делая одни наушники на двоих: *«В мире, забитом пустыми словами, она расстаётся со своими мечтами. Забудь, прости и отпусти, нам больше не по пути. В твоих часах закончился песок...»*

Песок закончился. Началась вода.

Зейнаб

23 Хордада 1404 г. (13 июня 2025 г.) — 14 Тура 1404 г. (5 июля 2025 г.)

...и музыка кончалась, кончалась, она текла медленно, как густой гранатовый сироп из перевёрнутой ложки, потому что батарейка умирала, маленькая литиевая душа папиного старого плеера отлетала в рай для электрических устройств, и мальчики с волосами цвета сахарной ваты пели всё тише, всё ниже, превращаясь из звонких птиц в усталых, сонных шмелей. Чонгук, Чимин, Тэхён — они уходили в тишину, в великое Ничто, туда же, куда ушли папа и мама, и сигнал сети, и тот мир, где можно было купить мороженое в киоске.

А я лежала и думала: как странно устроен мир, тебя будят ночью, трясут за плечо, и это плечо — твоё, но спросонья кажется чужим, деревянным. «Зейнаб! Зейнаб, вставай!» Я решила, что это сон, ещё один. В нём мы идём на море, которого я никогда не видела, и мама говорит: «Береги волосы от соли», а папа смеётся. Но всё равно попыталась спрятаться под подушку: если не видеть, может быть, и тебя не увидят. Насрин трясла меня, Насрин, моя сестра, острая, как осколок зеркала, она говорила: вставай, вставай, мы едем, мы играем в прятки. Но мы не играли. Мы были куклами, которых укладывали в коробку, в железную коробку машины, пахнущую бензином и папиным одеколоном, тревожным одеколоном, запахом бегства.

И мы ехали, ехали сквозь ночь, которая была чёрной, как зрачок слепого, и фары выхватывали из тьмы куски пустыни — колючку, камень, колючку, камень, — и это был ритм, ритм страха. Город остался позади, как книжка, которую захлопнули посередине. Дальше была дорога и чёрная степь с маленькими светящимися домиками-завтраками для бомб. Небо висело низко, как бабушкин шкаф, за которым в детстве было страшно прятаться. Папа молчал, мама молчала, они были статуями, вылепленными из соли и пепла, они смотрели вперёд, туда, где горизонт горел, но не от солнца, а от чего-то другого, злого и яркого. А я сосала мятную конфету, и она была горькой, потому что страх меняет вкус вещей, меняет вкус слюны, меняет вкус времени.

Мы приехали в дом, который спал. Дом тёти Нилу. Тётя Нилу — это птица, сухая, лёгкая птица в платке, она живёт в гнезде из красной глины, и у неё есть фотографии сына, который улыбается, и мужа, который не улыбается, и они оба — тени. Мы вошли в этот дом, и папа с мамой оставили нас там, как оставляют ненужные вещи в камере хранения, и уехали обратно в огонь. Они даже не обернулись, или обернулись, но я этого не видела, потому что смотрела на

пыль, танцующую в луче света, на пыль, которая была важнее их отъезда, потому что пыль вечна, а родители — нет.

А потом пришёл он. Захир. Солдат с глазами цвета остывшего чая. Тётя Нилу принесла финики, сладкие, липкие финики, и я ела их, и пальцы мои стали сладкими, липкими, и я думала: вот он, принц пустыни, он пришёл спасти нас, или просто ему скучно стоять на посту и смотреть в пустоту. Он был красивый, такой печальной, тусклой красотой, как старая мечеть, которую забыли отреставрировать.

Я смотрела на него, и внутри меня распускался цветок, бумажный цветок, шуршащий и нежный. Я хотела сказать ему: «Захир, посмотри, я здесь, я знаю наизусть все песни о любви, я умею печь хлеб, я умею молчать». Но он смотрел не на меня. Нет, он смотрел на Насрин. На мою сестру, на колючую Насрин, которая ходила в широких штанах и язвила, язвила, как будто слова — это иголки, и она хочет зашить ими дыру в небе.

Он смотрел на неё, как смотрят на воду в засуху. С жаждой. С болью. Он видел, как выбилась прядь её волос, чёрная, блестящая, непокорная, и он краснел, бедный Захир, он краснел сквозь загар, и отводил глаза, но потом снова смотрел. А она... она делала вид, что ей всё равно, что она выше этого, что она — врач, циник, репортёр конца света, но я видела. Я видела, как она поправляла платок, как она смеялась — чуть громче, чем нужно, чуть выше, чем обычно. Ей нравилось, что он смотрит. Ей нравилось быть водой.

А я была песком. Просто песком рядом с водой. И это было грустно, так грустно и прекрасно, как японские стихи, где опадают листья клёна, и никто не виноват, просто осень, просто ветер, просто сердце, которое бьётся не для тебя. Моно-но аварэ, говорила бабушка. Печальное очарование того, что ты — третья лишняя в уравнении, которое даже не начали решать.

Потом начались дни тишины. Тишина была ватной, плотной, она забивала уши. Телефоны умерли. Интернета не стало. Мои корейские мальчики остались одни в своей далёкой стране, и я не знала, живы ли они, поют ли они, или их тоже накрыла тень. Мы были как рыбы, забытые на берегу после отлива. Они ещё какое-то время открывают рот, не понимая, почему воздух не работает, как вода.

Насрин злилась. Она ходила по комнате, как тигр в клетке, она перебирала бумаги генерала Алави, шуршала ими: шур-шур, шур-шур, пасьянс из чужих жизней.

— Уязвимость, — говорила она зло. — Мы все уязвимость. Мы баги. Мы ошибки.

Она была злая, потому что ей было страшно. А мне не было страшно. Мне было пусто. Пустота — это когда ты ждёшь звонка, а телефон — просто кусок пластика и стекла, черный кирпич, надгробие связи.

Иногда шёл дождь. Станный, тёплый, маслянистый дождь. Он стучал по крыше: кап-кап, кап-кап, и это был ритм, под который можно было бы танцевать, если бы мы умели. Тётя Нилу ставила тазы, вода набиралась мутная, серая, как небо. Насрин всё повторяла: «Это яд, это радиация, мы все умрём». Дождь превращал пыль в грязь, запах в ржавчину, мысли — в тишину. В нём было что-то успокаивающее и что-то пугающее, одновременно. Как в руках врача на операционном столе. А я думала: ну и пусть. Пусть умрём. Зато дождь. Зато вода. Зато что-то происходит.

И вот я сижу, и в наушниках тишина, последняя нота умерла час назад, батарейка села, бабочка сложила крылья. Я слышу, как Насрин в соседней комнате шелестит бумагами и разговаривает сама с собой, злая, одинокая Насрин. Я слышу, как дождь перестаёт плакать.

Я закрываю глаза и вижу: вот Захир улыбается Насрин, вот Насрин улыбается Захиру, вот папа режет арбуз, вот мама смотрит в микроскоп, вот Рустам, которого я не знала, сходит с фотографии и садится рядом. Мы все здесь. Мы все в этом ящике, в этом доме, в этой пустыне. И это так грустно, и так невыносимо, и так красиво, что хочется плакать, но слёз нет, есть только сухой песок в горле и память о музыке, которой больше не будет.

Ветер за окном стих. Мир замер. Словно кто-то нажал на паузу перед тем, как перевернуть кассету на другую сторону. Сторона А закончилась. Сейчас начнётся Сторона Б. Или не начнётся.

Я держу Коран на коленях, палец на слове «милость». Рядом лежит телефон...

Пасьянс для одного игрока

14 Тира 1404 г. (5 июля 2025 г.)

«Не ждите слишком многого от конца света», — написал когда-то Станислав Ежи Лец. У него, видимо, тоже были проблемы со связью.

Комната в доме тёти Нилу напоминала склеп, из которого выкинули покойника и забыли закрыть крышку. Красная глина стен впитала жару дня и

теперь отдавала её обратно, медленно, удушливо. Старый вентилятор в углу молчал — электричество здесь играло в прятки со смертью и всё чаще проигрывало.

Насрин сидела на ковре, скрестив ноги. Перед ней, как руины разрушенного города, лежал архив генерала Алави.

Папка: «МУСАВИ, АМИРХАН. Дело №...». Гриф «Секретно». Фотография отца в профиль, сделанная скрытой камерой. Он выглядел усталым и злым, как человек, который знает, что за ним следят, но слишком горд, чтобы обернуться.

Папка: «МУСАВИ, ЗАХРА. Дело №...». Мама. Молодая, в Париже, с распущенными волосами. И другая — в Исфахане, в хиджабе, с глазами, полными льда.

Папка: «ФЕРЗАЛИ, АЛИ». Дед. Красный штамп «Ликвидирован» (зачёркнуто) «Погиб в ДТП».

Папка: «ГАФАРИ, ДЖАВАД».

Папка: «ЙЕЗДИ, РУСТАМ».

Она раскладывала этот пасьянс, и карты ложились в страшный, безупречный узор. Вся история её семьи была не историей любви, не историей веры, а историей наблюдения. Их жизни были подшиты, пронумерованы и скреплены скрепками, которые теперь ржавели от влажности.

Только одной карты не хватало.

Её.

Насрин провела ладонью по шершавому ворсу ковра. Ни одного листа с именем «МУСАВИ, НАСРИН». Никакого «Потенциальная угроза». Никакого «Объект наблюдения».

Она вдруг поняла, что это значит.

Она — Terra Incognita. Статистическая погрешность. Для Системы, которая сожрала её родителей, её дедов и её друзей, она просто не существовала. Она была слишком незначительной, чтобы тратить на неё бумагу и чернила.

«Поздравляю, — подумала она, и эта мысль была холодной, как скальпель. — В стране тотальной паранойи ты — никто. Ты даже не подозреваемая. Ты — пустота».

Рядом на полу стоял алюминиевый чайник, покрытый копотью. В нем плескались остатки воды — мутной, собранной во время первого дождя. Рядом — стакан с чаем. Он давно остыл. Чёрная гуща осела на дно, как ил на дне пересохшего озера.

Она посмотрела на чай. В нем плавала мёртвая муха.

Внезапно ей захотелось рассмеяться. Весь этот архив, все эти тайны, масоны, агенты Моссада, формулы обогащения урана, теории заговора — всё это теперь стоило меньше, чем эта муха.

Всё это имело смысл только тогда, когда мир был горячим. Когда в жилах текла кровь, а не страх. Теперь мир остыл. Он стал как этот чай — горьким, мутным и бесполезным. Пей — не пей, жажду не утолишь.

В соседней комнате Зейнаб тихонько выла. Это не было плачем. Она напевала одну и ту же мелодию, зацикленную, как молитва сумасшедшего. Песня из её плейлиста, который она слушала, пока не села батарейка. Теперь музыки не было, остался только голос — тонкий, дрожащий, срывающийся на фальцет.

«...в твоих часах закончился песок...»

Зейнаб сидела на ковре, раскачиваясь взад-вперёд. На коленях у неё лежал Коран, открытый на суре «Ясин». Она водила пальцем по строчкам, но глаза её смотрели сквозь стены.

«...в твоих часах закончился песок...»

— Ты всё ещё надеешься, что он перевернётся? — спросила Насрин, подходя.

— А у нас есть другой песок? — парировала Зейнаб. Её глаза были красными, но сухими. Она подняла Коран с колен. — Я перечитала «Ясин» уже три раза. На всякий случай. Если всё это... — она мотнула головой куда-то вверх, в сторону неба, — если это всё шутка, пусть Аллах тоже посмеётся.

— Аллах уже отписался от этого канала, — сказала Насрин. — Остались только мы и выключенный роутер.

Тётя Нилу выглянула из кухни.

— Девочки, будете чай? — спросила она по инерции.

— Будем, — ответили они в унисон.

Чай был всё тот же — слабый, горький, без сахара. Но теперь это был не символ и не метафора. Это был просто чай.

В последние дни здесь никто больше не молился по-настоящему. Даже тётя Нилу.

Старая женщина ходила по дому бесшумно, как тень. Она ставила чайник, убирала тарелки, поправляя подушки. В её движениях был автоматизм работа, у которого сгорела логическая плата, но остались моторные функции. У неё никого не осталось. Муж умер на войне сорок лет назад. Сын погиб в каком-то переулке. И теперь у неё было две чужие девочки и белая тарелка антенны на крыше, смотрящая в небо, где никто не отвечал.

Информационный вакуум был плотнее глины стен. Интернет умер без некролога. Даже солдатские рации молчали.

Все они стали заложниками этой тишины. Она, Зейнаб, тётя Нилу. Захир на блокпосте, играющий в нарды, потому что больше нечем заняться. Старшина, который повторял «Не покидать пост» хриплым голосом старой рации, как мантру. Их родители — где-то в другой половине мира, если ещё были.

Насрин взяла папку с делом отца. Открыла наугад.

«Объект склонен к рефлексии. Уязвим через семью».

Она швырнула папку в стену. Бумаги разлетелись веером, оседая на пол, как прошлогодние листья.

— Уязвим! — крикнула она в пустоту. — Вы все уязвимы! Вы все сдохли! А мы здесь! Мы здесь, и мы ждём, когда нас накроет!

Никто не ответил. Зейнаб даже не сбилась с ритма.

«...закончился песок...»

За окном снова зашумело. Сначала тихо, как шёпот, потом громче. Дождь.

Тот самый. Тёплый. Маслянистый. С привкусом металла и йода.

Он застучал по крыше, по тарелке антенны, по сухой земле, которая пила этот яд с жадностью умирающего.

Насрин подошла к окну. Стекло было мутным, грязным. Сквозь него мир казался подводным царством.

Где-то там, за пеленой дождя, в середине мира, были её родители. Если ещё были.

Она не знала. И это незнание было страшнее любой правды.

Она вернулась к разбросанным бумагам. Подняла чистый лист, выпавший из какой-то папки. Пустой бланк. Без имени. Без номера.

Она взяла ручку. Рука дрожала.

Она написала: «МУСАВИ, НАСРИН».

И ниже: «СТАТУС: ЖИВА. ПОКА».

Она положила лист наверх стопки. Это было её дело. Её архив. Её история, которая только начиналась там, где закончилась история всех остальных.

Зейнаб замолчала. В тишине звук дождя стал оглушительным. Он звучал как аплодисменты. А затем стих.

Конец света проходил строго по расписанию, но никто не прислал нам приглашения. Мы просто оказались в первом ряду.

И в этот момент дверь распахнулась. В комнату ворвалась Зейнаб, разметав ногами весь пасьянс, так тщательно разложенный Насрин. Её глаза горели безумным огнём, а в руке она сжимала оживший, светящийся телефон.

— Насрин! — закричала она, и её голос сорвался на визг. — Мама звонит! Они завтра с папой приедут!

Постскриптум

13 июня 2025 года Израиль атаковал Иран. В течение операции «Народ как лев» (מבצע פך כלביא) он нанёс удары более чем по 1000 целей в Иране, преимущественно по военной инфраструктуре и ядерным объектам.

В ночь на 22 июня 2025 года военно-воздушные и военно-морские силы США провели атаку под кодовым названием «Полуночный молот» (Midnight Hammer) против нескольких ядерных объектов в Иране. Среди них — завод по обогащению урана Фордо, ядерный объект в Нетензе и Исфаханский центр ядерных технологий и исследований. В ходе операции было использовано четырнадцать противобункерных авиабомб GBU-57*, доставленных стелс-бомбардировщиками Northrop Grumman B-2 Spirit, а также 30 ракет «Томагавк», запущенных с подводной лодки.

Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) не выявило признаков повышения уровня радиации после американских ударов по объектам ядерной программы Ирана.

— После атак на три ядерных объекта в Иране, включая Фордо, МАГАТЭ может подтвердить, что на данный момент не было зафиксировано никакого повышения уровня радиации за пределами объекта, — говорилось в заявлении.

Аналогичные сообщения выпустили Комиссия по ядерному и радиологическому регулированию Саудовской Аравии, а также Центр ядерной безопасности Ирана.

— Исчезнувшие после ударов США по трём крупнейшим объектам иранской ядерной программы 400 кг обогащённого до 60 процентов урана находятся «там же, где и были до атак», — сказал в интервью телеканалу Al Jazeera министр иностранных дел Ирана Аббас Арагчи.

Д-р Хасан Резаи покинул пост руководителя лаборатории в Исфаханском центре ядерных технологий по состоянию здоровья. В настоящее время занимает должность советника по стратегическому планированию в Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ). Живёт в Тегеране, ведёт закрытый образ жизни.

Д-р Захра Мусави была назначена руководителем лаборатории №4 Исфаханского центра. За вклад в развитие национальной науки награждена орденом «Наср» 2-й степени (закрытым указом).

Амирхан Мусави переведён из муниципалитета в региональное управление Разведывательной организации КСИР (Сазман-е Эттелаат-е Сепак) на должность заместителя начальника по внутренней безопасности. Курирует вопросы контрразведывательного обеспечения стратегических объектов.

Насрин Мусави прервала обучение в Исфаханском университете медицинских наук и перевелась на факультет военно-полевой хирургии Медицинского университета Армии Исламской Республики Иран (АИА) в Тегеране.

Захир Мешхеда после демобилизации успешно сдал экзамены и был зачислен в Авиационный университет имени шахида Саттари (факультет аэрокосмической инженерии).

Зейнаб Мусави по окончании школы получила грант на обучение в Массачусетском технологическом институте (MIT), США. Специализация: аэронавтика и астронавтика.

Генерал-майор Асадолла Алави. Числится пропавшим без вести. Его тело не было обнаружено при разборе завалов подземного комплекса в Фордо. Официальных сообщений о гибели не публиковалось.

*GBU-57 или Massive Ordnance Penetrator (MOP) — американская корректируемая противобункерная авиационная бомба. Разработана авиастроительным концерном Boeing. Способна перед взрывом проникать в грунт на глубину до 61 метра или пробивать до 19 метров армированного бетона.

Операция «Бродячий пёс»

Глава 1. Йога vs. Апокалипсис

14:41 EST, Кембридж, Массачусетс. Лаборатория Линкольна

Снег в Кембридже падал так тихо, что, казалось, можно было услышать, как кристаллы льда касаются черной воды Чарльз-ривер. Это был не тот снег, что я помнила из детства, — не колючий, злой снег гор Загрос, который резал лицо, как песок пустыни Деште-Кевир. Этот снег был мягким, стерильным, почти невесомым, как предвыборное обещание демократа. Он укутывал кампус MIT в белое одеяло забвения, стирая углы brutальной архитектуры, смягчая звуки города, превращая мир в японскую гравюру, где нет ни прошлого, ни будущего, только вечное, застывшее «сейчас».

Я сидела в эргономичном кресле Herman Miller, которое стоило больше, чем годовой бюджет деревни Абьяне, у окна лаборатории, и кондиционер гудел над головой с монотонностью буддийского монаха. Сидела и смотрела, как на экране монитора пульсирует жизнь — не моя, а механическая. Маленький дрон-колибри, проект «Nano-Hummer», совершенный в своей миниатюрности, махал углепластиковыми крыльями с частотой сорок герц. Его тельце было размером с мой большой палец, а камера в глазу могла различить номер машины с высоты двести метров. Министерство обороны платило нам за то, чтобы эта птичка летала тише и дольше. Я смотрела на него и думала о том, как странно устроена память: она хранит не события, а тактильные ощущения. Шершавость глиняной стены. Липкость фиников. Холод отцовского пистолета, который он случайно положил на обеденный стол. И ощущение пыли в доме тёти Нилу. Всё это осталось там, на Стороне А, в мире, который чуть не сгорел, но радиоактивный пепел от которого я всё ещё носила в карманах своего накрахмаленного халата.

Здесь, на Стороне Б, всё было другим. Безопасным. Гипоаллергенным. Моя жизнь теперь была похожа на этот снегопад — красивая, упорядоченная и холодная. Я научилась сортировать мусор по четырём контейнерам, пить матча-латте вместо чая с чабрецом и улыбаться той вежливой, американской улыбкой, которая обнажает зубы, но прячет душу. Я построила себе стеклянный замок из грантов DARPA, горящих дедлайнов и еженедельных сессий с доктором Голдберг, которая учила меня искусству отпускать.

«Зи, — говорила она мягким голосом, похожим на шуршание долларовой купюры, — семейная травма — это не тюрьма, это опыт. Ты не дерево, ты птица. У тебя нет корней, у тебя есть крылья. Лети».

И я летела. Или делала вид. Я слушала инди-фолк, в котором страдания были уютными, читала Салли Руни — книги в которых не было войны, и старательно забывала язык, на котором слова «жизнь» (zendegi) и «тюрьма» (zندان) звучат почти одинаково. Я стала мастером искусства «моно-но аварэ» — печального очарования вещей, которые проходят мимо, не касаясь сердца. Я смотрела на снег и чувствовала себя снежинкой — уникальной, одинокой и медленно тающей на чьей-то тёплой ладони.

На экране дрон-колибри завис в воздухе, идеально неподвижный. Сорок взмахов в секунду — и полная иллюзия покоя. Как я.

И в этот момент хрупкую тишину лаборатории, эту симфонию меланхолии и интеллектуального покоя, изнасиловал звук.

Не сирена воздушной тревоги. Не грохот разрыва. Хуже.

Это был рингтон моего телефона. «Dynamite» BTS. Веселый, идиотски жизнерадостный поп-гимн из той ночи, когда мой мир рухнул. Я поставила его специально — как напоминание о том, что даже в аду может играть диско.

Я вздрогнула так, что чуть не опрокинула чашку с полуостывшим чаем. Иллюзия рассыпалась. Акварель стекла грязной лужей.

На экране высветилось фото: «МАМА (ТОКСИЧНО)».

А следом, второй линией, уведомление в Telegram: «ПАПА (КСИР)».

И тут же, пулемётной очередью, сообщения в WhatsApp от Насрин:

«Зейнаб, возьми трубку, твою мать!»

«Они опять случайно уронили мир».

«Отвечай, сучка, мы все умрём!»

Я смотрела на телефон, как на неразорвавшийся снаряд, внезапно материализовавшийся среди моих чертежей. Сердце, которое только что билось в ритме падающего снега, сорвалось в панический галоп.

— О боже, — прошептала я своему коллеге, Кевину. У Кевина были волосы розовые, как мечты о социализме, и футболка с надписью «Тревожность — это моя суперсила». Он сидел за соседним столом и моделировал турбулентность, поедая веганский круассан. — Они снова это делают. Они снова нарушают мои личные границы.

— Кто? — спросил Кевин, лениво помешивая свой латте на овсяном молоке цифровым стилусом. — Республиканцы? Твой лендлорд?

— Хуже. Мои родители. Они звонят только в двух случаях: когда я забыла поздравить троюродную тётю Фатиму с днём рождения, что является смертным грехом, или когда летит межконтинентальная баллистическая ракета. И судя по тому, что тётя Фатима родилась в марте...

— Слушай, — Кевин зевнул, не отрываясь от монитора. — Если мир взорвётся, наш rareg для Nature всё равно не примут? Дедлайн в понедельник.

— Если мир взорвётся, рецензент всё равно найдётся, — на автомате ответила я. — И напишет, что методология недостаточно прозрачна.

— А ты не пробовала более радикальные методы домашней сепарации? — спросил он, откусывая круассан. — Может, тебе всё же сделать татуировку? Ну, знаешь, что-то дерзкое. Глядишь, они и отстанут. Родители с Ближнего Востока ненавидят, когда портят «храм тела». Моя мама-католичка месяц со мной не разговаривала после того, как я набил Пикачу. Это был лучший месяц в моей жизни.

Я посмотрела на него с жалостью. Кевин мыслил категориями пригорода Огайо, где самой большой проблемой было неправильно подстриженная лужайка.

— Кевин, мой отец — полковник Корпуса Стражей Исламской Революции. Его не испугаешь бабочкой на пояснице или Пикачу на лодыжке. Чтобы они от меня отстали, татуировка должна быть идеологической.

— Типа флаг США?

— Недостаточно радикально. Ага. Только разве что с номером из Дахау на запястье. Вот это был бы шах и мат.

Кевин поперхнулся латте. Капли овсяного молока брызнули на клавиатуру.

— Чувиха, это... это очень темно. Даже для тебя. Это cancel culture level.

— Добро пожаловать в мой мир, — мрачно усмехнулась я. — У нас тут темнота — это национальный ресурс, Кевин. Мы её экспортируем. Как нефть.

Но телефон все еще вибрировал, подпрыгивая на столе и медленно сдвигаясь к краю, словно лемминг, решивший покончить с собой. Он требовал внимания. Он орал голосами Чонгука и Чимина. Он тянул свои невидимые щупальца через Атлантику, через годы когнитивно-поведенческой терапии, через мою новую идентичность успешного инженера, пытаюсь утащить меня обратно в ту красную глину, в тот дом с призраками и запахом страха.

«Дочь, бросай всё, нам нужно поговорить о конце света, и ты должна это исправить, потому что ты училась в MIT, а мы платили за твою учёбу нервными клетками всей нации».

Я вздохнула. Вся моя японская поэзия, вся моя новая жизнь, все мои «крылья» рушились под натиском этого настойчивого, древнего, персидского требования: долг.

Я протянула руку. Палец завис над экраном. Зелёная кнопка «Ответить» или красная «Умереть для семьи».

Я нажала «Сбросить».

— Не сегодня, — сказала я телефону твёрдо. — Сегодня я выбираю себя. Это единственное, чему меня научил наш семейный апокалипсис: никого другого ты всё равно не спасёшь. И вообще, у меня хот-йога в пять. Мне нужно открыть чакры, а не бункер.

В этот момент мне показалось, что я сделала что-то невероятно взрослое, терапевтическое, правильное. Я защитила своего внутреннего ребёнка от внешней геополитической угрозы. Я осталась снежинкой, нетронутой грязью истории. Сорок секунд тишины. Сорок секунд, в которые я почти поверила, что победила.

Но телефон зазвонил снова. Мелодия сменилась. Это был стандартный, резкий звонок. На экране высветился номер. Не иранский +98. Не американский +1. Это был +850. Код Северной Кореи.

Кевин перестал жевать.

— Зи! Это... это же КНДР?.. Тебе звонит Ким Чен Ын? Они тебе звонят? Зи, ты что, тайный агент? Ты же говорила, что из Ирана!

Я почувствовала, как дёргается левый глаз.

— Кевин, — сказала я ледяным тоном. — Кажется, личные границы отменяются. И йога тоже. Если я не вернусь через десять минут, удали мою историю браузера.

Я схватила телефон и выбежала в коридор.

Глава 2. Кимчи и судьба

10:38 EST (00:38 по Пхеньяну). За 4 часа до звонка Зейнаб. Секретный командный пункт «Гора Пэкту». КНДР

Генерал-полковник Ким Чхоль Су, командующий стратегическими ракетными силами КНДР, страдал от трёх вещей: патриотизма, геморроя и хронического метеоризма. Первое помогало ему делать карьеру, второе — избегать длинных совещаний, а третье, вызванное контрабандным чизбургером, съеденным в тайне от политрука, грозило сорвать испытания века.

Бункер «Гора Пэкту» находился на глубине восемьдесят метров под гранитной толщей и пах так, как пахнут все бункеры мира: бетонной пылью, машинным маслом, человеческим потом и страхом, замаскированным под дисциплину. Но здесь был ещё один запах — острый, бьющий в нос аромат квашеной капусты, который просачивался из генеральского свёртка и побеждал даже вентиляцию советского образца.

Асадолла Алави, ныне известный как «Товарищ Ли», советник по стратегическим вопросам, стоял у панорамного бронестекла и держал в руках чашку с соджу. Ему было семьдесят два года. Он пережил революцию, войну с Ираком, тридцать лет шпионажа, американский удар по Фордо и бегство через Китай в товарном вагоне с чесноком. Ему хотелось покоя. Вместо этого он получил Северную Корею.

За стеклом, залитая мертвенным светом прожекторов, стояли гордость нации — две ракеты «Хвасон-21-Супер-Турбо». На самом деле это был гибрид украденных российских чертежей «Буревестника», иранских наработок, которые Алави вынес из Фордо в своём портфеле, и корпуса от списанного китайского локомотива. Ракеты были уродливыми. Они напоминали раздувшиеся от гордости сигары, к которым белой изолентой примотали ядерный реактор.

— Великолепно, не правда ли, товарищ Ли? — Генерал дышал тяжело и влажно.

— Внушает, — сухо ответил Алави на безупречном корейском, который выучил от скуки за несколько лет работы в этом бетонном мешке. — Особенно тот факт, что мы запускаем реактор открытого типа. Вы понимаете, генерал, что после старта вся эта долина будет светиться в темноте следующие триста лет?

— Мелочи! — отмахнулся Ким, откусывая от свёртка. Хруст капусты прозвучал в тишине командного пункта как выстрел. — Это цена величия. Великий Маршал сказал: «Пусть небо горит, чтобы враги ослепли».

— Поэтично, — заметил Алави. — Но я бы рекомендовал проверить систему охлаждения навигационного блока. Российские чертежи, которые я

вам передал, предполагали использование сплава титана. А ваши инженеры, насколько я понял из докладов, заменили его на...

— На чугун! — гордо перебил Ким, жуя. Капля красного соуса кимчи повисла у него на подбородке, угрожая упасть на орденскую планку. — Наш чугун — самый крепкий в мире. Титан — это буржуазная блажь.

Алави вздохнул. Он был тенью, призраком, человеком, который манипулировал историей из-за кулис. И вот теперь он стоял здесь, в компании человека-желудка, и смотрел, как конец света готовится наступить из-за экономии на цветных металлах.

— Товарищ Ли, — прохрипел генерал Ким, вытирая жирные пальцы о штаны мундира (салфетки в КНДР были стратегическим ресурсом). — Как вы оцениваете готовность к тестовому запуску?

— Генерал, — Алави отпил соджу, — я оцениваю её как «иншалла». В смысле, если законы физики сегодня в хорошем настроении и Аллах не отвернулся от этого проклятого полуострова, она взлетит. Но я бы отошёл от окна. И от этой горы. И от этой страны.

— Пораженчество! — Ким икнул и потянулся к пульта управления. — Мы покажем империалистам!

Пульт был шедевром северокорейского дизайна: огромные лампы накаливания, аналоговые переключатели, провода, торчащие из щелей, и Большая Красная Кнопка под стеклянным колпаком. Рядом располагался маленький тумблер с надписью, сделанной маркером: «ТЕСТ / БОЙ». Сейчас он стоял в положении «ТЕСТ».

— Кстати о готовности, — сказал Алави, глядя на телеметрию. — Навигационный блок. Чьи чипы вы использовали?

— Мы закупили партию на Алиэкспрессе, — гордо ответил Ким. — Очень умные. Сами строят маршрут, огибают препятствия. Для роботов-пылесосов премиум-класса.

Алави медленно поставил чашку на пульт.

— Генерал. Вы поставили в межконтинентальные крылатые ракеты чипы от пылесоса?

— Самообучающиеся чипы! Искусственный интеллект! Очень дорогие — двенадцать долларов за штуку!

— Пылесосы запрограммированы избегать препятствий, — сказал Алави мёртвым голосом. — Для ракеты горы и облака — это препятствия. Она не полетит по баллистической траектории. Она будет лететь, огибая рельеф. Как, мать его, очень быстрый и очень радиоактивный пылесос.

— Ерунда! Она же крылатая, — отмахнулся Ким. — Приступить к обратному отсчёту!

Операторы за пультами — тощие юноши с глазами фанатиков — начали щёлкать тумблерами. На экранах побежали цифры.

— Десять... Девять...

Генерал Ким переложил бутерброд с кимчи в левую руку, чтобы освободить правую для торжественного нажатия кнопки. Капля красного соуса повисла у него на подбородке, угрожая парадному мундиру цвета хаки.

— Восемь... Семь...

Алави заметил это за секунду до катастрофы. Гравитация, бессердечная сука, вступила в сговор с гастрономией.

Капля сорвалась. Она летела вниз в замедленной съёмке — жирная, маслянистая, электролитическая. Алави, чей мозг привык просчитывать траектории изотопов, мгновенно вычислил точку падения.

Это был не колпак над красной кнопкой.

Это был тумблер «ТЕСТ / БОЙ».

— Генерал, нет! — Алави рванулся вперёд.

Поздно.

Капля шлёпнулась на стык переключателя. Соус затёк внутрь. Короткое замыкание. Тихий щелчок реле. Индикатор «ТЕСТ» погас. Загорелся кроваво-красный «БОЙ».

— Два... Один...

Генерал Ким, будучи большим поклонником советской ракетной программы, но не заметивший смены режима, с торжествующим воплем ударил кулаком по большой кнопке.

— Поехали!

Снаружи ад разверзся. Ракета не просто взлетела — она рванула с места, как ошпаренная кошка. Ядерный прямоточный двигатель включился сразу,

минуя фазу разгона. Бункер тряхнуло так, что у Алави лязгнули зубы. Вторая, вздрогнув, завалилась на бок...

— Упс, — сказал генерал.

На экранах мониторов побежали цифры.

— Отмена! — завизжал Ким. — Отмена! Это боевая! Там боеголовка! Мы же хотели только проверить гидравлику!

— Траектория?! — заорал Алави, хватаясь за поручень.

— Навигация — сбой! — верещал оператор. — Перегрев процессора! Чипы не справляются с температурой!

— Куда она летит?!

Алави оттолкнул офицера и уставился на карту. Линия траектории дрожала, извивалась, как кардиограмма эпилептика. Ракета шла на восток. Потом дёрнулась на север. Потом на запад.

— Какие конечные координаты были введены? — спросил Алави ледяным тоном.

— Тестовые! — прошептал Ким. — Мы ввели... эээ... точку в Вашингтоне. Для демонстрации Великому Маршалу. Дом. Белый... Шутки ради!

— И не сменили их на учебные?

Молчание.

Алави закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул. Вспомнил Хафиза. Вспомнил Фордо. Вспомнил дождь в пустыне.

Ракета с ядерной боеголовкой в 500 килотонн и двигателем, который фонит как расплавленный реактор, летит на Вашингтон. Но из-за перегрева чипов от пылесоса она летит туда очень длинным путём. Огибая препятствия. Через Китай. Россию. Его Иран. Через чёрт знает что.

— Связь! — рявкнул Алави. — Звоните в Вашингтон! Предупредите!

— Нельзя, — пролепетал Ким. — Мы обрезаем кабель на прошлой неделе. Чтобы солдаты не смотрели порнографию.

— Факс?

— Бумаги нет. Санкции.

Алави посмотрел на генерала. Потом на экран, где красная точка уже пересекала Восточное море. У него не было выбора.

Он полез во внутренний карман и достал старую, потёртую, но надёжную Nokia. Батарея — 12%. Сеть — одна палочка.

— Что вы делаете? — спросил Ким. — Звонить за границу запрещено! Расстрел!

— Генерал, — Алави посмотрел на него взглядом, от которого замерзли центрифуги. — Заткнитесь и принесите мне ещё соджу. И йода. Много йода. Я звоню в Тегеран. И найдите зарядку.

Он набрал номер.

— Алло? — женский голос. Усталый. Раздражённый.

— Захра, — сказал Алави. — Это я. Не вешай трубку. У нас проблема.

— Алави? — в её голосе смешались удивление и сарказм. — Ты звонишь с того света?

— Хуже. Я звоню из Северной Кореи. Слушай внимательно. Мы отправили «посылку». Большую. Светящуюся. И очень тупую. Мне нужно, чтобы ты позвонила своему мужу. Потом дочери. Потом кому угодно, у кого есть паяльник и доступ к системам РЭБ.

— Что за посылка?

— Помнишь чертежи «Буревестника», которые мы изучали? Так вот. Представь, что их собирали пьяные лемуры из чугуна и капусты.

— О Аллах, — выдохнула Захра. И Алави услышал в этом выдохе то, чего ему так не хватало последние годы. Профессионализм. — Сколько у нас времени?

— До Ирана? Часа четыре. До Америки... Если она не развалится по дороге... Тоже четыре.

— Диктуй частоты, — сказала Захра. — И, Алави?

— Да?

— Если мы выживем, ты должен мне новый ковёр. Старый я сожгла, когда оплакивала тебя.

— Договорились, — сказал Алави и нажал отбой.

Он посмотрел на генерала Кима, который пытался собрать остатки бутерброда с пола.

— Генерал, простите, — сказал Алави вежливо. — Вы идиот. Но вы идиот исторического масштаба. Это даже вызывает восхищение.

Глава 3. Файрвол для котика

11:14 EST (19:44 по Тегерану). 3,5 часа до звонка Зейнаб. Исфахан. Подвальное помещение Управления разведки КСИР

Подвал пах плесенью, старым бетоном и страхом. Не тем острым страхом, который бывает перед расстрелом, а хроническим, застоявшимся — страхом людей, которые приходят сюда отвечать на вопросы. За тридцать лет этот запах въелся в стены так глубоко, что никакая вентиляция не могла его выветрить.

Амирхан Мусави, заместитель начальника по внутренней безопасности стратегических объектов, сидел в кресле, которое скрипело при каждом его вздохе, и ненавидел зумеров. Точнее, он ненавидел ту пропасть непонимания, которая пролегла между его поколением, выросшим на войне и молитвах, и этим поколением, выросшим на VPN и мемах.

Амирхан разглядывал распечатку. На ней была фотография котика. Рыжего, пушистого, с глазами-блюдцами. Котик сидел на коврик. Коврик был бело-голубым.

Напротив него сидел студент факультета искусств Исфаханского университета. Тощий, с волосами, крашенными в цвет увядшей сирени, и взглядом человека, который не понимает, как оказался здесь. На нём была мятая футболка с надписью на английском, которую Амирхан не мог прочитать, но подозревал в подрывном содержании.

— Итак, — Амирхан постучал пальцем по распечатке скриншота. Бумага была дешёвой, серой, а принтер явно требовал замены картриджа. — Гражданин Карими. Ты лайкнул пост с котиком. В социальной сети, заблокированной на территории Исламской Республики.

— Да, господин офицер. Котик был... эстетически приятным. Это персидская шиншилла.

— Котик сидел на коврик, — продолжил Амирхан монотонным голосом человека, который читает этот бред уже в десятый раз за день.

— Да.

— Коврик был бело-голубым.

— Это традиционный узор из провинции Йезд!

— Ага. А две полосы по краям?

— Это кайма!

— Это скрытая пропаганда сионизма через фелинологию! — Амирхан устало потёр переносицу. — Ты понимаешь, сынок, что в нынешней геополитической ситуации даже коты должны быть идеологически выдержанными? Почему рыжий кот? Почему не черный?

— У меня аллергия на черных... А он так похож на моего...

Телефон Амирхана, лежащий на столе поверх папки с делом «О подрывной деятельности в Телеграм-каналах любителей вязания», завибрировал. Номер не определился.

Амирхан вздрогнул. Сердце пропустило удар. Только один человек звонил с неопределяемых номеров так настойчиво в последние годы. Человек, который должен был быть мёртв. Генерал Алави. Но Алави погиб в Фордо... Или жена.

— Алло? — рявкнул он, не скрывая раздражения.

— Амирхан, — голос Захры был не просто ледяным. Это был абсолютный ноль. Голос физика, наблюдающего распад протона на собственной сковородке. — Ты где?

— На работе. Защищаю революцию от котиков и сионистских ковриков. Что случилось? Ты забыла купить лаваш?

— Хуже. Мне только что звонил Алави.

В кабинете повисла тишина. Студент перестала дышать, почувствовав, что атмосфера изменилась.

— Алави погиб, — медленно произнёс Амирхан. — Мы похоронили пустой гроб два года назад. Я лично нёс венок.

— Видимо, в аду плохая связь, поэтому он звонит из Северной Кореи.

— Кореи? — Амирхан встал. Студент вжался в стул. — Значит, он жив...

— Это уже неважно. Слушай меня внимательно. Через несколько часов над нами пролетит ракета.

— Чья? Израильская? Американская?

— Хуже. Северокорейская. С ядерным двигателем и навигацией от робота-пылесоса. Алави говорит, она летит зигзагами, огибая рельеф, по непредсказуемому маршруту, и очень низко. Нам нужно её сбить. Или перехватить управление.

— Чем сбить? — Амирхан подошёл к карте на стене. — У нас ПВО настроено на «Томагавки» и стелс-бомбардировщики, а не на летающие пылесосы! Если она идёт ниже радаров, мы увидим её, только когда она влетит в окно мечети Имама!

— Амирхан. Конечная цель США, северо-восточное побережье. Там наш ребёнок.

— Чёрт...

— Алави дал код доступа к управлению.

— Какой?

— 123456.

— Ты шутишь?

— Нет. Алави сказал, что Ким Чен Ын считает смену заводских настроек проявлением слабости. Проблема в другом. Пульт управления... в интернете. Это «умная» ракета. IoT. Internet of Things. Чтобы ввести код, нужно подключиться к её серверу.

— И что? У нас есть кибервойска.

— А то, что у нас «халяльный интранет», Амирхан! — Голос Захры сорвался на крик. — Вы отключили внешний интернет три дня назад из-за протестов! Мы за файрволом! Мы не можем взломать ракету, потому что мы сами себя заблокировали! Нам нужен кто-то снаружи. Кто-то с быстрым интернетом, мозгами и доступом к глобальной сети.

— Зейнаб... — выдохнул Амирхан.

— Именно. Звони Насрин. Пусть она будит Захира. У него есть доступ к военной связи, может, он сможет пробиться. И пусть ищут Зейнаб. Я пытаюсь ей дозвониться, но она сбрасывает. У неё, видите ли, «личные границы» и йога.

— Я понял.

Амирхан положил трубку. Он посмотрел на студента. Тот сидел ни живой ни мёртвый.

— Слушай меня, — сказал Амирхан тихо. — Вали отсюда. Иди домой. Купи своему коту самый дорогой корм. И помолись.

— А протокол? А подписка? — пролепетал парень.

— К чёрту протокол. Если мы сегодня все не испаримся, я тебя лично найду и заставлю лайкать портреты аятолл до конца жизни. А сейчас — брысь!

Студент исчез, словно телепортировался. Амирхан остался один в пустом кабинете, где пахло недорогим кофе и дорогим страхом.

Он набрал номер старшей дочери.

— Насрин! У нас ЧП. Звони Зейнаб. Плевать на её йогу. Скажи ей... скажи ей, что если она не возьмёт трубку, я лично прилечу в Бостон и набью ей татуировку с флагом Израиля на лбу!.. И пусть Захир позвонит мне!

Глава 4. Подписка на глупость

11:40 EST (20:10 по Тегерану). 3 часа до звонка Зейнаб. Исфахан. Защищённый узел связи КСИР

Комната спецсвязи напоминала космический корабль, построенный из деталей советских танков. Стены были обиты звукоизоляционными панелями цвета «депрессия бюрократа», а кондиционер гудел с натугой умирающего слона. На столе стоял стакан с чаем, в котором плавал одинокий лимон, похожий на затонувший остров.

Амирхан Мусави кричал в трубку красного телефона так, что запотевало бронированное стекло, отделяющее его от операторов.

— Что значит «не видите»?! Это не воробей, лейтенант! Это пятитонная корейская дура с ядерным реактором! Она светится в инфракрасном спектре как новогодняя ёлка в торговом центре Дубая!

Голос дежурного офицера ПВО из бункера в Хамадане был унылым и безнадёжным, как инструкция к сборке икеевской мебели на шведском.

— Господин полковник, я всё понимаю. Но система С-400 «Триумф» выдаёт ошибку 404.

— Какую к шайтану ошибку?!

— «Лицензия на модуль дальнего обнаружения истекла. Пожалуйста, обратитесь к системному администратору для продления подписки или перейдите на тариф «Премиум». Русские отключили пакет, господин полковник. Остался только «Базовый» — видим только то, что летит медленнее верблюда и не дальше восьми километров.

Амирхан почувствовал, как дёргается веко.

— Обновите прошивку! Взломайте её! Вы же хакеры Аллаха!

— Не можем. Там защита от «Касперского». Если попытаемся взломать, она заблокирует пусковые установки и начнёт майнить криптовалюту. А биткоин сейчас упал, так что это экономически нецелесообразно.

Амирхан швырнул трубку на рычаг. Пластик треснул.

— Санкции, — прошипел он. — Они наложили санкции даже на дружбу.

Он подошёл к сейфу, набрал код (дата свадьбы, которую он никогда не забывал после того случая с неудачной слежкой) и вытащил белый терминал Starlink — наследство генерала Алави. Вышел на балкон. Небо было чистым, чернильным и равнодушным. Где-то там, в стратосфере (или в тропосфере, учитывая навигацию от пылесоса — Амирхан в этом не очень хорошо разбирался), летел «Хвасон», и летел не на Марс, а к его дочери, к ним, а он стоял с тарелкой от Илона Маска и пытался дозвониться до единственного русского, который мог бы помочь...

Тайга. 100 км от Северодвинска. Высота 50 метров

Генерал-лейтенант ФСБ Владимир «Волк» Волков. Человек, который мог решить любой вопрос, если был трезв. Или если был пьян, но в хорошем настроении. Сейчас, судя по времени, он был в состоянии квантовой суперпозиции.

Вертолёт Ми-8, перекрашенный в камуфляж «люксовая зима» (белая кожа в салоне, мини-бар с подсветкой, караоке-система), летел над верхушками елей, разрезая тьму мощными прожекторами.

Генерал сидел у открытой двери, свесив ноги в унтах из меха полярного волка. В руках он держал не «Калашников» — это для плебеев и срочников. Он держал трофейную американскую винтовку AR-15 с тепловизором последнего поколения и позолоченным спусковым крючком. Подарок от коллег из ЦРУ на пенсии.

— Эргономика! — орал он пилоту сквозь шум винтов, прикладываясь к прикладу. — Умеют, америкосы, делать вещи! Лёгкая, как балерина Большого! Не то что наше весло!

Внизу по глубокому снегу, проваливаясь по брюхо, бежало стадо кабанов. Они бежали не от страха, а от безысходности.

— Давай ниже, Михалыч! Я хочу посмотреть ему в глаза перед тем, как сделаю из него шашлык! Я хочу видеть его душу!

В кармане тулупа, сшитого из шкур краснокнижных тюленей, завибрировал спутниковый телефон.

Волков поморщился.

— Кто там ещё? Жена? Михалыч, ответь! Скажи, я на совещании в Арктике! Спасая белых медведей от глобального потепления!

Но телефон не унимался. И номер был странный. Иранский. +98.

Волков, чертыхаясь, прижал телефон плечом к уху, не выпуская винтовку.

— Алло! Волков на проводе. Говорите быстро, у меня кабан уходит в нейтральные воды!

В Тегеране Амирхан включил громкую связь и запустил голосовой переводчик на старом планшете.

— Володя! Это Амирхан! У нас проблема!

Голос робота-переводчика, женский и безэмоциональный, перевёл это как: «Владимир. Это Эмир. У нас есть коза».

Волков рыгнул, выпустив облачко пара, пахнущего армянским коньяком.

— Какая коза, Амир? Я на кабана иду! Зачем мне твоя коза?

— Корейская ракета! — орал Амирхан в динамик. — Летит через вас! Ядерная! Включи нам радары, твои барыги отключили подписку! Срочно!

Google Translate подумал секунду, переваривая персидские идиомы, и выдал: «Корейский фейерверк. Летит сквозь тебя. Атомный. Активируй уши, твои торговцы убили подписку на жизнь».

Волков нахмурился. Сквозь шум винтов и поллитра коньяка до него начал доходить смысл. «Корейский... атомный... летит на меня».

— Тэпходон? — заорал он, перекрывая шум двигателя. — Этот жирный Ким все-таки нажал кнопку?! Я знал! Я говорил в Совбезе, что нельзя давать детям спички!

— Да! Хвасон! — крикнул Амирхан (переводчик: «Утвердительно! Истина!»). — Сбей её или дай нам коды активации!

Генерал Волков осознал масштаб катастрофы. Если ракета упадёт в тайге — хрен с ней, тайга большая, кабаны мутируют, станут ещё больше. А если она упадёт на его дачу в Сочи? Там же виноградники!

Он вскочил на ноги, забыв, что вертолёт — это не кабинет на Лубянке, а вибрирующая жестянка в воздухе.

— Михалыч! Разворачивай! Код красный! Срочно связь с Москвой! Бл*дь!!!

Вертолёт тряхнуло воздушной ямой.

Генерал, не удержав равновесия на скользком полу (кто придумал положить в вертолёт паркет?), подпрыгнул. Его голова в меховой шапке с глухим стуком встретила с потолочной балкой.

Палец, лежавший на позолоченном, сверхчувствительном крючке американской AR-15, рефлекторно сжался.

Очередь — тра-та-та! — ушла не в кабана. И не в воздух.

Она ушла в приборную панель, прямо между ног пилота Михалыча, превращая навигационную систему ГЛОНАСС в конфетти.

Искры. Дым. Визг пилота.

— Ты что творишь, мудак старый!!! — заорал Михалыч, бросая штурвал. — Гидравлика! Мы падаем!

— Это не я! — орал Волков, падая на пол и пытаясь поймать бутылку коньяка. — Это американская эргономика!!! Это диверсия!!!

Вертолёт закружило волчком. Ёлки стремительно приближались, похожие на копыта зелёной армии.

В трубке у Амирхана раздался треск, отборный русский мат (который переводчик деликатно перевёл как «О боже, как неожиданно»), звук удара металла о дерево, хруст веток и, наконец, тишина.

Амирхан смотрел на телефон. На экране мигала надпись: «Соединение разорвано».

— Алло? — спросил он в пустоту. — Володя? Ты сбил её?

Google Translate молчал.

Амирхан вздохнул и потёр лицо ладонью.

— Кажется, он сбил сам себя.

Дверь открылась. Вошла Захра. Она была в лабораторном халате, с планшетом в руках, и выглядела так, словно собиралась лично расщепить атом голыми руками.

— Что с русскими? — спросила она.

— Русские выбыли из чата, — Амирхан убрал телефон. — Они... уехали на сафари. Надолго.

— И что теперь? — спросила Захра, глядя на него своими умными, уставшими глазами.

— Теперь звони детям, — сказал он. — И молись, чтобы у кого-нибудь на этой планете был работающий интернет и отсутствие подписки на глупость.

Глава 5. «Сила Сибири» — Сила ТикТока

11:50 EST (00:50 по Пекину). 2 часа 50 минут до звонка Зейнаб. Пекин. Чжуннаньхай (Резиденция высшего руководства КНР). Зал Собраний

В Зале Собраний пахло дорогим жасминовым чаем, лакированным деревом и тихой, вежливой, но смертельно опасной паникой. На стене висела огромная, во всю стену, цифровая карта мира. Китай на ней был большим, ярко-красным и пульсирующим, Тайвань — тоже красным (но с лёгкой штриховкой «в процессе возвращения»), а Россия была закрашена приятным бежевым цветом, который в секретных партийных документах назывался «Зона перспективного ресурсного освоения», а в народе — «Наш северный склад».

Председатель (имя которого вслух произносить было не принято, как имя Волан-де-Морта, только с большим уважением и партийным билетом) сидел в кресле, похожем на трон, и смотрел на траекторию корейской ракеты. Красная линия на карте вела себя как пьяная змея.

— Товарищ Ли, — обратился он к главе разведки, не поворачивая головы. — Скажите мне честно, как коммунист коммунисту. Это наша ракета? Мы продали им чертежи?

— Никак нет, Товарищ Председатель! — Ли поклонился так низко, что его нос почти коснулся ковра. — Мы продали им только чипы от пылесосов Xiaomi и корпус от списанного паровоза времён Культурной революции. Сама технология... она варварская. Грубая. Эффективная в своей тупости.

— Русские?

— Вероятно. Они любят вести двойную игру. Продают нам С-400, а корейцам — чертежи «Буревестника», который не летает, но пугает весь мир своей теоретической возможностью.

— Зачем?

— Чтобы создать напряжение в регионе и поднять цены на нефть. Или просто перепутали папки после банкета в честь дружбы народов. Водка — страшное оружие, товарищ Председатель.

Председатель нахмурился. Его лицо, обычно непроницаемое, как Великая Китайская Стена, дрогнуло.

— Передайте товарищу Киму... — он сделал паузу, подбирая слова, достойные истории. — Скажите ему, что поставки риса прекращаются. И элитного коньяка Hennessy тоже. Пусть пьёт свой ракетный керосин.

В этот момент адъютант с планшетом побледнел так, что стал сливаться с белой рубашкой.

— Товарищ Председатель! Ракета изменила курс! Она прошла над Монголией и теперь входит в воздушное пространство России!

— Ну и пусть, — махнул рукой Председатель. — Пусть русские сами разбираются со своими подарками. У них большая территория, есть где упасть.

— Но, сэр... Она летит над Восточной Сибирью. Прямо над газопроводом «Сила Сибири». И над тайгой, которую мы арендовали на 49 лет.

В зале повисла тишина, нарушаемая только звоном фарфоровой крышки о чашку, которую уронил министр экономики.

— На Сибирь? — Председатель вскочил. — Там же наш газ! Наша нефть! Наш лес! Это же... это удар по китайской экономике!

— Именно, сэр. Если она упадёт там, мы потеряем триллионы юаней. И древесину для IKEA. Где мы будем брать стулья «Ингольф»?

— Звоните русским! — закричал Председатель, теряя конфуцианское спокойствие. — Срочно! Пусть сбивают!

Глава разведки Ли виновато развёл руками.

— Мы пытались, сэр. Но в Кремле автоответчик. Они объявили режим «Ковёр». Говорят, ракетная опасность из-за атаки украинских дронов на Москву. Вся спецсвязь отключена, чтобы враг не запеленговал бункер.

— Какой к чёрту «Ковёр»?! У них Сибирь сейчас сгорит! Звоните по резервному каналу!

— Нет резервного канала, сэр. Красный телефон молчит. Спутники глушат. Видимо, генерал Волков что-то натворил на севере, связь с Арктикой потеряна.

— Тогда... — Председатель на секунду задумался. Его мозг, привыкший управлять полутора миллиардами людей, искал нестандартное решение. — Тогда используйте «ТикТок»!

— Что?! — генералы выронили блокноты.

— «ТикТок»! — повторил Председатель. — Это единственное, что они не блокируют, потому что их солдаты смотрят там видео с танцами и лайфхаками по открыванию тушёнки. Запишите обращение! Срочно! Выведите его в тренды российского сегмента! Хэштег #СпаситеНашЛес! #СбивайтеРакету! #РусскийКитайБратьяНавек!

— Но, Товарищ Председатель, — робко возразил Ли. — Если мы используем алгоритмы «ТикТока» для спецсвязи... Американцы услышат. У них же теперь контрольный пакет акций компании после той сделки с Oracle! Серверы стоят в Техасе! ЦРУ увидит!

— Плевать на ЦРУ! — рявкнул Председатель. — Пусть слушают! Наш сибирский газ и лес нам нужнее, чем секретность! К тому же американцы сейчас заняты гольфом, у президента турнир. Действуйте! И наложите фильтр с котиками! Русские любят котиков, это повысит охваты и виральность!

Через пять минут в ленте у лейтенанта Сидорова в бункере управления ПВО под Москвой (который откровенно скучал, пока начальство «совещалось») появилось странное видео.

Китайский генерал в полной парадной форме, но с цифровыми кошачьими ушками и вибрирующими усами, под вирусный трек «My money don't jiggle jiggle, it folds» яростно тыкал пальцем в карту Сибири, рисовал в воздухе ракету и показывал жестами международный знак «Бум!». Внизу

бегущей строкой шёл текст на ломаном русском: «БРАТ ИВАН! СБЕЙ ЛЕТАЮЩАЯ ПАЛКА! СПАСИ ДЕРЕВО! ДАДИМ МНОГО ОДЕЖДА!»

Сидоров хмыкнул.

«Креативно, — подумал он. — Нейросети совсем с ума сошли».

Он поставил лайк. Написал коммент: «Афтар жжот». И свайпнул дальше. Смотреть, как девушка в бикини чинит карбюратор у классического «Мустанга».

Будить руководство он не стал. Себе дороже.

Глава 6. Геополитика с пирожками

12:50 EST (20:50 по Москве). Спустя час после совещания в Пекине. Москва. Фрунзенская набережная. Национальный центр управления обороной РФ (НЦУО)

В «Атриуме» — так генералы с любовью называли главный зал управления с экраном размером с футбольное поле — пахло дорогим арабикой, полиролью для мебели и дешёвым дезодорантом ночной смены. Дежурный генерал-полковник Ивашов (позывной «Бетон», полученный за непробиваемое выражение лица) сидел в кожаном кресле и меланхолично жевал пирожок с капустой, купленный в буфете Генштаба.

На гигантском экране, где обычно крутили вдохновляющие ролики про гиперзвуковое оружие и парады на Красной площади для поднятия боевого духа операторов, сейчас мигала одинокая, наглая красная точка.

— Товарищ генерал-полковник, — робко произнёс лейтенант-оператор Лебедев, не отрывая взгляда от монитора. — Пхеньян подтверждает пуск.

— Чего на этот раз? — Ивашов аккуратно стряхнул крошки с кителя. — Опять муляж из папье-маше и надежд на светлое будущее?

— Говорят, «Испытательный пуск перспективного метеорологического зонда».

— Зонда? — Ивашов хмыкнул. — С ядерным тепловым следом? Они там что, погоду на Марсе собрались измерять? Или температуру в аду?

Ивашов нажал кнопку прямой линии с Пхеньяном. Трубка была красной, тяжёлой, бакелитовой, и ещё тёплой от предыдущих врак дипломатов.

— Ли! — рявкнул он (на том конце провода сидел северокорейский военный атташе в Москве, который сейчас потел так, что мог бы заполнить бассейн). — Что за хрень вы запустили? У меня тут спутники системы

предупреждения о ракетном нападении с ума сходят. Сирена воет, как мартовский кот!

— Товарищ Ивашов! — голос корейца дрожал, как осиновый лист на ветру. — Это торжество науки Чучхе! Абсолютно мирный атом! Мы... эээ... проверяем розу ветров в верхних слоях атмосферы!

— Куда летит ваш «ветер»?

— Эээ... строго на Восток! В сторону логова империализма! Вашингтон! То есть... в сторону Тихого океана, конечно. Для приводнения.

— А чего этот ваш «зонд» так виляет и низко летит?

— Так... высоту ещё не набрал.

Кореец врал самозабвенно. Он знал, что ракета собрана по украденным у русских чертежам (которые иранский генерал Алави вывез из Фордо при эвакуации). Но если он признается, что ракета русская, Ивашов поймёт, что они украли технологии, и перекроет поставки мазута. Если он скажет, что она корейская — Ивашов будет смеяться до колик. Поэтому он выбрал третий путь: пафосный бред.

Ивашов посмотрел на траекторию. Красная дуга действительно тянулась через Тихий океан к Америке. Сначала.

— На Вашингтон, говоришь? — генерал откусил ещё кусок пирожка, задумчиво жуя. — Ну... Бог в помощь.

— Мы не будем сбивать? — шёпотом спросил лейтенант Лебедев, глядя на генерала с ужасом.

— Сбивать? Лебедев, ты в своём уме? — Ивашов подмигнул. — Если корейские товарищи хотят поздравить США с добрым утром, кто мы такие, чтобы мешать дружбе народов? Пусть летят. Американцы всё равно собьют её над Аляской. А мы выразим глубокую озабоченность. И продадим корейцам ещё китайского риса втридорога.

Но тут красная точка на экране снова дёрнулась. Она сделала пируэт, достойный Майи Плисецкой в лучшие годы, и резко, нарушая все законы баллистики, пошла на север, а затем на юг.

— Опа, — сказал Лебедев. — Товарищ генерал, «зонд» снова передумал. У него, кажется, биполярное расстройство.

— Куда пошла?

— Курс зюйд-зюйд-вест. Огибает Монголию... Прошла над Алтаем... Выходит к Каспию...

Лебедев быстро застучал по клавиатуре. Цифры на экране сменились.

— Расчётная точка падения... Иран. Тегеран. Или Исфahan.

В огромном зале повисла тишина. Слышно было только гудение серверов.

Ивашов смотрел на экран. Его мозг, натренированный годами аппаратных интриг и геополитических пасьянсов, просчитывал варианты быстрее суперкомпьютера «Эльбрус» (который все равно вис на «Сапёре»).

Ракета (явно ядерная, судя по фону, который зашкаливал) летит на Иран. Нашего ситуативного союзника. Надо сбивать? С-400 под Ростовом достанет. С-500 из под Астрахани достанет и ещё сдачу даст.

Но тут Ивашов улыбнулся. Улыбка была страшной, как бюджетный дефицит.

— Лейтенант, — сказал он мягко, почти ласково. — А скажи мне... Если сейчас в Иране, на секретном ядерном объекте, внезапно взорвётся ядерная боеголовка... На кого подумает мировое сообщество?

Лейтенант моргнул.

— Эээ... На Израиль? Или на США? Операция «Полуночный молот 2.0»?

— Именно! — Ивашов хлопнул ладонью по столу так, что подпрыгнул стакан с чаем. — Иранцы взбесятся. Весь исламский мир встанет на дыбы. Ормузский пролив перекроют. Нефть — двести, нет, триста баксов за баррель! Американцы увязнут в новой войне на десять лет. Китай будет в шоке. А мы... мы будем миротворцами. Будем продавать всем гуманитарку, оружие и выражать самые искренние соболезнования.

— Так что, не сбиваем? — уточнил Лебедев, дрожащей рукой потянувшись к мышке.

— Сбиваем? — Ивашов зевнул, прикрыв рот ладонью. — Лейтенант, посмотрите в журнал. У нас регламентные работы. Радар на профилактике. Мы меняли лампы. Мы ничего не видели. Спали. А корейцам, если перезвонят, скажи... скажи, что мы гордимся их успехами в нетрадиционной навигации.

Генерал потянулся к телефону спецсвязи, чтобы позвонить старому другу Волкову в тайгу и рассказать этот анекдот, но вспомнил, что Волков недоступен, в командировке, спасает белых медведей.

— Жаль, — подумал Ивашов. — Волков бы оценил красоту игры.

Он повернулся к экрану, где маленькая красная точка, ведомая чипом от пылесоса и русской геополитической «мудростью», неслась к ничего не подозревающим персам.

— Лети, птичка, — прошептал генерал. — Лети. Сделай нам красиво.

Глава 7. Тентакли стратегического назначения

13:10 EST (03:10 по Пхеньяну). Пхеньян. Подземный бункер стратегического командования

В бункере царила атмосфера организованного, дисциплинированного мародёрства. Сирены не выли (электрик сдал старую проводку в металлолом неделю назад, а новую так и не привезли), но тревога висела в воздухе, густая и липкая, как соус в офицерской столовой. Генералы, ещё час назад с пеной у рта клявшиеся в верности идеям Чучхе и готовности умереть за Партию, теперь тащили в свои личные, особо защищённые отсеки самое ценное.

Асадолла Алави, он же Товарищ Ли, стоял в коридоре, прижавшись спиной к портрету Великого Вождя, выполненного в полный рост, и наблюдал, как мимо него пробегают солдаты с ящиками.

— Это что? — спросил он лейтенанта, который сгибался под тяжестью картонной коробки с надписью «Совершенно Секретно».

— Французский коньяк, товарищ Ли! Урожай 1995 года! Экспортный!

— А это? — он кивнул на следующего, тащившего мешок.

— Йод в таблетках и сушёный кальмар!

— А это? — он указал на полковника, который лично прижимал к груди стопку пластиковых кейсов.

— Коллекция DVD с немецкими обучающими фильмами по анатомии! Личный архив Любимого Руководителя! Золотой фонд нации!

Алави вздохнул. Ракета с ядерным двигателем летела к чёрту на кулички, мир балансировал на грани Третьей мировой, а эти идиоты спасали порнографию, алкоголь и закуску. Впрочем, подумал Алави с цинизмом

человека, пережившего три режима, если ядерная зима все-таки наступит, эти три вещи станут самой твёрдой валютой. Дороже золота и урана.

Сам Алави не собирался сидеть в бетонном склепе и ждать, пока закончится коньяк или кислород. Ему нужно было валить. Прямо сейчас. Пока ракета не упала где-нибудь в Сибири или Иране, и не началась настоящая заварушка, в которой первым делом расстреляют иностранных консультантов как «нежелательных свидетелей».

Он зашёл в кабинет генерала Кима. Тот сидел под массивным дубовым столом и доедал второй чизбургер, нервно озираясь по сторонам.

— Генерал, — сказал Алави спокойно. — Мне нужен вертолёт.

— Зачем? — прочавкал Ким, роняя крошки на орден. — Мы же в безопасности. Бетон — десять метров! Свинец! Мы переживём тут даже прямое попадание демократии!

— Мне нужно... эээ... проконтролировать доставку гуманитарной помощи. Из Японии.

— Какой помощи? Рис есть, я проверял.

— Стратегической, — Алави понизил голос до заговорщического шёпота. — Свежайшие крабы из Канадзавы. И новая партия... визуальных материалов. Японских. Без цензуры.

Глаза Кима загорелись в полумраке под столом так ярко, что могли бы осветить Пхеньян в ночь планового отключения электричества.

— Из Канадзавы? — переспросил он с придыханием. — Те самые, с икрой? Королевские?

— Именно. Но японцы отказываются грузить их на корабль. Боятся радиации и провокаций. Требуют личного присутствия... специалиста. Меня. Я единственный, кто умеет отличать краба от агента ЦРУ.

— А материалы? — Ким облизнулся. — Те самые, где... много щупалец?

— О да. Очень много. Тентакли стратегического назначения. Полное проникновение в тыл врага.

Ким с трудом вылез из-за стола, отряхивая брюки.

— Берите мой личный Ми-8. Он стоит на вертолётной площадке №3. Пилот знает маршрут.

— Какой маршрут? — уточнил Алави.

— Контрабандный, — подмигнул Ким. — Мы по нему возим суши для банкетов ЦК и запчасти для «Мерседесов». Летит низко над водой, ниже радаров. Американцы думают, это стая чаек. Позывной пилота — «Осьминог».

Алави вышел из кабинета, чувствуя, как по спине течёт холодный пот. «Осьминог». Он знал, кто это.

Это был Такеши-сан. Легенда теневого мира Восточной Азии. Человек, который в 90-е возил подержанные праворульные «Тойоты» во Владивосток, в 2000-е — иранскую нефть в обход санкций через Малайзию, а теперь — японское порно и крабов для северокорейской элиты. Алави знал его ещё по работе в ВЕВАК. Такеши был единственным японцем, который умел пить водку с русскими, торговаться с персами и врать корейцам одновременно, при этом цитируя хокку Басё.

Через десять минут Алави уже поднимался по трапу вертолёт, стоящего под маскировочной сеткой. Винты лениво вращались.

Пилот, лысый японец в шароварах и яркой гавайской рубашке с попугаями, надетой поверх кевларового бронежилета, обернулся. В кабине играл японский сити-поп 80-х — Plastic Love.

— Алави-сан? — удивился он, сдвигая авиаторские очки на лоб. — Давно не виделись. Я думал, вас расстреляли в Иране. Или повесили. Или вы стали аятоллой.

— Я тоже так думал, Такеши. Заводи свою шарманку. Летим в Канадзаву.

— За крабами? Или за гейшами?

— За свободой, Такеши. За свободой. И если у тебя есть с собой виски, наливай. Сегодня будет долгая ночь.

Вертолёт, чихнув дымом, поднялся в воздух, оставляя внизу паникующих генералов, ядерную кнопку, заляпанную жиром, и страну, которая готовилась к концу света, спасая самое дорогое — коллекцию хентая.

Алави смотрел в иллюминатор на удаляющийся берег, похожий на черную дыру.

«Я выжил в исламскую революцию, — думал он, делая глоток из фляжки, которую протянул ему Такеши. — Я выжил в войне с Ираком. Я выжил в бункере Фордо. Если я выживу в вертолёте с контрабандистом порнографии под

прицелом ПВО трех стран... я поверю в Аллаха. Или в Илона Маска. Не знаю, кто там из них сейчас дежурит по планете».

Глава 8. Звонок из Преисподней

14:35 EST (04:35 по Пхеньяну). Над Японским морем. Борт вертолѐта Ми-8 «Осьминог»

Вертолѐт трясло, как старый «Пейкан» на горной дороге. Такеши-сан, пилот в гавайской рубашке и с повязкой камикадзе на лбу, одной рукой держал штурвал, а другой пытался открыть банку с маринованным имбирѐм, используя армейский нож.

— Турбулентность, Алави-сан! — кричал он, перекрывая рѐв винтов и японский поп из динамиков. — Крабы нервничают! Имбирь не открывается! Плохой фэн-шуй!

— Следи за горизонтом, Такеши! — рявкнул Алави, пытаясь удержаться на ящике с надписью «Тентакли: Спецвыпуск», на котором он сидел.

Он прижал к уху свою Nokia. Связь над морем была паршивой, как настроение иранского пенсионера в день выплаты пенсии.

— Захра! — кричал он. — Ты позвонила?

Голос Захры прорывался сквозь треск помех и шум моря:

— Я звонила! Она не берет!

— Почему?! У неё что, сессия? Или она спит? Или её похитили инопланетяне?

— Хуже! У неё «личные границы»! Она сбросила меня три раза! Написала в мессенджере, что «выбирает себя» и у неё йога!

— Что она выбирает?! — Алави поперхнулся воздухом. — Йога? Захра, скажи ей, что если она не возьмѐт трубку, ей нечего будет выбирать, кроме уровня радиации в Массачусетсе! Какая, к шайтану, йога, когда мир летит в тартары?!

— Она отключила телефон! Я не могу пробиться! Амирхан тоже звонил, Насрин писала капслоком... Бесполезно. Она в «домике». У неё ретрит.

Алави посмотрел на пластиковую коробку под собой. Ситуация становилась настолько абсурдной, что даже его тридцатилетний опыт работы в разведке пасовал. Мир висел на волоске, ядерный апокалипсис приближался

со скоростью полтора маха, а девочка в Бостоне играла в обиженную дочь и дышала маткой.

— Диктуй номер, — сказал Алави решительно.

— Зачем?

— Я сам позвоню.

— Она не ответит на звонок с незнакомого. Она же «выбирает себя».

— С иранского не возьмёт. А у меня тут... — он посмотрел на экран телефона, где высвечивался значок северокорейского оператора Koryolink, поймавшего, наконец, сигнал с береговой вышки, — у меня тут экзотика. Пхеньянский номер. Код +850. Это должно её заинтриговать. Любопытство сильнее обиды. Персидская женщина может простить обиду, но она не может проигнорировать тайну.

— Алави, ты уверен?

— Захра, я сижу на ящике с порнографией в вертолёте японского контрабандиста над Восточным морем, а где-то там летит ядерная ракета с навигацией от пылесоса. Я уверен только в том, что Аллах ушёл на перекур и оставил ключи от мира идиотам. Диктуй цифры!

Он записал номер на манжете своей белой, когда-то дорогой рубашки, используя маркер, одолженный у Такеши (бумаги не было, салфетки украл генерал Ким для своих нужд).

— Такеши! — крикнул он пилоту. — У тебя есть спутниковый усилитель?

— Конечно! — Такеши кивнул на приборную панель, где рядом с пластиковой иконкой Будды и талисманом Hello Kitty был приклеен скотчем какой-то черный блочок с антенной. — Я по нему смотрю бейсбол в прямом эфире! «Янкиз» против «Ред Сокс»!

— Врубай на полную! Мне нужно дозвониться в Америку! И выключи музыку, ради всего святого!

Такеши щёлкнул тумблером.

Алави набрал номер.

Гудок. Длинный, протяжный, американский гудок.

Ещё гудок.

«Давай, девочка, — думал он, сжимая телефон так, что пластик скрипел. — Давай, Зи-Зи. Забудь про своего психотерапевта и свои травмы. Вспомни, чья ты дочь. Вспомни, что ты персиянка. А персиянки любопытны, как кошки, и живучи, как тараканы».

Гудки прекратились. Щелчок.

— Алло? — раздался в трубке голос, полный недоумения и страха. — Это... доставка суши?

Алави ухмыльнулся.

— Почти, — сказал он на безупречном английском, который учил ещё при шахе в Лондоне. — Доставка проблем на дом. Здравствуй, Зейнаб. Это Асадолла Алави. И у меня для тебя плохие новости...

Глава 9. Эффективный Антихрист и World of Tanks

14:55 EST. Через 15 минут после звонка Алави. Кембридж, Массачусетс. Лаборатория Линкольна

Зейнаб быстро, но доходчиво (с использованием трёхэтажного фарси и схемы на салфетке) объяснила Кевину суть проблемы. Кевин кивнул, сделал серьёзное лицо и открыл Google Maps.

— Так, Северная Корея... — пробормотал он, водя пальцем по экрану. — Это где-то рядом с Австралией, да? Там кенгуру?

Зейнаб закрыла глаза. Она поняла: наука бессильна. Ей нужен был «Взрослый». Человек с погонями, допуском и знанием географии хотя бы на уровне пятого класса.

У неё был такой. Майор Брэдли Купер (нет, к его глубочайшему сожалению, не актёр, хотя внешнее сходство он подчёркивал, как мог). Куратор от DARPA, который финансировал её проект с дронами-колибри. Человек с квадратной челюстью, квадратными плечами и квадратным мышлением, идеально вписывающимся в коробку устава.

— Ладно, — сказала Зейнаб телефону. — Я звоню в Пентагон. Если они меня арестуют за шпионаж, ты, Кевин, будешь носить мне передачи. И только с матча-латте на овсяном, понял? Никакой сои.

Она набрала номер экстренной связи майора.

Секретный бункер под штаб-квартирой Palantir. Вашингтон, округ Колумбия

В зале царил полумрак, пахнувший дорогим одеколоном, кожей кресел и интеллектуальным снобизмом высшей пробы. На сцене, освещённый единственным лучом прожектора, стоял Питер Тиль. Он выглядел как вампир-веган, который только что удачно инвестировал в стартап по производству синтетической крови.

В зале сидела элита: четырехзвездные генералы, венчурные капиталисты с Силиконовой долины, Илон Маск (который твитил мемы про Dogecoin с заднего ряда) и майор Брэдли Купер.

Майор Купер чувствовал себя причастным к Великой Тайне. Он сидел с прямой спиной и слушал, раскрыв рот.

— Мы приближаемся к сингулярности, — вещал Тиль тихим, гипнотическим голосом, от которого хотелось отдать ему все деньги. — Демократия — это операционная система, которая не обновлялась с версии 1.0. Она полна багов. Глюков. Вирусов популизма. Нам нужен хард-ресет. Нам нужен Кейтхон. Удерживающий.

В кармане майора завибрировал телефон. Он поморщился. Кто смеет звонить во время проповеди Пророка Эффективности?

Он украдкой, прикрыв ладонью, глянул на экран. «Зи (Дроны)».

«Сбросить». Не сейчас, девочка. Дядя занят спасением Запада.

— Новый Антихрист не придёт с рогами и вилами, — продолжал Тиль, делая театральную паузу. — Он придёт с алгоритмом. Он будет децентрализован. Он будет блокчейн-демоном, распределённым реестром греха. Цифровым Левиафаном, который пожрёт суверенитет государств...

Телефон Купера зажужжал снова. Настойчиво, истерично. Как муха, бьющаяся о стекло в попытке вылететь на свободу.

На экране всплыло уведомление:

«Зи: БРЭД, ВОЗЬМИ ТРУБКУ! КОРЕЙЦЫ ЗАПУСТИЛИ ЯДЕРНЫЙ ПЫЛЕСОС! ОН ЛЕТИТ НА ВАС!»

Купер прочитал сообщение в превью. «Ядерный пылесос».

— Эти учёные, — подумал он с раздражением. — Вечно у них метафоры. Поэты от физики. Наверняка опять просит увеличить бюджет на микрочипы или жалуется на кофемашину. Не сейчас, милая. Тут решается судьба цивилизации.

Он перевёл телефон в режим «Не беспокоить».

— ...И только Корпорация-Монарх, — говорил Тиль, и его глаза сверкали в темноте холодным светом чистого разума, — способна остановить энтропию. Мы должны построить ковчег. Не для всех. Для достойных. Для тех, кто понимает код. Для тех, у кого высокий IQ и нет моральных предрассудков.

Майор Купер кивал. Он понимал. Он был достоин. Он чувствовал, как растёт его IQ.

А в это время в реальном мире, на высоте 230 метров, ракета с корейскими иероглифами на борту, управляемая перегретым чипом от пылесоса Xiaomi, решила, что горный хребет Гиндукуш — это ножка стула, которую надо объехать, и резко свернула в сторону Африки.

Кембридж

— Он не берет, — сказала Зейнаб, глядя на экран с ужасом. — Он сбросил. Два раза.

— Может, он в туалете? — предположил Кевин, доедая круассан. — У военных тоже бывает диарея.

— Кевин, это спецлиния! Они должны брать трубку, даже если они рожают тройню! Это протокол!

— Ну, значит, он занят чем-то более важным, чем ядерная война.

— Чем?! Что может быть важнее?!

— Не знаю. Может, слушает подкаст про эффективность тайм-менеджмента? Или медитирует?

Зейнаб застонала и уронила голову на стол.

— Отлично. Просто отлично. Папа в Иране не может взломать ракету, потому что у них нет интернета. Пентагон не отвечает, потому что у них, видимо, лекция по спасению мира от абстрактного зла. А конкретное зло с плутониевым сердечником летит сюда, заодно заражая полмира радиацией.

Она подняла голову. В глазах стояли слёзы бессилия.

— Кевин, у тебя есть знакомые хакеры? Настоящие? Не те, кто ломает автоматы с газировкой.

— Ну... — Кевин почесал розовый затылок. — Есть один парень. Украинец. Мы с ним играли в World of Tanks в одном клане. Мы были лучшими на сервере!

— В танки? — Зейнаб замерла. Воспоминание ударило её под дых. Мама. JagdpanFer_83. Танки.

— Ага. У него ник «Bandera_Sniper». Или «Kyiv_Ghost», он меняет ники. Он крутой. Он сейчас вроде в Африке, фрилансит. Говорит, там интернет лучше, чем в Калифорнии, и никто не спрашивает про налоги. Работает на какую-то ЧВК, но по вечерам стримит.

— Звони ему.

— В Африку? В ЧВК? Зи, это дорого. И стрёмно.

— Кевин!!! Я оплачу роуминг своей почкой! Звони этому Снайперу! Сейчас же!

Кевин вздохнул, открыл Discord и нашёл контакт с аватаркой козака, курящего трубку на фоне ядерного взрыва.

— Привет, бро, — написал он дрожащими пальцами. — Тут такое дело... Помнишь, ты говорил, что у тебя есть доступ к РЭБ? Нам нужно уронить одну штуку.

Глава 10. Мартас-Винъярд и веганская индейка

14:30 EST. Примерно в то же время (и чуть раньше). Пентагон. Национальный военный командный центр (NMCC)

Атмосфера в «Танке» — так ласково называли этот бункер начальники штабов, хотя по уровню кислорода он больше напоминал консервную банку — была наэлектризована до предела. На огромных экранах красная точка, обозначающая северокорейскую ракету «Тэпходон-Х», ну или как там её называли эти корейцы, выписывала над Тихим океаном кренделя, которые заставили бы поседеть любого инструктора по баллистике и возгордиться любого инструктора по фигурному катанию.

— Высота двести метров! — докладывал оператор, у которого от напряжения запотели очки в толстой роговой оправе. — Скорость — полтора маха. Она идёт под радарам, используя складки местности и... эээ... облака. Мы не можем её сбить, не задев гражданские лайнеры, китов или чувства защитников природы!

Председатель Объединённого комитета начальников штабов, генерал Брэдфорд «Бульдог» Стерлинг, вытер лоб шёлковым платком с монограммой.

— Вы доложили Президенту? — рявкнул он.

— Никак нет, сэр! — адъютант вжался в кожаное кресло. — Он не берет трубку.

— У него что, опять деменция разыгралась? Код Красный! Ядерная угроза!

— Сэр, пресс-секретарь передал, что после получения Нобелевской премии мира Президент просил не беспокоить его по пустякам. Он сказал: «Я принёс вам мир, остальное — детали».

— Где он, черт возьми?!

— Во Флориде, сэр. В Палм-Бич. У него товарищеский турнир по гольфу с друзьями. Пятнадцатая лунка. Пока он проигрывает, сэр. Если мы его отвлечём, он наложит вето на наш бюджет на следующие пять лет.

Генерал Стерлинг скрипнул зубами так, что стало слышно на галёрке.

— Ладно. А Вице-президент? Он в курсе?

В зале повисла тишина. Все генералы, адмиралы и аналитики переглянулись с выражением искреннего, неподдельного ужаса. Кто-то на заднем ряду громко, с характерным «пшшш», открыл банку диетической колы. Звук прозвучал как выстрел в висок демократии.

— Ясно, — вздохнул Стерлинг. — Тоже с клюшкой. Или с коктейлем. Мы одни, джентльмены. Сироты на празднике жизни.

В этот момент оператор вскрикнул:

— Сэр! Цель меняет курс! Резкий разворот на девяносто градусов!.. И она вновь набирает скорость!

— На нас? — Стерлинг схватился за сердце (или за бумажник во внутреннем кармане).

— Нет, сэр! Она снова уходит от Гавайев! Курс — Вест-Норд-Вест!

— Куда это?

— Судя по траектории... Тайвань. Потом материковый Китай. А потом... Россия. Сибирь.

В бункере раздался коллективный выдох, похожий на сдувание гигантского воздушного шара. Плечи генералов опустились. Лица, секунду назад багровые от натуги, приобрели нормальный, здоровый цвет людей, у которых отличная медицинская страховка и пенсия.

— Китай и Россия... — протянул Стерлинг, и на его лице появилась улыбка чеширского кота, объевшегося сметаной. — Ну что ж. Это меняет дело. Это меняет всё.

— Сэр, надо предупредить Пекин? — робко спросил молодой аналитик из ЦРУ. — У них там Тайвань на пути.

— Зачем? — искренне удивился Стерлинг. — Тайвань — это Китайская Республика. Пекин — Китайская Народная Республика. Это две китайские республики, сынок! Вот пусть республиканцы в Конгрессе с ними и разбираются. Это партийная линия, а не военная.

— Но, сэр, — не унимался аналитик. — А если она долетит до России? Может, хотя бы русским звякнем? По «красной линии»?

Стерлинг отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Россия — это Европа. Ну, или Азия. Короче, это дело НАТО. Или Евросоюза. Пусть еврокомиссарка им звонит. А мы... мы умываем руки.

Он уже шагнул к двери, но остановился, словно вспомнив что-то важное. Обернулся к залу, полному офицеров.

— Но, джентльмены, держите руку на пульсе. Если эта хреновина снова развернётся... если она полетит на Майами... — его голос дрогнул, в нем прозвучала неподдельная тревога. — Или, не дай бог, на Мартас-Винъярд, где у моей жены ранчо... Вот тогда мы будем принимать меры. Самые решительные. Мы разбудим Президента. Мы поднимем авиацию. Мы сожжём атмосферу, если понадобится.

Он вышел в коридор, достал личный телефон и набрал номер.

— Алло? Кевин?

— Да, дядя Брэд? — раздался в трубке голос племянника, полный вселенской скорби.

— Кевин, сынок, как ты там? Как твоя наука в MIT? Всё ещё красишь волосы в этот... революционный цвет?

— Дядя, я занят. У нас тут... сложная ситуация. Мы пытаемся спасти мир.

— Да брось, какая у вас в МТИ может быть ситуация? Пробирка лопнула? Гендерно-нейтральный туалет закрыли на ремонт? Слушай, я чего звоню... Твоя тётя спрашивала, ты приедешь на День Благодарения? Мы купили ту веганскую индейку из тофу, как ты любишь.

— Дядя Брэд! — голос Кевина сорвался на визг. — Ты понимаешь, что сейчас...

— Всё, всё, не кипятись. Люблю тебя, сынок. Не перетруждайся.

Генерал Стерлинг повесил трубку, чувствуя себя отличным дядей и спасителем отечества. Он не знал, что в этот самый момент его племянник Кевин Стерлинг, стоя рядом с Зейнаб Мусави, пытался найти номер украинских наёмников в Африке, потому что его дядя только что официально разрешил ракете лететь дальше.

Глава 11. Гарантия безопасности

15:05 EST (20:05 Местного времени). Сахель. Граница Мали и Нигера. «Нейтральная зона»

Лагерь ЧВК «Степові вовки» напоминал декорации к «Безумному Макс», если бы его снимали в Житомире. Палатки были укрыты маскировочной сеткой, сплетённой из местных лиан. На крыше командирского джипа «Toyota Hilux» (с пулемётом в кузове) стояла тарелка Starlink, рядом сушились носки. В центре лагеря на костре из ящиков от боеприпасов жарилась нога антилопы, которую подстрелили час назад.

Командир отряда, Тарас (позывной «Admin»), сидел в раскладном кресле и чистил ноутбук от песка. В прошлой жизни он был Senior Backend Developer в киевском аутсорсе, но потом решил, что реальная война честнее, чем корпоративные интриги.

Его зам, Остап (позывной «Агроном», бывший фермер, который мог починить всё, от трактора до танка, с помощью изоленты и мата), помешивал мясо штык-ножом.

— Эх, сейчас бы сальца, да с горилкой, — мечтательно бормотал командир глядя на рога антилопы.

— Тарас, — сказал Остап лениво, глядя в экран планшета, подключённого к самодельному радару. — У нас тут гости.

— Туареги? — Тарас не поднял головы. — Скажи им, что сигареты кончились.

— Не. Летит что-то. Высоко. Быстро. И фонит, як Четвёртый энергоблок после смены.

Тарас захлопнул ноутбук.

— Беспилотник? Французский?

— Ага, размером с автобус «Богдан». Летит криво, как будто водитель пьяный. Похоже, навигация сдохла.

В этот момент на ноутбуке Тараса звякнул Discord. Сообщение от пользователя Kevin_PINK_Panic (Кевин).

«Бро! Срочно! К вам летит северокорейская ракета! Ядерная! Пароль от админки: 123456. Сбейте её или посадите, иначе нам всем капец!»

Тарас прочитал. Поднял бровь.

— Остап, — сказал он спокойно. — Врубай нашу «шарманку». Это не французский беспилотник. Это посылка от Ким Чен Ына.

— Та ты шо? — Остап сплюнул. — И шо там? Рис?

— Плутоний. Давай, заводи РЭБ. Кевин прислал пароль.

Остап подошёл к странной конструкции, собранной из двух микроволновок, спутниковой тарелки и блока управления от трофейного российского комплекса «Красуха».

— Пароль?

— 123456.

— Серьёзно? — Остап хмыкнул. — У меня на чемодане сложнее код.

Он ввёл цифры. Экран мигнул зелёным. «ACCESS GRANTED».

— Опа. Мы в системе. Шо робыть?

— Сажай её, — скомандовал Тарас. — Включай эмуляцию GPS. Дай ей координаты... вон того бархана. И вруби музыку погромче на этой частоте. Пусть думает, что летит на дискотеку.

Остап крутанул ручку. Из динамиков, подключённых к системе, на всю пустыню заорала Верка Сердючка: «Гоче! Гоче! Гоп-гоп!».

В небе, на высоте десяти километров, ракета «Хвасон-21-Супер-Турбо», у которой мозги уже сварились от собственной радиации, поймала мощный сигнал. Её примитивный ИИ, созданный на базе пылесоса, решил, что этот ритм — биение сердца Матери-Родины. Маяк «Дом».

Ракета плавно, с грацией уставшего кита, начала снижение. Она вошла в штопор, выпустила тормозные парашюты (сшитые из китайского шелка) и с глухим «БУМ» плюхнулась в мягкий песок в пяти километрах от лагеря.

Взрыва не последовало. Китайский детонатор, как и ожидалось, не сработал.

Через десять минут джип Тараса и Остапа подъехал к месту падения. Ракета лежала на боку, дымясь и потрескивая. На чёрном боку красовалась надпись иероглифами: «Смерть врагам!» (и ниже мелом: «Сделано в Пхеньяне, сборка цех №5»).

Тарас подошёл, померил фон дозиметром.

— Терпимо. Если не облизывать.

— Тарас, це шо? — спросил Остап, пиная корпус ногой.

— Це, Остап, ядерна боеголовка. Полмегатонны для демократии.

— Ого. И шо робыть? В ООН звонить? Или американцам? Пусть забирают.

Тарас посмотрел на горизонт, где садилось африканское солнце, огромное и красное.

— Ты дурак? Какой ООН? Они только выразят озабоченность. А американцы ещё счёт выставят за утилизацию.

— И шо тогда?

— Грузим в кузов.

— Нахиба? (Зачем?)

— Як нахиба? — Тарас похлопал ракету по тёплому боку. — В хозяйстве пригодится. Вещь надёжная, хоть и страшная. Переправим хлопцам. Или продадим Илону Маску за биткоины. Или... — он задумался. — Слушай, а давай её пока в сарай спрячем? Закопаем под пальмой.

— Зачем?

— Ну как зачем... Вдруг на Родине пригодится? Как гарантия безопасности. Будапештский меморандум 2.0, только теперь с реальным аргументом.

Остап улыбнулся, показав золотой зуб.

— А шо, дило кажешь. Грузи, хлопцы!

Они накинули тросы, подцепили ракету к лебёдке и потащили её в сторону лагеря, под звуки саванны и далёкий вой шакалов.

Глава 12. Земля Обетованная

15:45 EST (00:15 по Тегерану). Тегеран. Район Элахие. Конспиративная квартира (особняк) доктора Хасана Резаи

В гостиной, заставленной антикварной мебелью и коробками с надписью «Архив/Сжечь», царила атмосфера «Титаника», когда шлюпки уже закончились, а оркестр начал играть джаз.

Семья Мусави была в сборе. Захра сидела на диване, обхватив себя руками. Амирхан мерил шагами комнату, проверяя обойму пистолета (привычка, бесполезная против ядерного взрыва, но успокаивающая). Насрин курила в открытое окно, стряхивая пепел на ухоженный газон. Захир, её муж (они расписались тихо, год назад), сидел на полу, изучая планшет с картой воздушного пространства.

— Ну? — спросил Амирхан, остановившись. — Захир?

Захир поднял голову. В его глазах, глазах лётчика-аса, который не боялся ничего, кроме гнева своей жены, была безнадёжность.

— Никак, отец, — сказал он. — Мой F-14 — прекрасная машина. Легенда. Но ему пятьдесят лет. Его радар видит далеко, но эта корейская дрянь летит ниже гор, огибая рельеф. Я могу взлететь. Я могу попытаться её найти. Но шансы... один на миллион. Это как ловить муху в темной комнате, сидя верхом на газонокосилке.

— Значит, перехвата не будет, — констатировала Насрин, выбрасывая окурочек. — Значит, будет триаж. Сортировка раненых. «Зелёные» — выживут, «чёрные» — морфий и в сторону.

Она посмотрела на родителей.

— Проблема в том, что если эта штука рванёт над Тегераном, «чёрными» будем мы все. Работы у меня не будет. Пациентов тоже. Только тени на асфальте.

Доктор Резаи, бывший шпион, предатель и патриот (в зависимости от времени суток), вышел из кабинета. В руках у него были паспорта.

— Оставаться здесь нельзя, — сказал он спокойно. — Подвал не спасёт. Нужно улетать. Прямо сейчас.

— Куда? — горько усмехнулась Захра. — В Исфахан? Там тоже мишень. В Мешхед? В Шираз? Ракета непредсказуема.

— Нет, — Резаи положил паспорта на стол. — Есть одно место. Единственное место в регионе, у которого есть «Железный купол», «Праща Давида» и «Хец-3». Место, которое собьёт эту ракету, даже если она будет лететь задом наперёд.

В комнате повисла тишина. Амирхан перестал щелкать затвором.

— Ты имеешь в виду... — начал он, и голос его сел.

— Израиль, — сказал Резаи. — Тель-Авив.

— Ты спятил, — прошептала Захра. — Мы — семья полковника КСИР. Я — создатель центрифуг. Нас там расстреляют прямо в аэропорту Бен-Гурион. Или, что хуже, заставят давать интервью CNN.

— Не расстреляют, — Резаи достал из кармана визитку. Помятую, жирную визитку. — У меня там... есть контакт. Надёжный.

— Моссад? — спросил Амирхан, хватаясь за сердце.

— Хуже. Мой двоюродный брат. Он уехал в 79-м. Держит сеть фалафельных в Яффо. «У Хасана». Да, его тоже зовут Хасан. Он должен мне денег. Много денег. Он нас спрячет. В подвале, где хранит нут.

Амирхан посмотрел на Резаи, потом на жену, потом на детей. Вся его жизнь, вся его карьера, все лозунги «Смерть Израилю», которые он слышал и произносил сорок лет, — всё это сейчас взвешивалось на весах против жизни его дочерей.

— Фалафельная, — повторил он. — Замначальника разведки КСИР будет прятаться среди нута в Яффо.

— Амирхан, — сказала Захра тихо. — Это выживание.

Амирхан закрыл глаза.

— Собирайтесь, — сказал он. — Только быстро. И никаких хиджабов. Насрин, найди что-нибудь... менее иранское.

Начался хаос сборов. В чемоданы летело всё подряд: тёплые вещи (зачем в Израиле?), семейные альбомы, ноутбуки. Захир помогал Насрин, упаковывая её хирургические инструменты.

— Я не верю, что мы это делаем, — бормотал Амирхан, запихивая носки в дипломат. — Если об этом узнают в штабе, меня проклянут до седьмого колена.

— Если ракета упадёт, штаба не будет, — резонно заметила Захра.

Через пятнадцать минут они стояли в прихожей. Чемоданы у ног. Паспорта в руках. Резаи звонил кому-то по спутниковому телефону, договариваясь о «частном борте» через Турцию.

— Всё готово, — сказал он. — Вылет через час из частного сектора Мехрабада.

И тут у Захры зазвонил телефон.

Мелодия «Dynamite» BTS. Она поставила её на звонок Зейнаб после того памятного разговора, как знак примирения.

Захра схватила трубку. Руки дрожали.

— Зейнаб? Доченька?

В комнате стало так тихо, что было слышно, как тикают настенные часы.

— Мама, — голос Зейнаб был усталым, но спокойным. — Распаковывайтесь.

— Что? — Захра осела на чемодан.

— Всё. Кончилось. Ракета упала.

— Где?! В Вашингтоне?

— Нет. В Африке. В Сахаре. Её перехватили... — Зейнаб запнулась, подбирая слова, — специалисты по кибербезопасности. Украинские фрилансеры. Они её посадили. В песок. Взрыва не было.

Захра выдохнула. Этот звук был похож на сдувающуюся шину.

— Она цела?.. Боеголовка?

— Цела. Парни сказали, что спрятали её в сарай. «На всякий случай». Мама, мы живы.

Захра выронила телефон. Она посмотрела на мужа. На Резаи. На детей.

— Африка, — сказала она. — Украинцы. Сарай.

Амирхан медленно сел на пол, прямо на свой дипломат. Он начал смеяться. Сначала тихо, потом громче. Это был смех человека, который только что заглянул в бездну и увидел, что бездна показала ему язык.

— Фалафель отменяется, — сказал он сквозь смех. — Слава Аллаху и украинским фрилансерам.

Резаи, который выглядел разочарованным (видимо, он уже настроился на средиземноморский климат), спрятал телефон.

— Ну что ж, — сказал он, возвращая себе достоинство. — Кризис миновал. Можно пить чай.

Семья начала медленно, как в замедленной съёмке, распаковывать вещи. Насрин доставала инструменты. Захир — планшет.

Амирхан поднял с пола визитку, которую обронил Резаи.

«Фалафель у Хасана. Лучший хумус в Яффо. Спросить Мишу».

Он повертел её в руках. Посмотрел на Захру, которая аккуратно складывала свой лабораторный халат.

— Захра, — позвал он.

Она обернулась.

Амирхан подошёл к ней и вложил визитку ей в ладонь.

— Возьми, — сказал он серьёзно.

— Зачем? — удивилась она. — Мы же никуда не едем.

— Пусть будет, — Амирхан сжал её пальцы. — Положи в тот карман, где ты хранишь свои самые большие секреты. Мир сошёл с ума, Захра-джан. Сегодня Африка, завтра Антарктида. А хороший фалафель... хороший фалафель — это всегда твёрдая валюта. И, как говорил Алави... лучше иметь запасной аэродром, чем быть героем посмертно.

Захра посмотрела на него. Потом на визитку. И улыбнулась — той самой улыбкой, от которой когда-то, тридцать лет назад, в Исфахане, он терял голову.

— Ты прав, — сказала она. — Спрячу. Рядом с рецептом кимчи от товарища Ли.

Эпилог

*17:20 EST. Спустя час после падения ракеты. Майами, Флорида.
Частный гольф-клуб «Трамп Интернешнл»*

Солнце Флориды было беспощадным, как налоговая служба, но здесь, на идеально подстриженном газоне восемнадцатой лунки, оно казалось ласковым и почтительным. Пальмы не шелестели, чтобы не отвлекать игроков. Океан шумел вполголоса.

Президент Соединённых Штатов (имя которого в протоколе было заменено на «POTUS», но все знали, что это он, по характерной причёске и манере носить красную бейсболку) стоял над мячом. Это был решающий удар. На кону стояла не судьба мира, а нечто гораздо более важное: ящик винтажного «Dom Pérignon», золотая клюшка и титул чемпиона среди бывших и действующих президентов.

Вокруг стояла почтительная тишина. Секретная служба замерла в кустах, сливаясь с ландшафтом. Бывший президент, проигравший три лунки назад, делал вид, что проверяет сообщения в Twitter (простите, X), но на самом деле молился, чтобы соперник промахнулся.

Президент прицелился. Замахнулся. Удар. Тихий, сухой звук контакта металла с пластиком.

Мяч взлетел по идеальной дуге, описал параболу, достойную учебника физики, упал на грин, прокатился три метра и... ..с мягким стуком упал в лунку.

— Да! — закричал Президент, вскидывая руки к небу. — Видели?! Видели?! Минус три пар! Это рекорд клуба! Это рекорд Америки!

Толпа советников и спонсоров взорвалась аплодисментами. Кто-то открыл шампанское. Кто-то уже постил видео удара в Truth Social.

К Президенту, сияющему, как начищенный доллар, подбежала молодая помощница с папкой «Сверхсрочно». Она была бледной, у неё дёргался глаз, а туфли на шпильках утопали в траве.

— Господин Президент! — задыхаясь, прошептала она. — Срочный доклад от Объединённого комитета начальников штабов!

Президент взял у неё бокал шампанского, не глядя на папку.

— Что там, милая? Опять дефицит бюджета? Или Китай ввёл санкции на айфоны?

— Нет, сэр! Ядерная угроза! Северокорейская ракета! Межконтинентальная! С ядерным двигателем!

Президент замер с бокалом у рта.

— Ракета? — переспросил он. — Ким опять балуется? Я же говорил ему, что у меня кнопка больше!

— Сэр, она летела на нас! Через Тихий океан! А потом через Россию! А потом через Иран! Это был кризис уровня «Карибского», сэр! Мы были в шаге от Армагеддона!

Президент нахмурился. Слово «Армагеддон» ему не нравилось. Оно плохо влияло на фондовый рынок.

— И где она сейчас?

— Обезврежена, сэр! Упала в Африке. В Сахаре. Жертв нет. Радиационный фон в норме. Мир спасён!

Президент посмотрел на помощницу. Потом на свою новую клюшку, которую ему только что вручил директор клуба. Потом на табло, где горели цифры его победы.

— Какая ракета? — переспросил он, отмахиваясь. — О чем ты говоришь? Я только что сделал «бёрди» на восемнадцатой! Ты видела этот свинг? Это было легендарно!

— Но сэр... Ядерная война...

— Слушай, — он по-отцовски похлопал её по плечу. — Войны приходят и уходят. А минус три пар в моём возрасте — это вечность. Забудь про ракету. Где шампанское? Я сегодня в ударе!

Он повернулся к камерам, поднял бокал и широко улыбнулся.

— Make Golf Great Again! — крикнул он.

А в это время, где-то далеко, в африканской пустыне, остывала ядерная боеголовка, зарытая в песок. В Тегеране Амирхан Мусави прятал визитку фалафельной в сумочку супруги. В Пхеньяне генерал Ким доедал третий чизбургер.

И мир продолжал вращаться, спасённый не героизмом, а чистой, незамутнённой случайностью и тем фактом, что иногда даже апокалипсис берет выходной, чтобы не мешать хорошей игре в гольф.

И только Алави, сидя в глубоком кресле частного бизнес-джета, летящего через Тихий океан курсом на Бостон, не спал. Он крутил в пальцах стакан с украденным французским коньяком 1985 года и смотрел в черное окно, где отражалось его собственное лицо — старое и уставшее. Он думал не о ракете. И не о спасённом мире. Он думал о том, узнает он завтра Зейнаб или нет. Ведь говорят, что у детей, которые переигрывают своих родителей в искусстве выживания, меняется цвет глаз. Они становятся цвета пепла.

КОНЕЦ